

Очерк истории гражданского общества, Восьмое издание

Адам Фергюсон

**An Essay on the History of Civil Society,
Eighth Edition**

Adam Ferguson

Электронная книга проекта "Гутенберг", Эссе по истории гражданского общества, восьмое издание

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Очерк истории гражданского общества, Восьмое издание

Автор: Адам Фергюсон

Дата выхода: 1 августа 2005 г. [Электронная книга № 8646]

Последнее обновление: 2 января 2021 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсеры: Стэн Гудман, Уильям Крейг, Чарльз Фрэнкс и команда онлайн-корректоров

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ЭССЕ ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА", ВОСЬМОЕ ИЗДАНИЕ ***

Продюсеры: Стэн Гудман, Уильям Крейг, Чарльз Фрэнкс

и Команда онлайн-редакторов, распространяющих корректуру.

Это авторизованное факсимиле оригинальной книги, изготовленное в 1971 году методом микрофильмокопирования компанией University Microfilms, компанией Xerox, Анн-Арбор, Мичиган, США

ОЧЕРК ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА.

* * * * *

АВТОР: АДАМ ФЕРГЮСОН, Л.Л. Д.

Содержание

* * * * *

ЧАСТЬ I. ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ.

РАЗДЕЛ I. Вопросы , касающегося состояния природы

РАЗДЕЛ II. Принципы самосохранения

РАЗДЕЛ III. Принципы объединения человечества

РАЗДЕЛ IV. Принципы войны и разногласий

РАЗДЕЛ V. Интеллектуальные способности

РАЗДЕЛ VI. О моральных чувствах

РАЗДЕЛ VII. О счастье

РАЗДЕЛ VIII. Продолжение той же темы

РАЗДЕЛ IX. Национальное счастье

РАЗДЕЛ X. Продолжение той же темы

ЧАСТЬ II. Из ИСТОРИИ ГРУБЫХ НАРОДОВ.

РАЗДЕЛ I. Сведения по этому предмету, почерпнутые из Древности

РАЗДЕЛ II. О коренных народах до установления собственности

РАЗДЕЛ III. О грубых нациях, находящихся под впечатлением собственности и интереса

* * * * *

ЧАСТЬ III. Из ИСТОРИИ ПОЛИТИКИ И ИСКУССТВА.

РАЗДЕЛ I. О влиянии климата и ситуации

РАЗДЕЛ II. История политических институтов

РАЗДЕЛ III. О национальных объектах в целом, а также об учреждениях и нравах, связанных с ними

РАЗДЕЛ IV. Население и богатство

РАЗДЕЛ V. Национальная оборона и завоевания

РАЗДЕЛ VI. О гражданских свободах

РАЗДЕЛ VII. Истории искусств

РАЗДЕЛ VIII. Из истории литературы

ЧАСТЬ IV. О ПОСЛЕДСТВИЯХ, КОТОРЫЕ ВОЗНИКАЮТ В РЕЗУЛЬТАТЕ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО И КОММЕРЧЕСКОГО ИСКУССТВА.

РАЗДЕЛ I. О разделении искусств и профессий

РАЗДЕЛ II. О подчинении, вытекающем из разделения искусств и профессий

РАЗДЕЛ III. О нравах утонченных и коммерческих наций

РАЗДЕЛ IV. Продолжение той же темы

* * * * *

ЧАСТЬ V. "ЗАКАТ НАЦИЙ".

РАЗДЕЛ I. О предполагаемом Национальном величии и превратностях человеческих судеб

РАЗДЕЛ II. О временных усилиях и ослаблении национального духа

РАЗДЕЛ III. Об ослаблении национального духа, свойственном утонченным нациям

РАЗДЕЛ IV. Продолжение той же темы

РАЗДЕЛ V. Национальные отходы

ЧАСТЬ VI. О КОРРУПЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКОМ РАБСТВЕ.

РАЗДЕЛ I. О коррупции в целом

РАЗДЕЛ II. Роскошь

РАЗДЕЛ III. О коррупционном инциденте с "Блестящими нациями"

РАЗДЕЛ IV. Продолжение той же темы

РАЗДЕЛ V. О коррупции, поскольку она ведет к политическому рабству

РАЗДЕЛ VI. О развитии и прекращении деспотизма

ЭССЕ

НА

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА.

* * * * *

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОБ ОБЩИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ.

* * * * *

РАЗДЕЛ I.

О ВОПРОСЕ, КАСАЮЩЕМСЯ СОСТОЯНИЯ ПРИРОДЫ.

Естественные продукты, как правило, формируются постепенно. Овощи выращивают из нежных побегов, а животных - из младенческого состояния. Последние, будучи активными, совместно расширяют свои операции и свои полномочия и достигают прогресса в том, что они выполняют, а также в приобретаемых ими способностях. Этот прогресс в случае человека продолжается в большей степени, чем у любого другого животного. Не только индивидуум переходит от младенчества к зрелости, но и сам вид от грубости к цивилизации. Отсюда предполагаемое отклонение человечества от состояния его природы; отсюда наши догадки и различные мнения о том, каким должен был быть человек в первую эпоху своего существования. Поэт, историк и моралист часто ссылаются на это древнее время и под эмблемами золота или железа изображают состояние и образ жизни, от которых человечество либо выродилось, либо благодаря которым оно значительно улучшилось. При любом предположении первое состояние нашей природы не должно было иметь никакого сходства с тем, что люди демонстрировали в какой-либо последующий период; исторические памятники, даже самого раннего времени, следует рассматривать как новинки; а наиболее распространенные установления

человеческого общества следует отнести к посягательствам, которые мошенничество, угнетение или искусное изобретение произвели на царство природы, из-за чего были в равной степени лишены как главных наших огорчений, так и благословений.

Среди писателей, пытавшихся различить в человеческом характере его изначальные качества и указать на границы между природой и искусством, некоторые изображали человечество в его первоначальном состоянии, как обладающее чисто животной чувствительностью, без какого-либо проявления способностей, которые делают его выше животных, без какого-либо политического союза, без каких-либо средств объяснения своих чувств и даже без каких-либо опасений и страстей, для выражения которых так хорошо подходят голос и жест. Другие считали, что естественное состояние состоит из вечных войн, разжигаемых соперничеством за господство и интересы, когда у каждого индивидуума была отдельная ссора с себе подобными и когда присутствие собрата было сигналом к битве.

Желание заложить фундамент любимой системы или, возможно, наивное ожидание, что мы сможем проникнуть в тайны природы, к самому источнику существования, привели по этому вопросу ко многим бесплодным исследованиям и породили множество диких предположений. Среди различных качеств, которыми обладает человечество, мы выбираем одну или несколько особенностей, на которых можно построить теорию, и, составляя наш отчет о том, каким был человек в некоем воображаемом естественном состоянии, мы упускаем из виду то, каким он всегда казался в пределах досягаемости наших собственных наблюдений и в исторических записях.

Однако в любом другом случае историк-естествоиспытатель считает себя обязанным собирать факты, а не выдвигать гипотезы. Когда он рассматривает какой-либо конкретный вид животных, он предполагает, что их нынешние предрасположенности и инстинкты те же, что были у них изначальными, и что их нынешний образ жизни является продолжением их первого предназначения. Он признает, что его знание материальной системы мира состоит в совокупности фактов или, самое большее, в общих принципах, выведенных из конкретных наблюдений и экспериментов. Только в том, что касается его самого, и в вопросах наиболее важных и наиболее легко познаваемых, он заменяет реальность гипотезой и смешивает области воображения и разума, поэзии и науки.

Но, не вдаваясь далее в вопросы моральных или физических дисциплин, относящиеся к способу или происхождению нашего познания; без какого-либо умаления той тонкости, которая позволила бы проанализировать каждое чувство и проследить каждый образ бытия до его источника, можно с уверенностью утверждать, что характер человека в том виде, в каком он существует сейчас, что законы его животного и интеллектуального строя, от которых теперь зависит его счастье, заслуживают нашего главного изучения; и что общие принципы, относящиеся к этому или любому другому предмету, полезны лишь постольку, поскольку они основаны на точном наблюдении и ведут к познанию важных следствий, таких как или в той мере, в какой они позволяют нам действовать успешно, когда мы применяем интеллектуальные или физические силы природы для достижения целей человеческой жизни.

Если и самые ранние, и самые поздние свидетельства, собранные со всех концов земли, представляют человечество собранным в отряды и роты; и индивидуум всегда связан привязанностью к одной партии, в то время как он, возможно, противостоит другой; занят упражнениями в памяти и предвидении; склонен сообщать о своих собственных чувствах и

знакомиться с чувствами других; эти факты должны быть приняты как основа всех наших рассуждений о человеке. Его смешанная склонность к дружбе или вражде, его разум, использование им языка и членораздельных звуков, как и форма и прямое положение его тела, следует рассматривать как многие атрибуты его натуры: они должны быть сохранены в его описании, как крыло и лапа у орла и льва, и поскольку различные степени свирепости, бдительности, робости или скорости имеют место в естественной истории различных животных.

Если поставить вопрос, то что мог бы совершить человеческий разум, будучи предоставлен самому себе и без помощи какого-либо постороннего руководства? мы должны искать наш ответ в истории человечества. Частные эксперименты, которые были признаны столь полезными для установления принципов других наук, вероятно, не могли бы по этому предмету научить нас ничему важному или новому: мы должны рассматривать историю каждого активного существа исходя из его поведения в ситуации, в которой оно сформировалось, а не из его появления в каком-либо вынужденном или необычном состоянии; следовательно, дикий человек, пойманный в лесу, где он всегда жил отдельно от своего вида, представляет собой единичный случай, а не образец какого-либо общего характера. Как анатомия глаза, который никогда не получал световых впечатлений, или уха, которое никогда не ощущало импульсов звуков, вероятно, обнаружила бы дефекты в самом строении самих органов, возникающие из-за того, что они не использовались для выполнения своих надлежащих функций; так и любой частный случай такого рода показал бы только, в какой степени способности восприятия и чувства могли существовать там, где они не использовались, и каковы были бы дефекты и слабоумие сердца, в котором никогда не ощущались эмоции, возникающие в обществе.

Человечество следует рассматривать группами, как они существовали всегда. История индивидуума - это всего лишь подробное описание чувств и мыслей, которые он питал с точки зрения своего вида; и каждый эксперимент, касающийся этого предмета, должен проводиться с целыми обществами, а не с отдельными людьми. Однако у нас есть все основания полагать, что в случае проведения такого эксперимента, мы предположим, с колонией детей, пересаженных из яслей и оставленных формировать обособленное, необученное и недисциплинированное общество, у нас будут повторяться только те же самые вещи, которые уже были проделаны во многих различных частях земли. Члены нашего маленького общества ели бы и спали, собирались бы в стадо и играли, говорили бы на своем собственном языке, ссорились бы и разделялись, были бы друг для друга самыми важными объектами на сцене и в пылу своей дружбы и соперничества не обращали бы внимания на опасность, грозящую им лично, и не заботились бы о своем самосохранении. Разве человеческая раса не была посажена подобно рассматриваемой колонии? Кто направлял их курс? чьи указания они слышали? или чьему примеру следовали?

Следовательно, мы предположим, что природа, дав каждому животному его способ существования, его предрасположенности и образ жизни, в равной степени обошлась и с человеческим родом; и историк природы, который хотел бы собрать сведения о свойствах этого вида, может дополнить каждую статью сейчас так же хорошо, как он мог бы это сделать в любую прежнюю эпоху. Достижения родителя не передаются по наследству его детям, и прогресс человека не следует рассматривать как физическую мутацию вида. Индивидууму в любую эпоху предстоит пройти один и тот же путь от младенчества до возмужания, и каждый младенец, или невежественный человек, сейчас является образцом того, каким был человек в своем первоначальном состоянии. Он начинает свою карьеру с преимуществами, свойственными его

возрасту, но его природный талант, вероятно, такой же. Использование и прикладывание этого таланта меняется, и люди продолжают свою работу в прогрессии на протяжении многих веков вместе: они строят на фундаменте, заложенном их предками; и с течением лет стремятся к совершенству в применении своих способностей, для чего требуется помощь длительного опыта, и для достижения которого многие поколения, должно быть, объединили свои усилия. Мы наблюдаем за прогрессом, которого они достигли; мы отчетливо перечисляем многие из его этапов; мы можем проследить их до далекой древности, о которой не сохранилось ни записей, ни каких-либо памятников, которые могли бы сообщить нам, какими были открытия этой замечательной сцены. Следствием этого является то, что вместо того, чтобы обращать внимание на характер нашего вида, где подробности подтверждаются самым надежным авторитетом, мы пытаемся проследить его сквозь неизвестные эпохи и сцены; и, вместо того чтобы предполагать, что начало нашей истории было почти одним целым с продолжением, мы считаем себя вправе отвергать каждое обстоятельство нашего нынешнего состояния и структуры как случайное и чуждое нашей природе. Прогресс человечества от предполагаемого состояния животной чувствительности к достижению разума, использованию языка и общественным привычкам был соответственно нарисован с силой воображения, и его шаги были отмечены смелостью изобретения, которая соблазнила бы нас признать среди материалов истории внушения фантазии и принять, возможно, в качестве модели нашей природы в ее первоначальном состоянии некоторых животных, форма которых имеет наибольшее сходство с нашей. [Footnote: *Rousseau sur l'origine de l'inégalité parmi les hommes.*]

Было бы нелепо утверждать в качестве открытия, что разновидность лошади, вероятно, никогда не совпадала с разновидностью льва; и все же, вопреки тому, что вышло из-под пера выдающихся писателей, мы вынуждены заметить, что люди всегда казались среди животных отдельной и высшей расой; что ни обладание подобными органами, ни приближение формы, ни использование руки, ни продолжительное общение с этим выдающимся художником не позволили ни одному другому виду объединить свою природу или свои изобретения с его; что, по его мнению, люди всегда были отличной расой среди животных. в самом грубом состоянии он оказывается выше их; и в своем величайшем вырождении он никогда не опускается до их уровня. Короче говоря, это человек во всех отношениях; и мы ничего не можем узнать о его природе по аналогии с другими животными. Если мы хотим узнать его, мы должны обратить внимание на него самого, на ход его жизни и характер его поведения. Для него общество кажется таким же древним, как и индивид, а использование языка таким же универсальным, как использование руки или ноги. Если и было время, в течение которого он мог познакомиться со своим собственным видом и приобрести свои способности, то это время, о котором у нас нет записей, и в отношении которого наши мнения не могут служить никакой цели и не подтверждаются никакими доказательствами.

Мы часто поддаемся искушению проникнуть в эти безграничные области невежества или догадок из-за фантазии, которая наслаждается созданием, а не простым сохранением форм, которые представлены перед ней: мы оказываемся обманутыми тонкостью, которая обещает восполнить каждый недостаток нашего знания и, заполняя несколько пробелов в истории природы, делает вид, что приближает наше восприятие к источнику существования. Основываясь на нескольких наблюдениях, мы склонны предположить, что тайна вскоре может быть раскрыта и что то, что в природе называется *мудростью*, может быть отнесено к действию физических сил. Мы забываем, что физические силы, применяемые последовательно или вместе и объединенные с благотворной целью, представляют собой те самые доказательства

замысла, из которых мы делаем вывод о существовании Бога; и что, однажды признав эту истину, мы больше не должны искать источник существования; мы можем только собирать законы, установленные Автором природы; и в наших последних, а также в наших самых ранних открытиях мы видим только способ творения или провидения, ранее неизвестный.

Мы говорим об искусстве как отличном от природы; но само искусство естественно для человека. Он в какой-то мере сам создает свое тело, равно как и свою судьбу, и с первых лет своего существования обречен изобретать и изощряться. Он применяет одни и те же таланты для самых разных целей, и играет почти одну и ту же роль в самых разных сценах. Он всегда будет совершенствоваться в своем предмете, и он несет это намерение с собой, куда бы ни шел, по улицам густонаселенного города или в дебри леса. Хотя он кажется одинаково приспособленным ко всем условиям, по этой причине он не может устроиться ни в одном из них. Одновременно упрямый и непостоянный, он жалуется на нововведения и никогда не пресыщается новизной. Он постоянно занят реформациями и постоянно привязан к своим ошибкам. Если бы он жил в пещере, он превратил бы ее в коттедж; если бы он уже построил, он все равно строил бы в большем объеме. Но он не собирается совершать быстрых и поспешных переходов; его шаги поступательны и медлительны; и его сила, подобная силе пружины, безмолвно давит на любое сопротивление; иногда эффект достигается до того, как осознается причина; и при всем его таланте к проектам, его работа часто завершается до того, как разрабатывается план. Возможно, одинаково трудно замедлить или ускорить его шаг; если проектор жалуется, что он опаздывает, моралист считает его неуравновешенным; и независимо от того, быстрыми или медленными будут его движения, сцены человеческих дел постоянно меняются в зависимости от его руководства: его эмблема - бегущий поток, а не стоячий пруд. Мы можем желать направить его любовь к совершенствованию на надлежащий объект, мы можем желать стабильности поведения; но мы ошибаемся в человеческой природе, если желаем прекращения труда или сцены отдыха.

Занятия людей в любых условиях свидетельствуют об их свободе выбора, их различных мнениях и множестве потребностей, которыми они руководствуются; но они наслаждаются или терпят с чувственностью или хладнокровием, которые почти одинаковы в любой ситуации. Они овладевают берегами Каспия или Атлантики на разных основаниях, но с одинаковой легкостью. С одной стороны, они прикреплены к почве и, по-видимому, созданы для поселения и обустройства городов: названия, которые они присваивают нации и ее территории, одни и те же. С другой стороны, это просто перелетные животные, готовые странствовать по лицу земли со своими стадами в поисках новых пастбищ и благоприятных времен года, следовать за солнцем в его годовом движении.

Человек находит себе пристанище в равной степени в пещере, коттедже и дворце; а средства к существованию в равной степени - в лесу, на молочной ферме. Он присваивает себе титулы, экипировку и одежду; он изобретает регулярные системы правления и сложный свод законов; или "голый в лесу" не имеет знака превосходства, кроме силы своих конечностей и проницательности своего ума; нет правил поведения, кроме выбора; нет уз с ближними, кроме привязанности, любви к компании и желания безопасности. Способный к великому разнообразию искусств, но ни от кого конкретно не зависящий в плане сохранения своего существа; как бы долго он ни совершенствовал свое искусство, там он, по-видимому, наслаждается удобствами, соответствующими его натуре, и обрел состояние, к которому ему суждено. Дерево, на которое американец на берегу реки Ороноко [Примечание: Лафито,

"Братья соважи".] решил взобраться для убежища и ночлега своей семьи, является для него удобным жилищем. София, сводчатый купол и колоннада не доставляют большего удовольствия своему коренному обитателю.

Поэтому, если нас спросят, где находится естественное состояние? мы можем ответить, что это здесь; и не имеет значения, понимают ли нашу речь на острове Великобритания, у мыса Доброй Надежды или в Магеллановом проливе. Пока это активное существо использует свои таланты и воздействует на окружающие его предметы, все ситуации одинаково естественны. Если нам скажут, что порок, по крайней мере, противоречит природе, мы можем ответить, что это еще хуже; это безумие и убожество. Но если природа противостоит только искусству, то в какой ситуации человеческому роду неизвестны шаги искусства? В состоянии дикаря, так же как и в состоянии гражданина, есть много доказательств человеческой изобретательности; и в том и в другом случае нет никакой постоянной станции, а просто стадия, через которую суждено пройти этому странствующему существу. Если дворец неестественен, то коттедж не менее; и самые утонченные политические и моральные представления не более искусственны в своем роде, чем первые действия чувства и разума.

Если мы признаем, что человек восприимчив к совершенствованию и имеет в себе принцип прогрессирования и стремление к совершенству, то кажется неправильным говорить, что он вышел из состояния своей природы, когда начал действовать; или что он находит положение, для которого не был предназначен, в то время как, подобно другим животным, он только следует предрасположенности и использует силы, данные природой.

Последние достижения человечества в области изобретений являются всего лишь продолжением определенных устройств, которые применялись в самые ранние века мира и на самом примитивном этапе развития человечества. То, что дикарь проектирует или наблюдает в лесу, - это шаги, которые привели более развитые народы от архитектуры коттеджа к архитектуре дворца и провели человеческий разум от чувственных восприятий к общим выводам науки.

Признанные недостатки вызывают неприязнь у человека в любых условиях. Невежество и слабоумие являются объектами презрения: проникательность и поведение придают возвышенность и обеспечивают уважение. К чему должны привести его чувства и предчувствия по этим предметам? К прогрессу, которым, без сомнения, занимается как дикарь, так и философ; в котором они достигли разных успехов, но цели у них одни и те же. Восхищение, которое Цицерон питал к литературе, красноречию и гражданским достижениям, было не более реальным, чем восхищение скифа подобными способностями, которого могло достичь его собственное понимание. "Если бы я мог похвастаться", - говорит татарский принц [Примечание: Абулгазе Бахадур Чан; История татар.] "это было бы проявлением той мудрости, которую я получил от Бога. Ибо как, с одной стороны, я никому не уступаю в ведении войны, в расположении армий, конных или пеших, и в руководстве передвижениями больших или малых отрядов, так, с другой стороны, я обладаю писательским талантом, уступающим, возможно, только тем, кто населяет великие города Персии или Индии. О других народах, неизвестных мне, я не говорю".

Человек может ошибочно определять цели своего преследования; он может неправильно применять свое усердие и неуместно применять свои усовершенствования: Если, осознавая такие возможные ошибки, он хотел бы найти стандарт, по которому можно судить о своих

собственных действиях, и прийти к наилучшему состоянию своей натуры, он, возможно, не сможет найти его в практике какого-либо отдельного человека; или какой бы то ни было нации; даже в понимании большинства или преобладающего мнения своего вида. Он должен искать это в лучших концепциях своего понимания, в лучших движениях своего сердца; он должен исходя из этого открыть, в чем заключается совершенство и счастье, на которые он способен. При тщательном изучении он обнаружит, что надлежащее состояние его натуры, взятое в этом смысле, - это не состояние, из которого человечество навсегда удалено, но такое, которого оно может достичь сейчас; не до проявления своих способностей, но достигается их справедливым применением.

Из всех терминов, которые мы используем при описании человеческих дел, термины *естественный* и *неестественный* являются наименее определенными по своему значению. В противоположность жеманности, холодности или любому другому недостатку темперамента или характера, "естественный" является похвальным эпитетом; но, используемый для обозначения поведения, проистекающего из природы человека, не может служить ни для какого различия; ибо все действия людей в равной степени являются результатом их природы. Самое большее, этот язык может относиться только к общему и преобладающему чувству или практике человечества; и цели любого важного исследования по этому предмету может служить использование языка, столь же знакомого и более точного. Что справедливо или несправедливо? Что есть счастливого или несчастного в манерах людей? Что в их различных ситуациях благоприятно или неблагоприятно для их приятных качеств? Это вопросы, на которые мы можем ожидать удовлетворительного ответа; и каким бы ни было первоначальное состояние нашего вида, гораздо важнее знать состояние, к которому нам самим следует стремиться, чем то, которое, как можно предположить, оставили наши предки.

РАЗДЕЛ II.

О ПРИНЦИПАХ САМОСОХРАНЕНИЯ.

Если в природе человека есть качества, по которым он отличается от любой другой части животного мира, то сама эта природа в разном климате и в разные эпохи сильно разнообразна. Разновидности заслуживают нашего внимания, а течение каждого ручья, на которые делится этот могучий поток, заслуживает того, чтобы проследить до его истока. Однако представляется необходимым, чтобы мы обратили внимание на универсальные качества нашей природы, прежде чем рассматривать ее разновидности или пытаться объяснить различия, заключающиеся в неодинаковом обладании или применении склонностей и сил, которые в какой-то мере являются общими для всего человечества.

Человек, как и другие животные, обладает определенными инстинктивными склонностями, которые; до восприятия удовольствия или боли и до переживания того, что вредно или полезно, побуждают его выполнять многие функции, которые заканчиваются в нем самом или имеют отношение к его ближним. У него есть один набор предрасположенностей, которые направлены на сохранение его животного облика и продолжение его расы; другой, который ведет к обществу и, привлекая его на сторону одного племени или сообщества, часто вовлекает его в войну и раздоры с остальным человечеством. Его проникательность, или его интеллектуальные способности, которые под названием *разума* отличаются от аналогичных способностей других животных, относятся к окружающим его объектам либо как к предметам простого познания, либо как к предметам одобрения или порицания. Он создан не только для того, чтобы знать, но

также для того, чтобы восхищаться и презирать; и эти процессы в его уме имеют принципиальное отношение к его собственному характеру и характеру его близких, поскольку являются предметами, в которых он главным образом заинтересован, чтобы отличать правильное от неправильного. Он также наслаждается своим счастьем на определенных фиксированных условиях; и либо как отдельный индивид, либо как член гражданского общества, должен избрать определенный курс, чтобы воспользоваться преимуществами своей природы. Кроме того, он в очень высокой степени подвержен влиянию привычек и может путем снисхождения или физических упражнений настолько ослабить, утвердить или даже разнообразить свои таланты и склонности, что в значительной степени будет казаться арбитром своего собственного положения в природе и автором всех разновидностей, которые проявляются в реальной истории его вида. Между тем, универсальные характеристики, на которые мы сейчас ссылались, должны составлять первый предмет нашего внимания, когда мы хотим рассматривать какую-либо часть этой истории; и они требуют не только перечисления, но и четкого рассмотрения.

Склонности, которые стремятся к сохранению индивида, пока они продолжают действовать в виде инстинктивных желаний, у человека почти те же, что и у других животных; но у него они рано или поздно сочетаются с рефлексией и предвидением; они вызывают у него опасения по поводу собственности и знакомят его с тем объектом заботы, который он называет своим интересом. Лишенный инстинктов, которые учат бобра и белку, муравья и пчелу запасать свои маленькие запасы на зиму, поначалу расточительный и там, где поблизости нет непосредственного объекта страсти, склонный к лени, он со временем становится великим хранителем запасов среди животных. Он находит в богатстве, которым ему, вероятно, никогда не суждено будет воспользоваться, предмет своей величайшей заботы и главного идола своего разума. Он осознает связь между своей личностью и своей собственностью, которая делает то, что он называет своей собственностью, в некотором роде частью его самого, составляющей его ранга, его состояния и его характера; в которой, независимо от какого-либо реального наслаждения, он может быть удачливым или несчастным; и, независимо от каких-либо личных заслуг, он может быть объектом внимания или пренебрежения; и в которой он может быть ранен, в то время как его личность в безопасности, и все потребности его природы полностью удовлетворяются.

В этих опасениях, в то время как другие страсти проявляются лишь изредка, заинтересованные люди находят объект своих обычных забот; мотив для занятий механическим и коммерческим искусством; искушение нарушить законы справедливости; и, когда они чрезвычайно развращены, цену своей проституции и стандарт своих мнений о добре и зле. Под этим влиянием они оказались бы, если бы не сдерживались законами гражданского общества, на сцене насилия или подлости, которая, в свою очередь, показала бы наш вид в более ужасном и отвратительном или более мерзком и презренном виде, чем у любого животного, населяющего землю.

Хотя учет интереса основан на опыте животных желаний, его целью является не удовлетворение какого-либо конкретного аппетита, а обеспечение средств для удовлетворения всех; и он часто налагает ограничения на те самые желания, из которых он возник, более сильные и суровые, чем те, которые продиктованы религией или долгом. Это проистекает из принципов самосохранения в человеческой структуре; но является искажением или, по крайней мере,

частичным результатом этих принципов и во многих случаях очень неправильно называется *себялюбием*.

Любовь - это привязанность, которая уводит внимание ума за пределы самого себя и представляет собой чувство отношения к какому-либо ближнему как к своему объекту. Будучи самодовольством и постоянным удовлетворением от этой цели, оно независимо от каких-либо внешних событий и среди разочарований и печали приносит удовольствия и триумфы, неизвестные тем, кто руководствуется простыми соображениями интереса; при каждой смене условий оно остается совершенно отличным от чувств, которые мы испытываем по поводу личного успеха или невзгод. Но поскольку забота, которую человек проявляет о своих собственных интересах, и внимание, которое его привязанность заставляет его уделять интересам другого, могут иметь сходные последствия - одно для его собственного состояния, другое для состояния его друга, - мы смешиваем принципы, из которых он действует; мы предполагаем, что они одного и того же рода, только относятся к разным объектам; и мы не только неправильно употребляем название любви в сочетании с "я", но и, стремясь унижить нашу природу, мы ограничиваем цель этой предполагаемой эгоистичной привязанности обеспечением или накоплением составляющих интереса, средств для достижения цели. о простой животной жизни.

Несколько примечательно, что, несмотря на то, что люди так высоко ценят в себе качества ума, детали, образованность и остроумие, храбрость, великодушие и честь, по-прежнему предполагается, что те люди в высшей степени эгоистичны или внимательны к самим себе, которые наиболее бережно относятся к животной жизни и которые меньше всего заботятся о том, чтобы превратить эту жизнь в объект, достойный заботы. Будет трудно, однако, объяснить, почему хорошее понимание, решительный и великодушный ум не должны рассматриваться каждым человеком в здравом уме как такая же часть его самого, как его желудок или его небо, и гораздо больше, чем его состояние или его одежда. Гастроном, консультирующийся со своим врачом о том, как он может восстановить вкус к пище и, возбуждив аппетит, возобновить свое наслаждение, мог бы, по крайней мере, с таким же уважением к себе посоветоваться, как он мог бы усилить свою привязанность к родителям или ребенку, к своей стране или человечеству; и вполне вероятно, что аппетит такого рода оказался бы источником наслаждения не меньшим, чем первый.

Несмотря на наши предполагаемые эгоистичные принципы, мы обычно исключаем из числа объектов наших личных забот многие из более счастливых и респектабельных качеств человеческой природы. Мы считаем привязанность и мужество простыми глупостями, которые приводят нас к пренебрежению или разоблачению самих себя; мы считаем, что мудрость заключается в уважении к нашим интересам; и без объяснения того, что означает интерес, мы хотели бы, чтобы его понимали как единственный разумный мотив действий с человечеством. Существует даже система философии, основанная на догматах такого рода, и таково наше мнение о том, что люди могут делать, руководствуясь эгоистичными принципами, что мы считаем, что это должно иметь тенденцию, очень опасную для добродетели. Но ошибки этой системы заключаются не столько в общих принципах, сколько в их частном применении; не столько в том, что людей учат уважать самих себя, сколько в том, что они заставляют их забывать, что их самые счастливые чувства, их искренность и независимость ума на самом деле являются частями их самих. И у противников этой предполагаемой эгоистичной философии, которая делает себялюбие господствующей страстью человечества, были основания

придираться не столько к ее общим представлениям о природе человека, сколько к навязыванию простого языкового новшества ради научного открытия.

Когда вульгарные люди говорят о своих различных мотивах, они довольствуются обычными названиями, которые относятся к известным и очевидным различиям. К такого рода терминам относятся *благожелательность* и *эгоизм*, с помощью первого из которых они выражают свои дружеские чувства, а со вторым - свою заинтересованность. Спекулянты не всегда удовлетворены таким ходом событий; они будут анализировать, а также перечислять принципы природы; и есть шанс, что просто для того, чтобы создать видимость чего-то нового, без какой-либо перспективы реальной выгоды, они попытаются изменить применение слов. В рассматриваемом нами случае они действительно обнаружили, что благожелательность - это не более чем разновидность себялюбия; и это обязало бы нас, если возможно, поискать новый набор названий, по которым мы могли бы отличить эгоизм родителя, когда он заботится о своем ребенке, от его эгоизма, когда он заботится только о себе. Ибо, согласно этой философии, поскольку в обоих случаях он имеет в виду только удовлетворение своего собственного желания, он в обоих случаях одинаково эгоистичен. Между тем, термин *доброжелательный* используется не для характеристики людей, у которых нет собственных желаний, а для людей, чьи собственные желания побуждают их обеспечивать благополучие других. Дело в том, что нам понадобился бы только свежий запас языка вместо того, который мы должны были бы утратить из-за этого кажущегося открытия, чтобы наши рассуждения продолжались так, как они продолжались раньше. Но, безусловно, невозможно жить и действовать с людьми, не используя разные названия, чтобы отличать гуманное от жестокого, и доброжелательное от эгоистичного.

Эти термины имеют свои эквиваленты на каждом языке; они были изобретены неискушенными людьми, которые хотели только выразить то, что они отчетливо воспринимали или сильно чувствовали. И если умозрительный человек докажет, что мы эгоистичны в его собственном смысле, из этого не следует, что мы таковы в смысле вульгарном; или, как поняли бы его заключение обычные люди, что мы обречены в каждом случае действовать по мотивам интереса, алчности, малодушия и трусости; ибо таково, как считается, обычное значение эгоизма в характере человека.

Иногда говорят, что привязанность или страсть любого рода вызывает у нас интерес к своему объекту; и сама человечность проявляет интерес к благополучию человечества. Этот термин *интерес*, который обычно подразумевает немногим больше, чем нашу собственность, иногда используется для обозначения полезности в целом, а этот - для обозначения счастья; настолько, что при такой двусмысленности неудивительно, что мы до сих пор не можем определить, является ли интерес единственным мотивом человеческих действий и стандартом, по которому можно отличить наше благо от зла.

Так много сказано в этом месте не из желания принять участие в каком-либо подобном споре, а просто для того, чтобы ограничить значение термина *интерес* к его наиболее распространенному употреблению и обозначить намерение использовать его для обозначения тех объектов заботы, которые относятся к нашему внешнему состоянию и сохранению нашей животной природы. Если понимать это в таком смысле, то, конечно, нельзя считать, что оно сразу постигает все мотивы человеческого поведения. Если людям не позволять проявлять бескорыстную благожелательность, им не будет отказано в наличии бескорыстных страстей

другого рода. Ненависть, негодование и ярость часто побуждают их действовать вопреки их известным интересам и даже рисковать своей жизнью без какой-либо надежды на компенсацию в виде каких-либо будущих преимуществ или прибыли.

РАЗДЕЛ III.

О ПРИНЦИПАХ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

Человечество всегда блуждало или селилось, соглашалось или ссорилось войсками и компаниями. Причиной их объединения, какой бы она ни была, является принцип их союза.

Собирая исторические материалы, мы редко готовы мириться с нашим предметом просто таким, каким мы его находим. Нас не должно смущать множество подробностей и очевидных несоответствий. Теоретически мы исповедуем исследование общих принципов; и для того, чтобы предмет наших исследований был доступен нашему пониманию, мы склонны принять любую систему. Таким образом, рассматривая человеческие дела, мы бы выводили все следствия из принципа единства или принципа разногласий. Естественное состояние - это состояние войны или дружбы, и люди созданы для объединения по принципу привязанности или по принципу страха, что наиболее соответствует системе различных авторов. История нашего вида действительно убедительно показывает, что они являются друг для друга взаимными объектами как страха, так и любви; и те, кто хотел бы доказать, что они изначально находились либо в состоянии союза, либо войны, имеют в запасе аргументы в поддержку своих утверждений. Наша привязанность к одному подразделению или секте, по-видимому, часто черпает большую часть своей силы из враждебности, зарождаемой к противоположному подразделению; а эта враждебность, в свою очередь, так же часто возникает из рвения в защиту стороны, которую мы поддерживаем, и из желания отстоять права нашей партии.

"Человек рождается в обществе, - говорит Монтескье, - и там он и остается". Известно, что чары, удерживающие его, многообразны. Вместе с родительской привязанностью, которая, вместо того чтобы покидать взрослого, как у животных, охватывает его все теснее, поскольку к ней примешиваются уважение и память о ее ранних последствиях; мы можем рассматривать склонность, общую для человека и других животных, смешиваться со стадом и, не раздумывая, следовать за толпой представителей своего вида. В чем заключалась эта склонность в первый момент своего проявления, мы не знаем; но у людей, привыкших к обществу, ее радости и разочарования считаются одними из главных удовольствий или огорчений человеческой жизни. Печаль и меланхолия связаны с одиночеством; радость и наслаждения - со сборищем людей. След лапландца на заснеженном берегу доставляет радость одинокому моряку, а немые знаки сердечности и доброты, которые ему делают, пробуждают память об удовольствиях, которые он испытывал в обществе. Короче говоря, говорит автор "Путешествия на Север" после описания подобной немой сцены, "Нам было чрезвычайно приятно беседовать с людьми, поскольку за тринадцать месяцев мы не видели ни одного человеческого существа".

[Примечание: Сборник голландских путешествий.]

Но нам не нужно никаких отдаленных наблюдений, чтобы подтвердить это положение: плач младенца и томление взрослого, когда они одни; живая радость одного и жизнерадостность другого, когда они снова в компании, являются достаточным доказательством того, что оно прочно укоренилось в структуре нашей природы.

Отдавая отчет в своих действиях, мы часто забываем, что действовали мы сами; и вместо чувств, которые возбуждают ум в присутствии его объекта, мы приписываем в качестве мотивов поведения с людьми те соображения, которые возникают в часы уединения и холодного размышления. В таком настроении мы часто не можем найти ничего важного, кроме обдуманной перспективы интереса; и великая работа, подобная работе по формированию общества, должна, по нашему мнению, происходить из глубоких размышлений и осуществляться с учетом преимуществ, которые человечество извлекает из торговли и взаимной поддержки. Но ни склонность смешиваться со стадом, ни чувство преимуществ, которыми пользуются в этом состоянии, не охватывают всех принципов, по которым люди объединяются вместе. Эти узы даже слабы по сравнению с решительным пылом, с которым человек привязывается к своему другу или к своему племени после того, как они некоторое время вместе вершат судьбы. Взаимные открытия великодушия, совместные испытания силы духа удваивают пыл дружбы и разжигают пламя в груди человека, которое не могут заглушить соображения личной заинтересованности или безопасности. Мы видим самые живые проявления радости и слышим самые громкие крики отчаяния, когда видим объекты нежной привязанности в состоянии триумфа или страдания. Индеец неожиданно обрел своего друга на острове Хуан-Фернандес: он распростерся на земле у его ног. "Мы стояли и молча смотрели, - говорит Дампир, - на эту трогательную сцену". Если бы мы знали, какова религия дикого американца, что в его сердце больше всего напоминает набожность; это не его страх перед колдуном и не его надежда на защиту от духов воздуха или леса: это горячая привязанность, с которой он выбирает и обнимает своего друга; с которой он держится рядом с ним в любое время года опасности; и с помощью которой он призывает свой дух на расстоянии, когда опасности подстерегают его одного. [Примечание: Шарлевуа, историк. Канады.]

Какими бы доказательствами социального поведения человека в знакомых и смежных местах мы ни располагали, возможно, важно черпать свои наблюдения из примеров людей, живущих в простейших условиях и не научившихся влиять на то, чего они на самом деле не чувствуют.

Простое знакомство и привычка питают привязанность, а опыт общения привлекает на свою сторону все страсти человеческого разума. Его триумфы и процветание, его бедствия и огорчения вносят разнообразие и силу эмоций, которые могут иметь место только в компании наших ближних. Именно здесь человека заставляют забыть о своей слабости, заботах о безопасности и пропитании и действовать, руководствуясь теми страстями, которые заставляют его обнаруживать свою силу. Именно здесь он обнаруживает, что его стрелы летят быстрее орла, а его оружие наносит раны глубже, чем лапа льва или зуб кабана. Не только ощущение близкой поддержки и любовь к отличию во мнении своего племени вдохновляют его мужество или наполняют его сердце уверенностью, которая превосходит то, что должна была бы дать его природная сила. Неистовые страсти вражды или привязанности являются первым проявлением силы в его груди; под их влиянием забываются все соображения, кроме соображений его объекта; опасности и трудности только еще больше возбуждают его.

Такое состояние, несомненно, благоприятно для природы любого существа, поскольку увеличивает его силу; и если мужество является даром общества человеку, у нас есть основания рассматривать его союз со своим видом как самую благородную часть его состояния. Из этого источника черпаются не только сила, но и само существование его самых счастливых эмоций; не только лучшая часть, но почти весь его рациональный характер. Отправьте его одного в

пустыню, он - растение, вырванное с корнем: форма действительно может сохраниться, но все способности увядают; человеческий облик и человеческий характер перестают существовать.

Люди настолько далеки от того, чтобы ценить общество из-за его простых внешних удобств, что обычно они больше всего привязаны к тому месту, где эти удобства встречаются реже всего; и наиболее верны там, где дань их преданности выплачивается кровью. Привязанность действует с наибольшей силой там, где она сталкивается с наибольшими трудностями: в груди родителя она проявляет наибольшую заботу среди опасностей и невзгод ребенка; в груди мужчины ее пламя удваивается, когда обиды или страдания его друга или его страны требуют его помощи. Короче говоря, только этим принципом мы можем объяснить упорную привязанность дикаря к своему неустроенному и незащищенному племени, когда искушения со стороны покоя и безопасности могут побудить его бежать от голода и опасностей в более богатое и безопасное место. Отсюда кровожадная привязанность, которую каждый грек питал к своей стране, и отсюда преданный патриотизм раннего римлянина. Давайте сравним эти примеры с духом, царящим в коммерческом государстве, где люди, как можно предположить, в полной мере ощутили заинтересованность отдельных людей в сохранении своей страны. Именно здесь, как никогда, человек иногда оказывается обособленным и уединенным существом: он нашел цель, которая заставляет его соревноваться со своими собратьями, и он обращается с ними так же, как со своим скотом и своей землей, ради прибыли, которую они приносят. Могущественный механизм, который, как мы предполагаем, сформировал общество, имеет тенденцию только к тому, чтобы поссорить его членов или продолжить их общение после того, как узы привязанности разорваны.

РАЗДЕЛ IV.

О ПРИНЦИПАХ ВОЙНЫ И РАЗДОРА.

"Есть некоторые обстоятельства в судьбе человечества, - говорит Сократ, - которые показывают, что они обречены на дружбу: это их взаимная потребность друг в друге; их взаимное сострадание; их чувство взаимной выгоды; и удовольствия, возникающие в компании. Есть и другие обстоятельства, которые подталкивают их к войне и раздорам; восхищение и желание, которые они питают к одним и тем же предметам; их противоположные притязания; и провокации, которые они взаимно предлагают в ходе своих состязаний".

Когда мы пытаемся применить максимы естественной справедливости к решению сложных вопросов, мы обнаруживаем, что некоторые случаи можно предположить и они действительно происходят, когда противостояние имеет место и является законным до какой-либо провокации или акта несправедливости; что там, где безопасность и сохранение численности взаимно несовместимы, одна сторона может воспользоваться своим правом на защиту до того, как другая начнет атаку. И когда мы присоединяемся к таким примерам, примерам ошибок и непонимания, которым подвержено человечество, мы можем быть удовлетворены тем, что война не всегда проистекает из намерения причинить вред; и что даже лучшие качества людей, их искренность, а также их решимость, могут действовать посреди их ссор.

По этому вопросу еще многое предстоит выяснить. Человечество не только находит в своем положении источники разногласий; кажется, что в их умах зародились семена враждебности, и они с готовностью и удовольствием используют поводы для взаимного противостояния. В самой мирной ситуации мало найдется людей, у которых нет не только друзей, но и врагов; и которым

неприятно противодействовать действиям одного так же, как и одобрять замыслы другого. Маленькие и простые племена, которые в своем внутреннем обществе имеют самый прочный союз, находятся в состоянии противостояния как отдельные нации, часто одушевленные самой непримиримой ненавистью. Среди граждан Рима в ранние века существования этой республики имя иностранца и имя врага были одними и теми же. Среди греков название "варвар", под которым этот народ понимал каждую нацию, принадлежащую к определенной расе и говорящую на языке, отличном от их собственного, стало выражением неизбирательного презрения и отвращения. Даже там, где нет особых притязаний на превосходство, отвращение к союзу, частые войны или, скорее, постоянная вражда, происходящая между грубыми нациями и отдельными кланами, обнаруживают, насколько наш вид склонен как к противостоянию, так и к согласию.

Последние открытия позволили нам узнать почти обо всех ситуациях, в которых находится человечество. Мы обнаружили, что они разбросаны по большим и разветвленным континентам, где открыты коммуникации и где можно легко сформировать национальную конфедерацию. Мы находили их в более узких районах, ограниченных горами, великими реками и морскими рукавами. Они были обнаружены на небольших островах, где обитатели могли бы легко собраться вместе и извлечь выгоду из своего союза. Но во всех этих ситуациях они были разделены на кантоны и отличались по названию и общине. Титулы *согражданина* и *соотечественника*, не противопоставляемые титулам *иностранца* и *иностранки*, к которым они относятся, вышли бы из употребления и потеряли свое значение. Мы любим отдельных людей за их личные качества; но мы любим нашу страну, поскольку она является стороной в разделении человечества; и наше рвение к ее интересам является пристрастием к стороне, которую мы поддерживаем.

В беспорядочном скоплении мужчин достаточно того, что у нас есть возможность выбрать свою компанию. Мы отворачиваемся от тех, кто нас не привлекает, и выбираем место отдыха там, где общество больше нам по душе. Мы любим различия; мы ставим себя в оппозицию и ссоримся под названием фракции и партии, не имея никакого существенного предмета для спора. Отвращение, как и привязанность, усиливается постоянным обращением к конкретному объекту. Разделение и отчуждение, а также противодействие расширяют разрыв, который возник не из-за какого-либо правонарушения. И кажется, что до тех пор, пока мы не сведем человечество к состоянию семьи или не найдем каких-либо внешних причин для поддержания их связи в большем количестве, они будут навсегда разделены на группы и образуют множество наций.

Чувство общей опасности и нападения врага часто были полезны нациям, более прочно объединяя их членов и предотвращая расколы и фактические разделения, которыми в противном случае могли бы закончиться их гражданские разногласия. И этот мотив к объединению, который предлагается из-за границы, может быть необходим не только в случае больших и разветвленных наций, где коалиции ослаблены расстоянием и различием названий провинций, но даже в узком сообществе самых маленьких государств. Сам Рим был основан небольшой партией, бежавшей из Альбы; ее граждане часто подвергались опасности от деления; и если бы деревни и кантоны вольсков были еще дальше удалены от места их раздоров, Священный город мог бы получить новую колонию прежде, чем метрополия созрела для такого освобождения. Она долго терпела распри своей знати и своего народа и

держала открытыми ворота Януса, чтобы напомнить этим сторонам об обязанностях, которые они несут перед своей страной.

Общества, так же как и отдельные люди, обязаны заботиться о своем собственном сохранении и имеют отдельные интересы, которые порождают зависть и соперничество, и мы не можем удивляться, обнаружив, что враждебность возникает из этого источника. Но если бы не было гневных страстей иного рода, враждебность, сопровождающая противостояние интересов, была бы пропорциональна предполагаемой ценности предмета. "Народы-готтентоты, - говорит Кольбен, - вторгаются друг в друга путем краж скота и женщин; но такие преступления совершаются редко, разве что с целью вывести из себя своих соседей и спровоцировать их на войну". Таким образом, подобные грабежи являются не основой войны, а следствием уже задуманного враждебного намерения. Народы Северной Америки, у которых нет ни стад, которые нужно сохранять, ни поселений, которые нужно защищать, все еще вовлечены в почти непрерывные войны, для которых они не могут найти никаких причин, кроме вопроса чести и желания продолжить борьбу, которую вели их отцы. Они не обращают внимания на добычу врага; и воин, захвативший любую добычу, легко расстается с ней с первым человеком, который попадется ему на пути. [Примечание: см. "Историю Канады" Шарлевуа.]

Но нам не нужно пересекать Атлантику, чтобы найти доказательства враждебности и наблюдать в столкновениях отдельных обществ влияние гневных страстей, которые возникают не из-за противостояния интересов. Человеческая природа не имеет той части своего характера, более вопиющие примеры которой приведены на этой стороне земного шара. Что шевелится в груди обычных людей, когда называют врагов их страны? Откуда берутся предрассудки, существующие между различными провинциями, кантонами и деревнями одной и той же империи и территории? Что возбуждает одну половину народов Европы против другой? Государственный деятель может объяснять свое поведение мотивами национальной ревности и осторожности, но у людей есть антипатии, которые они не могут объяснить. Их взаимные упреки в вероломстве и несправедливости, подобно грабежам готтентотов, являются всего лишь симптомами вражды и языком уже зарождающегося враждебного настроения. Обвинение в трусости и малодушии, качествах, которые заинтересованный и осторожный враг больше всего хотел бы найти в своем сопернике, выдвигается с отвращением и становится основанием для неприязни. Послушайте, как крестьяне по разные стороны Альп, Пиренеев, Рейна или Британского канала дают волю своим предрассудкам и национальным страстям; именно среди них мы находим материалы для войны и раздора, заложенные без указания правительства, и искры, готовые вспыхнуть в пламя, которое государственный деятель часто склонен тушить. Огонь не всегда разгорается там, куда его направили бы государственные соображения, и не прекращается там, где совпадение интересов привело к заключению союза. "Мой отец, - сказал испанский крестьянин, - восстал бы из могилы, если бы мог предвидеть войну с Францией". Какой интерес имел он или кости его отца к ссорам принцев?

Эти наблюдения, по-видимому, ставят в вину наш вид и рисуют неблагоприятную картину человечества; и все же упомянутые нами особенности согласуются с самыми приятными качествами нашей натуры и часто представляют собой сцену для проявления наших величайших способностей. Это чувства великодушия и самоотречения, которые воодушевляют воина при защите своей страны; и это наиболее благоприятные для человечества наклонности, которые становятся принципами явной враждебности по отношению к людям. Каждое животное создано для того, чтобы получать удовольствие от проявления своих природных

талантов и сил. Лев и тигр щеголяют лапой; лошади доставляет удовольствие подставлять гриву ветру и забывает о своем пастбище, чтобы испытать свою быстроту в поле; бык еще до того, как его лоб вооружен, а ягненок, хотя и является символом невинности, склонен наносить удары лбом и предвосхищать в игре конфликты, на которые они обречены. Человек тоже склонен к противодействию и к использованию сил своей природы против равного ему противника; он любит приводить в доказательство свой разум, свое красноречие, свою храбрость, даже свою физическую силу. Его спортивные состязания часто являются образом войны; пот и кровь свободно расходуются в играх; а переломы или смерть часто становятся причиной прекращения праздного времяпрепровождения. Он не был создан для вечной жизни, и даже его любовь к развлечениям открыла ему путь в могилу.

Без соперничества наций и практики войн само гражданское общество вряд ли нашло бы объект или форму. Человечество могло бы торговать без каких-либо официальных соглашений, но оно не может быть в безопасности без национального концерта. Необходимость общественной обороны породила множество государственных департаментов, и интеллектуальные таланты людей нашли свое самое активное применение в управлении своими национальными вооруженными силами. Внушать благоговейный страх или, когда мы не можем убедить с помощью разума, сопротивляться мужественно - вот занятия, которые дают самое оживляющее упражнение и величайшие победы энергичному уму; и тот, кто никогда не боролся со своими собратьями, чужд половине чувств человечества.

Ссоры отдельных людей, действительно, часто являются следствием несчастных и отвратительных страстей, злобы, ненависти и гнева. Если только такие страсти овладевают грудью, сцена раздора становится предметом ужаса; но общее противостояние, поддерживаемое численностью, всегда смягчается страстями другого рода. Чувства привязанности и дружбы смешиваются с враждебностью; активные и энергичные люди становятся стражами своего общества; и само насилие в их случае является проявлением великодушия, а также мужества. Мы приветствуем, как исходящее из национального или партийного духа, то, чего мы не могли вынести, как следствие личной неприязни; и среди соперничества соперничающих государств мы думаем, что нашли для патриота и воина в применении насилия и хитрости самую блестящую карьеру человеческой добродетели. Даже личная оппозиция здесь не разделяет нашего суждения о достоинствах людей.

Соперничающие имена Агесилая и Эпаминонда, Сципиона и Ганнибала повторяются с равной похвалой; и сама война, которая с одной точки зрения кажется столь фатальной, с другой - проявлением либерального духа; и сами последствия, о которых мы сожалеем, являются лишь еще одним бедствием, которым Создатель природы predetermined наш уход из человеческой жизни.

Эти размышления могут открыть нам взгляд на состояние человечества; но они скорее примиряют нас с поведением Провидения, чем заставляют нас изменить наше собственное; когда из соображений благополучия наших ближних мы стараемся усмирить их вражду и объединить их узами привязанности. Преследуя это благое намерение, мы можем надеяться, что в некоторых случаях нам удастся обезоружить такие гневные страсти, как ревность и зависть; мы можем надеяться вселить в сердца частных людей чувство искренности по отношению к своим ближним и склонность к человечности и справедливости. Но напрасно ожидать, что мы сможем дать множеству людей чувство единения между собой, не допуская враждебности к тем, кто им противостоит. Если бы мы могли сразу, в случае с какой-либо

нацией, подавить соперничество, возбуждаемое извне, мы, вероятно, разбили бы или ослабили общественные устои дома и закрыли бы самые оживленные сцены национальных занятий и добродетелей.

РАЗДЕЛ V.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ.

Было предпринято много попыток проанализировать диспозиции, которые мы сейчас перечислили; но одна из целей науки, возможно, самая важная, достигается, когда устанавливается существование диспозиции. Мы больше озабочены его реальностью и ее последствиями, чем его происхождением или способом формирования.

То же самое наблюдение может быть применено к другим силам и способностям нашей природы. Их существование и использование являются основными объектами нашего изучения. Мышление и умозаключения, говорим мы, являются операциями некоторой способности; но каким образом сохраняются способности мышления или рассуждения, когда они не проявляются, или в силу каких различий в структуре они неодинаковы у разных людей, - это вопросы, которые мы не можем разрешить. Их обнаруживают только их действия; когда они не применяются, они скрыты даже от человека, к которому относятся; и их действие в такой степени является частью их природы, что саму способность во многих случаях едва ли можно отличить от привычки, приобретенной в результате частого применения.

Люди, занимающиеся разными предметами, играющие в разных сценах, обычно кажутся обладателями разных талантов или, по крайней мере, одних и тех же способностей, по-разному сформированных и пригодных для разных целей. Своеобразный гений наций, так же как и отдельных людей, может таким образом проистекать из состояния их судьбы. И вполне уместно, что мы попытаемся найти какое-нибудь правило, по которому можно судить о том, что достойно восхищения в способностях людей или удаче в применении их способностей, прежде чем мы отважимся вынести суждение об этой отрасли их достоинств или попытаемся измерить степень уважения, на которое они могут претендовать, по их различным достижениям.

Получение чувственной информации, возможно, является самой ранней функцией животного, сочетающейся с интеллектуальной природой; и одно из величайших достижений живого существа состоит в силе и чувствительности его животных органов. Удовольствия или страдания, которым он подвергается с этой стороны, составляют для него важное различие между объектами, которые таким образом доводятся до его сведения; и ему необходимо хорошо различать их, прежде чем он посвятит себя управлению аппетитом. Он должен тщательно исследовать объекты одного чувства посредством восприятия другого; исследовать глазом, прежде чем он отважится прикоснуться; и использовать все средства наблюдения, прежде чем он удовлетворит аппетиты жажды и голода. Проницательность, приобретенная опытом, становится способностью его ума; и выводы мысли иногда невозможно отличить от чувственного восприятия.

Окружающие нас предметы, помимо их отдельных проявлений, имеют свои отношения друг к другу. При сравнении они предполагают то, чего не произошло бы, если рассматривать их отдельно; у них есть свои следствия и взаимовлияния; они проявляют при сходных обстоятельствах сходные действия и единообразные последствия. Когда мы нашли и выразили моменты, в которых заключается единообразие их действий, мы установили физический закон.

Многие такие законы, и даже самые важные, известны простолюдинам и проявляются при малейшей степени размышления; но другие скрыты за кажущейся путаницей, которую обычные таланты не могут устранить; и поэтому они являются объектами изучения, длительного наблюдения и высших способностей. Люди бизнеса, так же как и науки, используют способности проницательности и суждения для распутывания хитросплетений такого рода; и степень проницательности, которой наделен тот или иной из них, должна измеряться успехом, с которым они способны находить общие правила, применимые к множеству случаев, которые, казалось бы, не имеют ничего общего, и обнаруживать важные различия между предметами, которые обычные люди склонны путать.

Цель науки состоит в том, чтобы собрать множество частных данных под общими заголовками и соотнести различные операции с их общим принципом. Делать то же самое, по крайней мере в пределах своих активных занятий, требуется от человека удовольствия или бизнеса; и кажется, что прилежные и активные до сих пор заняты одной и той же задачей, исходя из наблюдения и опыта, находить общие взгляды, под которыми могут рассматриваться их объекты, и правила, которые могут быть с пользой применены в деталях их поведения. Они не всегда применяют свои таланты к разным предметам; и, по-видимому, их отличает главным образом неодинаковый охват и разнообразие их замечаний или намерения, которые каждый из них преследует при их сборе.

В то время как люди продолжают руководствоваться аппетитами и страстями, ведущими к достижению внешних целей, они редко перестают рассматривать свои объекты в деталях, чтобы далеко продвинуться по пути общих исследований. Они оценивают степень своих собственных способностей по скорости, с которой они схватывают то, что важно в каждом предмете, и по легкости, с которой они выкручиваются в каждом трудном случае. И это, следует признать, для существа, которому суждено действовать посреди трудностей, является надлежащим испытанием способностей и силы. Парад слов и общих рассуждений, которые иногда создают впечатление такой большой учености, на самом деле мало полезны в жизни. Таланты, от которых они исходят, сводятся к простой показухе и редко связаны с той высшей проницательностью, которую активные люди применяют во времена замешательства; гораздо меньше с тем бесстрашием и силой ума, которые требуются при прохождении через трудные сцены.

Однако способности активных людей разнообразны в зависимости от предметов, которыми они занимаются. Проницательность, применяемая к внешней и неживой природе, образует один вид способностей; та, которая обращена к обществу и человеческим делам, - другой. Репутация ролей в любой сцене неоднозначна, пока мы не узнаем, какими усилиями эта репутация завоевана. Отдавая должное людям с величайшими способностями, нельзя сказать ничего большего, чем то, что они хорошо разбираются в предметах, к которым они обратились; и в каждой области, в каждой профессии были бы свои великие люди, если бы не было выбора объектов для понимания, талантов для ума, чувств для сердца и привычек для активного характера.

Представители самых низменных профессий, действительно, иногда настолько забывают о себе или об остальном человечестве, что присваивают себе, восхваляя то, что по-своему выделяется, каждый эпитет как наиболее уважаемое притязание на право превосходящих способностей. Каждый механик - великий человек, ученик и скромный почитатель в своем

конкретном призвании; и мы можем, возможно, с большей уверенностью сказать, что именно должно делать человека счастливым и дружелюбным, чем то, что должно вызывать уважение к его способностям и восхищение его гением. Это, с точки зрения самих талантов, возможно, невозможно. Однако результат укажет на правило и стандарт нашего суждения. Вызывать восхищение и уважение - значит иметь влияние среди мужчин. Таланты, которые самым непосредственным образом обеспечивают это восхождение, - это те, которые воздействуют на человечество, проникают в их взгляды, препятствуют их желаниям или расстраивают их замыслы. Превосходящая способность с превосходной энергией ведет туда, куда пошел бы каждый человек, и показывает колеблющимся и нерешительным ясный путь к достижению их целей.

Это описание не относится к какому-либо конкретному ремеслу или профессии; или, возможно, оно подразумевает некую способность, которую отдельное применение людей к определенным профессиям имеет тенденцию только подавлять или ослаблять. Где мы найдем таланты, пригодные для взаимодействия с людьми в коллективном теле, если мы разделим это тело на части и ограничим наблюдение за каждой отдельным направлением?

Действовать в глазах своих собратьев, демонстрировать свое мнение на публике, проявлять все чувства и размышления, которые присущи человеку как члену общества, как другу или врагу, по-видимому, являются главным призванием и занятием его натуры. Если он должен трудиться, чтобы прокормиться, он не может существовать ни для какой лучшей цели, кроме блага человечества; и при этом он не может обладать лучшими талантами, чем те, которые позволяют ему действовать с людьми. Здесь, действительно, разум, по-видимому, очень многое заимствует у страстей; и в человеческих делах царит счастье поведения, в котором трудно отличить быстроту ума от пылкости и восприимчивости сердца. Там, где оба объединены, они составляют то превосходство ума, распространенность которого среди людей, в определенные эпохи и нации, в гораздо большей степени, чем успехи, которых они достигли в умозрении или в занятиях механикой и свободными искусствами, должна определять уровень их гениальности и присваивать пальму первенства и почестей.

Когда нации сменяют друг друга на пути открытий и исследований, последняя всегда оказывается наиболее знающей. Постепенно формируются научные системы. Сам земной шар пересекается постепенно, и история каждой эпохи, когда она проходит, является приобщением к знаниям тех, кто преуспевает. Римляне были более образованными, чем греки; и каждый ученый современной Европы в этом смысле более образован, чем самый образованный человек, когда-либо носивший любое из этих знаменитых имен. Но превосходит ли он их в этом отношении?

Людей следует оценивать не по тому, что они знают, а по тому, что они способны выполнять; по их умению приспособливать материалы к различным жизненным целям; по их энергии и поведению в достижении целей политики и в поиске средств ведения войны и национальной обороны. Даже в литературе их следует оценивать по творчеству их гения, а не по объему их знаний. В греческой республике возможности простого наблюдения были чрезвычайно ограничены, и суэта активной жизни казалась несовместимой с учебой; но там человеческий ум, несмотря на это, проявлял свои величайшие способности и получал наилучшую информацию среди пота и пыли.

Для современной Европы характерно так сильно полагаться на то, чему можно научиться на пенсии, и на информацию из книг. Справедливое восхищение древней литературой, мнение, что человеческое чувство и человеческий разум без этой помощи исчезли бы из человеческих сообществ, уводят нас в тень, где мы пытаемся черпать из воображения и изучать то, что в действительности является предметом опыта и чувств; и мы пытаемся с помощью грамматики мертвых языков и канала комментаторов достичь красот мысли и красноречия, которые проистекали из одушевленного духа общества и были взяты из живых впечатлений активной жизни. Наши достижения часто ограничены элементами любой науки и редко достигают того расширения способностей и силы, которые должны давать полезные знания. Подобно математикам, которые изучают Элементы Евклида, но никогда не думают о размерах; мы читаем об обществах, но не предполагаем действовать совместно с людьми; мы повторяем язык политики, но не чувствуем духа наций; мы соблюдаем формальности военной дисциплины, но не знаем, как использовать большое количество людей для достижения какой-либо цели с помощью стратегемы или силы.

Но с какой целью, можно сказать, указывать на зло, которое не может быть исправлено? Если бы государственные дела требовали напряжения сил, гений людей пробудился бы; но в перерывах между лучшими занятиями время, посвященное учебе, даже если оно не сопровождается никакими другими выгодами, служит для того, чтобы невинно занять часы досуга и ограничить погоню за разорительными и легкомысленными развлечениями. Только по этой причине мы тратим так много наших ранних лет под розгами на приобретение того, что, как ожидается, мы не сохраним за порогом школы; и хотя мы сохраняем тот же легкомысленный характер в наших занятиях, что и в наших развлечениях, человеческий разум не может больше страдать от презрения к литературе, чем от ложного значения, которое придается литературе как делу на всю жизнь, а не как подспорью к нашему поведению и средству формирования характера, который может быть счастлив сам по себе и полезен человечеству.

Если бы то время, которое тратится на расслабление сил ума и на удержание от достижения любых целей, кроме тех, которые ведут к ослаблению и развращению, было потрачено на укрепление этих сил и на обучение ума распознавать свои цели и свою силу, мы бы в зрелые годы не испытывали таких больших затруднений при занятиях; и, оценивая шансы за игорным столом, не тратили бы понапрасну наши таланты или огонь, который остается в груди. По крайней мере, те, кто по своему положению имеет долю в правительстве своей страны, могли бы считать себя способными к бизнесу; и, пока у государства были свои армии и советы, могли бы находить достаточно развлечений, не подвергая риску личное состояние, просто чтобы утолить зевоту вялой и незначительной жизни. Невозможно вечно поддерживать тон рассуждений; невозможно иногда не чувствовать, что мы живем среди людей.

РАЗДЕЛ VI.

МОРАЛЬНОГО ЧУВСТВА.

После небольшого наблюдения за тем, что происходит в человеческой жизни, мы были бы склонны заключить, что забота о пропитании является главной движущей силой человеческих действий. Это соображение приводит к изобретению и практике механических искусств; оно служит для того, чтобы отличать развлечение от бизнеса; и у многих едва ли допускает к

соревнованию какой-либо другой предмет преследования или внимания. Могущественные преимущества собственности и богатства, если отбросить рекомендации, которые они дают из тщеславия, или более серьезное отношение к независимости и власти, означают лишь обеспечение удовольствия животных; и если бы наша забота по этому поводу была устранена, прекратились бы не только труды механиков, но и занятия ученых; каждый департамент общественных дел стал бы ненужным; каждое здание сената было бы закрыто, а каждый дворец опустел.

Следует ли, следовательно, с точки зрения его цели, приравнять человека к простым животным и отличать его только по способностям, которые позволяют ему умножать приспособления для поддержания и удобства животной жизни, и по степени фантазии, которая делает заботу о сохранении животных для него более обременительной, чем для стада, с которым он разделяет щедрости природы? Если бы это было в его случае, радость, сопутствующая успеху, или огорчения, возникающие из-за разочарования, составляли бы сумму его страстей. Поток, растративший или обогативший его имущество, вызвал бы у него все эмоции, которые его обуревают по поводу несправедливости, из-за которой пострадало его состояние, или выгоды, благодаря которой оно сохранилось и приумножилось. Его ближние будут рассматриваться лишь в той мере, в какой они затрагивают его интересы. Прибыль или убыток служили бы для обозначения события каждой сделки; а эпитеты *полезные* или *вредные* отличали бы его товарищей по обществу, как они отличают дерево, приносящее много плодов, от того, что только загромождает землю или мешает ему видеть.

Однако это не история нашего вида. То, что исходит от ближнего, воспринимается с особыми эмоциями; и каждый язык изобилует терминами, которые в чем-то выражают человеческие поступки, отличные от успеха и разочарования. Сердце воспламеняется в компании, в то время как интересующей точке зрения нечего воспламенять; и вопрос, несерьезный сам по себе, становится важным, когда он помогает выявить намерения и характеры людей. Иностранец, полагавший, что Отелло на сцене пришел в ярость из-за потери своего носового платка, ошибался не больше, чем рассуждающий, который приписывает любую из самых неистовых человеческих страстей простому впечатлению от выгоды или убытка.

Люди собираются, чтобы обсудить деловые вопросы; они отделяются от ревности из-за личных интересов; но в нескольких их столкновениях, будь то как друзей или как врагов, вспыхивает пламя, которое не могут погасить соображения интереса или безопасности. Ценность услуги не измеряется чувствами доброты; и термин "*несчастье*" имеет лишь слабое значение по сравнению с термином "*оскорбление и несправедливость*".

Нас, актеров или зрителей, постоянно заставляют чувствовать разницу в человеческом поведении, и от простого описания событий, происходивших в далеких от нашей эпохи странах, мы испытываем восхищение и жалость или негодование и ярость. Наша чувствительность к этому предмету придает очарование историческим событиям и поэтическим вымыслам в уединении; вызывает слезы сострадания, придает крови самое оживленное движение, а глазу - самые живые проблески неудовольствия или радости. Она превращает человеческую жизнь в интересное зрелище и постоянно побуждает даже самых ленивых участвовать в качестве противников или друзей в сценах, которые разыгрываются перед ними. В сочетании с силой обдумывания и разума, это составляет основу моральной природы; и, хотя это диктует условия

похвалы и порицания, служит для классификации наших ближних по самым замечательным и привлекательным или по самым одиозным и презренным наименованиям.

Приятно видеть людей, которые в своих рассуждениях отрицают реальность моральных различий, забывают в деталях общие позиции, которых они придерживаются, и дают волю насмешкам, негодованию и презрению, как будто любое из этих чувств могло иметь место, если бы действия людей были безразличны; или с язвительностью делают вид, что обнаруживают обман, посредством которого были наложены моральные ограничения, как будто осуждение обмана не означает уже выступления на стороне морали. [Сноска: Мандевиль.]

Можем ли мы объяснить принципы, на основании которых человечество отдает предпочтение характерам и на основании которых оно предается таким неистовым эмоциям восхищения или презрения? Если признать, что мы не можем, то являются ли факты менее истинными? Или мы должны приостановить движения сердца до тех пор, пока те, кто занимается разработкой научных систем, не откроют принцип, из которого эти движения исходят? Если обожжен палец, нас не интересует информация о свойствах огня; если сердце разрывается или разум переполнен радостью, у нас нет времени для размышлений на темы моральной чувствительности.

В этом, как и в других предметах, к которым применяются рассуждения и теории, повезло, что природа идет своим чередом, в то время как любопытные заняты поиском ее принципов. Крестьянин или ребенок могут рассуждать, судить и говорить на своем языке с проникательностью, последовательностью и уважением к аналогии, которые ставят в тупик логика, моралиста и грамматика, когда они находят принцип, на котором основано разбирательство, или когда они приводят к общему правилу то, что так знакомо и так хорошо поддерживается в частных случаях. Благополучие нашего поведения в большей степени обусловлено нашим талантом к деталям и намеком на конкретные случаи, чем любым направлением, которое мы можем найти в теории и общих рассуждениях.

В результате каждого исследования мы должны сталкиваться с фактами, которые не можем объяснить; и смирение с этим унижением часто избавляло бы нас от множества бесплодных хлопот. Вместе со смыслом нашего существования мы должны признать множество обстоятельств, которые становятся нам известны в одно и то же время и одним и тем же способом; и которые в действительности составляют способ нашего существования. Каждый крестьянин скажет нам, что у человека есть свои права, и что посягать на эти права - несправедливо. Если мы спросим его дальше, что он подразумевает под термином *право*? вероятно, мы заставляем его заменить этот термин менее значимым или менее подходящим термином; или требуем от него объяснить, что является изначальным образом его мышления и чувством, на которое он в конечном итоге ссылается, когда он хочет объясниться по поводу какого-либо конкретного применения своего языка.

Права отдельных лиц могут относиться к целому ряду вопросов и пониматься по-разному. До установления собственности и различия рангов люди имеют право защищать свою личность и действовать свободно; они имеют право руководствоваться соображениями разума и чувствами сердца; и они ни на минуту не могут объединиться, не чувствуя, что обращение, которое они оказывают или получают, может быть справедливым или несправедливым. Однако в наши задачи здесь не входит использовать понятие права в его различных приложениях, а рассуждать о том благосклонном чувстве, с которым это понятие воспринимается в сознании.

Если это правда, что людей объединяет инстинкт, что они действуют в обществе из чувства доброты и дружбы; если это правда, что даже до знакомства и обжития люди как таковые обычно являются друг для друга объектами внимания и некоторой степени почтения; что в то время как на их процветание смотрят с безразличием, к их несчастьям относятся с сочувствием; если бедствия измеряются количеством и качествами людей, с которыми они связаны; и если каждое страдание ближнего привлекает толпу внимательных зрителей; если даже в случае с теми, к кому мы обычно не испытываем симпатии. желая какого-либо позитивного блага, мы по-прежнему испытываем отвращение к тому, чтобы быть орудиями причинения вреда; казалось бы, в этих различных проявлениях дружелюбного расположения достаточно заложены основы морального восприятия, и чувство справедливости, которое мы поддерживаем по отношению к самим себе, благодаря движению человечности и искренности распространяется на наших ближних.

Что вертится у нас на языке, когда мы осуждаем акт жестокости или угнетения? В чем заключается наша сдержанность от оскорблений, которые причиняют страдания нашим ближним? Вероятно, в обоих случаях это особое применение того принципа, который в присутствии скорбящих вызывает слезу сострадания; и сочетание всех тех чувств, которые составляют благожелательный настрой; и если не решимость творить добро, то, по крайней мере, отвращение быть орудием причинения вреда. [Примечание: Нам говорят, что человечество предано интересам; и это, несомненно, верно для всех коммерческих наций. Но из этого не следует, что они по своим естественным склонностям испытывают отвращение к обществу и взаимной привязанности: доказательства обратного остаются даже там, где интерес торжествует больше всего. Что мы должны думать о силе этой склонности к состраданию, искренности и доброй воле, которая, несмотря на преобладающее мнение о том, что счастье человека состоит в обладании максимально возможной долей богатства, привилегий и почестей, все еще удерживает стороны, конкурирующие за эти объекты, на сносной основе дружбы и побуждает их воздерживаться даже от своего собственного предполагаемого блага, когда их захват оказывается в ущерб другим? Чего только мы не могли ожидать от человеческого сердца в обстоятельствах, которые препятствовали этому опасению по поводу удачи, или под влиянием такого устойчивого и всеобщего мнения, как первое, что счастье человека заключается не в потворстве животным аппетитам, а в благожелательном сердце; не в удаче или интересе, а в презрении к самому этому объекту, в мужестве и свободе, которые проистекают из этого презрения, в сочетании с решительным выбором поведения, направленного на благо человечества или на благо того конкретного общества, к которому принадлежит участник?]

Однако, может быть, трудно перечислить мотивы всех порицаний и похвал, которые применяются к действиям людей. Даже когда мы занимаемся морализированием, каждая склонность человеческого разума может внести свою лепту в формирование суждения и побуждение языка. Как ревность часто является самым бдительным стражем целомудрия, так и злоба часто быстрее всего замечает недостатки нашего ближнего. Зависть, жеманство и тщеславие могут диктовать вердикты, которые мы выносим, и худшие принципы нашей натуры могут лежать в основе нашего мнимого рвения к нравственности; но если мы только хотим выяснить, почему те, кто благосклонно относится к человечеству, в каждом случае осознают определенные права, относящиеся к их ближним, и почему они приветствуют внимание, уделяемое этим правам, мы не можем привести лучшей причины, чем то, что человек, который аплодирует, благосклонен к благополучию сторон, к которым относятся его аплодисменты.

Аплодисменты, однако, являются выражением особого чувства; выражением уважения, противоположного презрению. Их цель - совершенство, противоположное недостатку. Это чувство - не любовь к человечеству; это то, по чему мы оцениваем качества людей и объекты нашего стремления; то, что удваивает силу любого желания или отвращения, когда мы рассматриваем его объект как имеющий тенденцию возвышать или опускать нашу природу.

Когда мы примем во внимание, что реальность любой дружеской склонности в человеческом разуме часто оспаривалась; когда мы вспомним преобладание соперничества по интересам с сопутствующими им страстями ревности, зависти и злобы; может показаться странным утверждение, что любовь и сострадание являются, после желания возвышения, самыми могущественными мотивами в человеческой груди: что они побуждают во многих случаях с самой непреодолимой горячностью; и если желание самосохранения более постоянное и более однородное, они являются более обильным источником энтузиазма, удовлетворения и злонамеренности. и радость. Обладая силой, не уступающей силе негодования и ярости, они заставляют разум приносить в жертву любые интересы и стойко переносят любые трудности и опасности.

Характер, на котором зиждется дружба, светится удовлетворением в часы спокойствия и приятен не только в своих победах, но даже в своих горестях. Оно придает изящество внешнему виду и своим выражением лица компенсирует недостаток красоты или придает очарование, с которым не могут сравниться ни цвет лица, ни черты лица. Из этого источника сцены человеческой жизни черпают свое главное счастье, а их подражания в поэзии - свое главное украшение. Описания природы, даже изображения энергичного поведения и мужественной отваги, не трогают сердце, если они не смешаны с проявлением великодушных чувств и патетики, которые возникают в борьбе, триумфах или несчастьях нежной привязанности. Смерть Политеса в "Энеиде" не более трогательна, чем смерть многих других, погибших на развалинах Трои; но престарелый Приам присутствовал, когда был убит этот последний из его сыновей; и муки горя заставляют родителя покинуть свое убежище и пасть от руки, пролившей кровь его ребенка. Патетика Гомера состоит в демонстрации силы чувств, а не в возбуждении простого ужаса и жалости; страсти, которые он, возможно, никогда и ни в каком случае не пытался вызвать.

С этой тенденцией разжигать энтузиазм, с этой властью над сердцем, с удовольствием, сопровождающим его эмоции, и со всеми ее эффектами, вызывающими доверие и вызывающими уважение, неудивительно, что принцип человечности должен задавать тон нашим похвалам и порицаниям, и даже там, где ему не удастся направлять наше поведение, он все же должен давать разуму, после размышления, знание того, что желательно в человеческом характере. *Что ты сделал с твоим братом Авелем?* это был первый упрек в защиту морали; и если первый ответ часто повторялся, то, несмотря на это, человечество в некотором смысле в достаточной степени признало обвинение своей природы. Они чувствовали, они говорили и даже действовали как защитники своих братьев: они сделали проявления искренности и взаимной привязанности критерием того, что достойно уважения и дружелюбно в характерах людей; они сделали жестокость и угнетение главными объектами своего негодования и ярости: даже когда голова занята интересными проектами, сердце часто склоняется к дружбе; и пока бизнес развивается в соответствии с принципами самосохранения, беззаботный час используется в щедрости и доброте.

Следовательно, правило, по которому люди обычно судят о внешних действиях, исходит из предполагаемого влияния таких действий на общее благо. Воздерживаться от причинения вреда - великий закон естественной справедливости; распространять счастье - закон морали; и когда мы осуждаем оказание благосклонности одному или нескольким за счет многих, мы ссылаемся на общественную пользу как на великую цель, на которую должны быть направлены действия людей.

В конце концов, следует признать, что если принцип привязанности к человечеству лежит в основе нашего морального одобрения или неприязни, мы иногда раздаем аплодисменты или порицания, не обращая особого внимания на то, в какой степени наши ближние обижены или обязаны; и что, помимо таких добродетелей, как искренность, дружба, великодушие и общественный дух, которые имеют непосредственное отношение к этому принципу, есть и другие, которые, как может показаться, получают свое одобрение из другого источника. Умеренность, благоразумие, сила духа - этими качествами также восхищаются из принципа уважения к нашим ближним? Почему бы и нет, поскольку они делают людей счастливыми сами по себе и полезными другим? Тот, кто способен способствовать благосостоянию человечества, не является ни болваном, ни глупцом, ни трусом. Можно ли яснее выразить, что умеренность, благоразумие и сила духа необходимы для характера, который мы любим и которым восхищаемся? Я хорошо знаю, почему я должен желать их в себе; и почему точно так же я должен желать их в моем друге и в каждом человеке, который является объектом моей привязанности. Но с какой целью искать причины для одобрения, когда качества так необходимы для нашего счастья и так велика роль в совершенствовании нашей природы? Мы должны перестать уважать самих себя и различать то, что является превосходным, когда такими качествами мы пренебрегаем.

Человек с нежным умом, одержимый максимой, согласно которой он сам, как индивид, является не более чем частью целого, требующего его внимания, нашел в этом принципе достаточное основание для всех добродетелей; для презрения к животным удовольствиям, которые вытеснили бы его основное наслаждение; для равного презрения к опасности или боли, которые мешают его стремлению к общественному благу. "Страстная и устойчивая привязанность возвеличивает свой объект и уменьшает все трудности или опасности, которые стоят на пути". "Спросите тех, кто был влюблен, - говорит Эпиктет, - они узнают, что я говорю правду".

"У меня есть перед глазами", - говорит другой выдающийся моралист, [Сноска: персидские письма.] "идея справедливости, которой, если бы я мог следовать во всех случаях, я считал бы себя самым счастливым из людей". И для их счастья, а также для их поведения, если их можно разделить, важно, чтобы у людей была должным образом сформирована эта идея. Возможно, это всего лишь другое название того блага человечества, содействовать которому призваны добродетельные люди. Если добродетель является высшим благом, то ее лучшим и наиболее сигнальным эффектом является сообщение и распространение самой себя.

Различать людей по различию их моральных качеств, поддерживать одну партию из чувства справедливости, выступать против другой даже с негодованием, когда ее возбуждает беззаконие, - вот обычные признаки честности и действия одушевленного, честного и великодушного духа. Остерегаться несправедливых пристрастий и необоснованных антипатий; сохранять то душевное равновесие, которое, не снижая его чувствительности или пылкости,

проявляется в каждом случае с пронизательностью, - вот признаки сильного и развитого духа. Быть способным следовать указаниям такого духа во всех проявлениях человеческой жизни, с разумом, всегда владеющим собой, в процветании или невзгодах, и обладающим всеми своими способностями, когда предметом опасности является жизнь или свобода, равно как и при решении простых вопросов, представляющих интерес, - это триумф великодушия и истинное возвышение ума. "Событие дня решено. Сейчас же извлеки это копье из моего тела, - сказал Эпаминондас, - и дай мне истечь кровью".

В какой ситуации или с помощью каких инструкций должен формироваться этот замечательный характер? Встречается ли это в рассадниках жеманства, дерзости и тщеславия, откуда распространяется мода и провозглашается благородство? В больших и богатых городах, где люди соперничают друг с другом в экипировке, одежде и репутации богача? Находится ли это в почитаемых пределах двора, где мы можем научиться улыбаться без удовольствия, ласкать без привязанности, ранить тайным оружием зависти и ревности и основывать нашу личную значимость на обстоятельствах, которыми мы не всегда можем с честью управлять? Нет, но в ситуации, когда пробуждаются великие чувства сердца; когда характеры людей, а не их положение и судьба, являются главным отличием; когда тревоги, вызванные интересом или тщеславием, исчезают в пламени более сильных эмоций; и когда человеческая душа, почувствовав и распознав свои объекты, подобно животному, вкусившему крови своей жертвы, не может опуститься до занятий, которые оставляют ее таланты и ее силу незанятыми.

Только подходящие случаи, действующие на возвышенное и счастливое расположение духа, могут произвести этот замечательный эффект, в то время как простое обучение всегда может привести к тому, что человечество окажется в растерянности от понимания его значения или нечувствительным к его диктату. Положение, однако, не безнадежно, пока мы не сформируем нашу политическую систему, а также манеры; пока мы не продадим нашу свободу за титулы, экипаж и отличия; пока мы не увидим никаких достоинств, кроме процветания и власти, никакого позора, кроме бедности и пренебрежения. Какое очарование наставлений может исцелить разум, запятнанный этим расстройством? Какой сиреневый голос может пробудить желание свободы, которое считается низостью и отсутствием амбиций? Или какое убеждение может превратить гримасу вежливости в настоящие чувства человечности и искренности?

РАЗДЕЛ VII.

ОТ СЧАСТЬЯ.

Приняв во внимание активные силы и моральные качества, отличающие природу человека, по-прежнему ли необходимо, чтобы мы рассматривали его счастье отдельно? Этот многозначительный термин, наиболее частый и наиболее знакомый в нашем разговоре, по зрелом размышлении, возможно, является наименее понятным. Оно служит для выражения нашего удовлетворения, когда удовлетворяется какое-либо желание; оно произносится со вздохом, когда наша цель далека: оно означает то, что мы хотим получить, и то, на изучение чего мы редко останавливаемся. Мы оцениваем ценность каждого предмета по его полезности и его влиянию на счастье; но мы думаем, что сама полезность и счастье не требуют объяснения.

Самыми счастливыми обычно считаются те люди, чьи желания чаще всего исполняются. Но если бы в действительности обладание тем, чего они желают, и постоянное осуществление их желаний были необходимыми условиями счастья, у человечества по большей части были бы

основания жаловаться на свою судьбу. То, что они называют своими удовольствиями, обычно мимолетно; и объект сангвинических ожиданий, когда он получен, больше не продолжает занимать ум: сменяется новая страсть, и воображение, как и прежде, стремится к отдаленному счастью.

На сколько размышлений подобного рода наводит меланхолия или воздействие той самой вялости и заброшенности, в которые мы охотно погрузились бы при мысли о свободе от забот и неприятностей?

Когда мы приступаем к формальному подсчету удовольствий или страданий, уготованных человечеству, это случайность, но мы обнаруживаем, что боль по своей интенсивности, продолжительности или частоте значительно преобладает. Активность и рвение, с которыми мы переходим от одной стадии жизни к другой, наше нежелание возвращаться на пройденные пути, наше отвращение в старости к возобновлению резвостей юности или к повторению в зрелом возрасте детских забав, были соответственно заявлены как доказательства того, что наша память о прошлом и наше чувство настоящего в равной степени вызывают неприязнь и неудовольствие. [Footnote: Maupertuis; Essai de Morale.]

Однако этот вывод, как и многие другие, сделанные на основе нашего предполагаемого знания причин, не соответствует опыту: на каждой улице, в каждой деревне, в каждом поле, чем большее число людей мы встречаем, тем они жизнерадостнее или бездумнее, безразличнее, собраннее, деловитее или оживленнее. Рабочий свистит своей упряжке, и механик спокоен в своем деле; резвые и веселые люди испытывают ряд удовольствий, источник которых нам неизвестен; даже те, кто демонстрирует невзгоды человеческой жизни, когда сосредоточены на своих аргументах, избавляются от своих горестей и находят сносное времяпрепровождение в доказательстве того, что люди несчастливы.

Сами термины *удовольствие* и *боль*, возможно, двусмысленны; но если они ограничиваются, как это представляется во многих наших рассуждениях, простыми ощущениями, относящимися к внешним объектам, будь то память о прошлом, чувство настоящего или предчувствие будущего, то большой ошибкой было бы предполагать, что они охватывают все составляющие счастья или несчастья; или что хорошее настроение обычной жизни поддерживается преобладанием тех удовольствий, которые имеют свои отдельные названия, например: и, поразмыслив, отчетливо вспоминаются.

Ум в течение большей части своего существования занят активными действиями, а не просто вниманием к своим собственным чувствам удовольствия или боли; и список его способностей - понимания, памяти, предвидения, сентиментальности, воли и намерения - содержит только названия различных его операций.

Если в отсутствие всех ощущений, которым мы обычно даем названия *удовольствия* или *suffering*, our very existence may have its opposite qualities of *happiness* or *misery*; and if what we call *pleasure* or *pain*, и занимает лишь малую часть человеческой жизни по сравнению с тем, что проходит в изобретательстве и исполнении, в стремлениях и ожиданиях, в поведении, размышлениях и социальных обязательствах; должно показаться, что наши активные занятия, по крайней мере, из-за их продолжительности, заслуживают того, чтобы большая часть нашего внимания. Когда у них не получается воспользоваться случаем, они требуют не удовольствия, а

какого-нибудь занятия; и даже жалобы страдальца не являются таким верным признаком страдания, как вялый взгляд.

Однако мы редко относим какую-либо задачу, которую нам приходится выполнять, к числу благ жизни. Мы всегда стремимся к периоду чистого наслаждения или к прекращению неприятностей; и упускаем из виду источник, из которого на самом деле черпается большинство наших нынешних удовольствий. Спросите занятых, где счастье, к которому они стремятся? возможно, они ответят, что его можно найти в объекте какого-то текущего стремления. Если мы спросим, почему они не чувствуют себя несчастными из-за отсутствия этого счастья? они скажут, что надеются достичь этого. Но только ли надежда поддерживает разум среди ненадежных и неопределенных перспектив? И наполнит ли уверенность в успехе промежутки ожидания более приятными эмоциями? Отдайте охотнику его добычу, дайте игроку золото, поставленное на кон, чтобы одному не пришлось утомлять себя, а другому смущать свой разум, и оба, вероятно, посмеются над нашей глупостью: один поставит свои деньги заново, чтобы сбиться с толку; другой направит своего оленя в поле, чтобы он мог услышать лай собак и следовать за ними, несмотря на опасности и лишения. Откажитесь от занятий людей, прекратите их желания, существование станет бременем, а повторение воспоминаний - мучением.

Мужчинам этой страны, говорит одна дама, следовало бы научиться шить и вязать; это избавило бы их время от необходимости обременять себя и других людей. Это правда, говорит другой; что касается меня, то, хотя я никогда не смотрю за границу, я трепещу при мысли о плохой погоде; потому что тогда джентльмены приходят к нам в хандре, чтобы развлечься; и вид мужа в беде - всего лишь печальное зрелище.

Предполагается, что трудности и невзгоды человеческой жизни умаляют благодать Бога; однако многие развлечения, которые люди придумывают для себя, сопряжены с трудностями и опасностью. Великий изобретатель игры в человеческую жизнь хорошо знал, как приспособить игроков. Шансы вызывают недовольство; но если бы их убрали, сама игра больше не развлекала бы участников. Разрабатывая или приводя в исполнение план, поддаваясь волне эмоций и сентиментальности, ум, кажется, раскрывает свое существо и наслаждается самим собой. Даже там, где известно, что от цели мало толку, таланты и фантазия часто находят интенсивное применение, и бизнес или игра могут одинаково развлекать их. Мы желаем отдыха только для того, чтобы восстановить наши ограниченные и растрачивающие силы: когда работа утомляет, развлечение часто является всего лишь сменой занятия. Мы не всегда несчастливы, даже когда жалуемся. Есть своего рода скорбь, которая создает приятное состояние ума; и сама скорбь иногда является выражением удовольствия. Художник и поэт ухватились за эту ручку и находят среди средств развлечения благоприятный прием для произведений, созданных для того, чтобы пробудить наши печали.

Следовательно, для существа такого типа благословением является встреча со стимулами к действию, будь то желание удовольствия или отвращение к боли. Его деятельность важнее, чем само удовольствие, к которому он стремится, а томление - большее зло, чем страдания, которых он избегает.

Удовлетворение животного аппетита недолговечно, а чувственность - всего лишь расстройство ума, которое следовало бы излечить воспоминанием, если бы оно не было постоянно воспламенено надеждой. Погоня завершается смертью дичи не более уверенно, чем радости

сладострастника завершаются его развратом. Как часть общества, как предмет отдаленного стремления, объекты чувств составляют важную часть в системе человеческой жизни. Они ведут нас к выполнению целей природы, к сохранению личности и продолжению рода; но полагаться на их использование как на главную составляющую счастья было бы ошибкой в умозрении и было бы еще большей ошибкой на практике. Даже хозяин серала, для которого все сокровища империи выкачиваются из сокровищниц его перепуганных обитателей, для которого только из рудников добывают отборные изумруд и алмаз, для которого каждый ветерок наполнен благоуханиями, для которого красота собирается со всех сторон и, движимый страстями, созревающими под вертикальным солнцем, заключен в каминную решетку для его использования, все еще, возможно, более несчастен, чем само стадо людей, чьи труды и имущество посвящены тому, чтобы избавлять его от забот и доставлять ему удовольствия.

Чувственность легко преодолевается любой из привычек преследования, которые обычно задействуют активный ум. Когда просыпается любопытство или возбуждается страсть, даже в разгар застолья, когда беседа становится теплой, веселой или серьезной, привычные нам радости застолья забываются. Мальчик презирает их ради игры, а мужчина в возрасте отказывается от них ради бизнеса.

Когда мы рассматриваем обстоятельства, соответствующие природе любого животного или человека в частности, такие как безопасность, кров, пища и другие средства наслаждения или сохранения, мы иногда думаем, что нашли разумный и прочный фундамент, на котором покоится его счастье. Но те, кто менее всего расположен к морализаторству, замечают, что счастье не связано с удачей, хотя удача включает в себя сразу все средства к существованию и средства к чувственному наслаждению. Обстоятельства, требующие воздержания, мужества и поведения, подвергают нас риску и описываются как болезненные; однако способные, отважные и пылкие, по-видимому, больше всего наслаждаются, когда оказываются посреди трудностей и вынуждены использовать силы, которыми они обладают.

Когда Спиноле сказали, что сэр Фрэнсис Вир умер от нечего делать, он сказал: "Этого было достаточно, чтобы убить генерала". [Примечание: Жизнь лорда Герберта.] Сколько есть таких, для кого война сама по себе является развлечением, кто выбирает жизнь солдата, подверженного опасностям и постоянной усталости; моряка, борющегося со всеми трудностями и лишенного всех удобств; политика, чьим развлечением является поведение партий и фракций; и кто, вместо того чтобы бездельничать, будет заниматься делами людей и наций, к которым он не имеет ни малейшего отношения? Такие люди не предпочитают страдание удовольствию, но их побуждает неугомонная склонность к постоянному проявлению способностей и решимости; они торжествуют посреди своей борьбы; они опускают руки и изнемогают, когда их труды прекращаются.

Что такое наслаждение в понимании того юноши, который, согласно Тациту, любил саму опасность, а не награды за храбрость? Какова перспектива удовольствия, когда звук рога или трубы, лай собак или боевой клич пробуждают пыл спортсмена и солдата? Самые оживляющие события человеческой жизни - это призывы к опасности и лишениям, а не приглашения к безопасности и покою: и сам человек, в своем совершенстве, не является животным для удовольствий и не предназначен просто наслаждаться тем, что приносят ему стихии; но, подобно своим товарищам, собаке и лошади, следовать упражнениям своей природы, предпочитая то, что называется ее удовольствиями; томиться на лоне легкости и изобилия и

ликовать посреди тревог, которые, кажется, угрожают его существу, и во всем этом его склонность к действию только соответствует разнообразию сил, которыми обладает человек. которым он снабжен; и самые достойные качества его натуры - великодушие, стойкость и мудрость - явно указывают на трудности, с которыми ему суждено бороться.

Если животное удовольствие становится пресным, когда дух возбуждается другим объектом, то точно так же хорошо известно, что любая сильная привязанность души предотвращает возникновение чувства боли. Раны, полученные в пылу страсти, в спешке, в пылу или оцепенении битвы, никогда не ощущаются, пока не утихнет душевное брожение. Даже пытки, намеренно применяемые и старательно продлеваемые, переносятся стойко и с кажущейся легкостью, когда ум овладевает какое-то сильное чувство, будь то религия, энтузиазм или любовь к человечеству. Продолжающиеся умерщвления плоти суеверных приверженцев в течение нескольких эпох христианской церкви; дикие епитимьи, которые все еще добровольно несут в течение многих лет религиозные деятели востока; презрение, с которым большинство диких народов относятся к голоду и пыткам; жизнерадостное или упрямое терпение солдата на поле боя; лишения, которым подвергается спортсмен в своем времяпрепровождении, показывают, насколько мы можем ошибаться, исчисляя страдания людей, исходя из количества неприятностей и страданий, которые они, по-видимому, навлекают. И если есть некоторая утонченность в утверждении, что их счастье не должно измеряться противоположными удовольствиями, то это утонченность, которая была сделана Регулом и Цинциннатом еще до появления философии. Фабриций знал это, хотя слышал аргументы только противоположной стороны. [Сноска: Плутарх в Вит. Пирр.] Это утонченность, которую знает каждый мальчик в своей игре и подтверждает каждый дикарь, когда он смотрит из своего леса на тихоокеанский город и презирает плантацию, хозяину которой он и не думает подражать.

Следует признать, что человек, несмотря на всю эту активность его разума, является животным в полном смысле этого слова. Когда тело заболевает, ум угасает; а когда кровь перестает течь, душа уходит. Обязанная заботиться о его сохранении, побуждаемая чувством удовольствия или боли и охраняемая инстинктивным страхом смерти, природа не доверила его безопасности простой бдительности его разума или управлению его неопределенными размышлениями.

Различие между разумом и телом влечет за собой последствия величайшей важности; но факты, на которые мы сейчас ссылаемся, не основаны ни на каких принципах вообще. Они одинаково верны, независимо от того, признаем мы или отвергаем рассматриваемое различие, или предполагаем ли мы, что этот живой агент образован из одного целого или представляет собой совокупность отдельных природ. И материалист, рассматривающий человека как двигатель, не может внести никаких изменений в состояние его истории. Это существо, которое с помощью множества видимых органов выполняет множество функций. У нас на глазах он сгибает суставы, сокращает или расслабляет мышцы. Он продолжает биение сердца в своей груди и приток крови к каждой части своего тела. Он выполняет другие операции, которые мы не можем отнести к какому-либо телесному органу. Он воспринимает, он вспоминает и прогнозирует; он желает и избегает; он восхищается и презирает. Он наслаждается своими удовольствиями или терпит свою боль. Все эти различные функции, в какой-то мере, хорошо или плохо сочетаются друг с другом. Когда движение крови замедлено, мышцы расслаблены, понимание замедлено, а воображение притуплено: когда человека одолевает недомогание, врач должен обращать внимание на то, что он думает, не меньше, чем на то, что он ест, и исследовать отдачу его страсти вместе с ударами его пульса.

Со всей своей пронизательностью, предосторожностями и инстинктами, которые даны для сохранения его существа, он разделяет судьбу других животных и, кажется, создан только для того, чтобы умереть. Мириады погибают, прежде чем достигают совершенства своего вида; и индивид, имеющий возможность быть обязанным продлением своего временного пути решимости и поведению или низменному страху, часто выбирает последнее и, по привычке к робости, ожесточает жизнь, которую он так стремится сохранить.

Однако временами человек, освобожденный от этой унижительной участи, кажется, действует без какого-либо оглядки на продолжительность своего периода. Когда он напряженно думает или страстно желает, удовольствия и страдания с любой другой стороны обрушиваются на него напрасно. Даже в его смертный час мышцы обретают тонус от его духа, и разум, кажется, покидает его в своей энергии и в разгар борьбы за достижение недавней цели своего труда. Мули Молук, которого несли на носилках, измученный болезнью, все еще сражался в битве, в разгар которой он скончался; и последнее усилие, которое он предпринял, приложив палец к губам, было сигналом скрыть его смерть; [Примечание: "Португальские революции" Верло] предосторожность, возможно, из всех, которые он до сих пор предпринимал, самая необходимая, чтобы предотвратить поражение.

Неужели никакие размышления не могут помочь нам приобрести эту душевную привычку, столь полезную для того, чтобы проводить нас через многие обычные сцены жизни? Если мы говорим, что они не могут, реальность их счастья не менее очевидна. Греки и римляне считали презрение к удовольствиям, терпимость к боли и пренебрежение жизнью выдающимися качествами человека и главным предметом дисциплины. Они верили, что энергичный дух найдет достойные объекты, на которых можно применить свою силу; и что первым шагом к решительному выбору таких объектов было избавление от низости заботливого и робкого ума.

Человечество, в целом, искало случая проявить свое мужество и часто, в поисках восхищения, представляло собой зрелище, которое для тех, кто перестал ценить силу духа как таковую, становится предметом ужаса. Сцевола сунул руку в огонь, чтобы потрясти душу Порсенны. Дикарь приучает свое тело к пыткам, чтобы в час испытания он мог ликовать над своим врагом. Даже мусульманин разрывает на себе плоть, чтобы завоевать сердце своей возлюбленной, и приходит в веселье, обливаясь кровью, чтобы показать, что он заслуживает ее уважения. [Примечание: Письма почтенной леди Мэри Уортли Монтегю.]

У некоторых народов практика причинения боли или игры с ней доведена до жестокости или абсурда; другие рассматривают любую перспективу телесных страданий как величайшее из зол; и посреди своих бед усугубляют каждое реальное несчастье ужасами слабого и подавленного воображения. Мы не обязаны отвечать за глупости ни того, ни другого и, рассматривая вопрос, относящийся к природе человека, не должны оценивать его силу или слабость, исходя из привычек или опасений, свойственных какой-либо нации или эпохе.

РАЗДЕЛ VIII.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОЙ ЖЕ ТЕМЫ.

Всякий, кто сравнил различные условия и манеры людей при различном образовании или достатке, убедится, что простое положение не составляет их счастья или несчастья; а разнообразие внешних обрядов не предполагает никакой противоположности чувств по вопросу морали. Они выражают свою доброту и свою враждебность в различных действиях; но

доброта или враждебность по-прежнему являются главным предметом рассмотрения в человеческой жизни. Они занимаются разными делами или мирятся с разными условиями, но действуют, руководствуясь страстями, почти одинаково. Не существует ни точной меры приспособления, необходимой для их удобства, ни какой-либо степени опасности или безопасности, в условиях которой они могли бы действовать. Храбрость и великодушие, страх и зависть не свойственны ни одному положению или классу людей; и нет такого состояния, при котором некоторые представители человеческой расы не показали бы, что можно надлежащим образом использовать таланты и добродетели своего вида.

Что же тогда представляет собой та таинственная вещь, называемая *Счастьем*, которая может иметь место в столь различных состояниях и для которой обстоятельства, которые в одну эпоху или у одной нации считались необходимыми, в другой считаются разрушительными или не имеющими никакого эффекта? Это не череда простых животных удовольствий, которые, помимо занятия или компании, в которую они вовлекают нас, могут заполнить лишь несколько мгновений в жизни человека. При слишком частом повторении эти удовольствия превращаются в пресыщение и отвращение; они разрушают конституцию, к которой они применяются в избытке, и, подобно ночной молнии, служат только для того, чтобы затемнить мрак, сквозь который они время от времени прорываются. Счастье - это не то состояние покоя или та воображаемая свобода от забот, которое на расстоянии так часто является объектом желания, но с его приближением навевает скуку или истому, более невыносимую, чем сама боль. Если предыдущие наблюдения по этому вопросу справедливы, это происходит скорее от стремления, чем от достижения какой бы то ни было цели; и в каждой новой ситуации, в которую мы попадаем, даже в ходе благополучной жизни, это больше зависит от степени, в которой должным образом задействован наш разум, чем от обстоятельств, в которых нам суждено действовать, от материалов, которые находятся в наших руках, или инструментов, которыми мы снабжены.

Если признать это в отношении того класса занятий, которые обозначаются как *развлечения* и которые у людей, обычно считающихся наиболее счастливыми, занимают большую часть человеческой жизни, мы можем заключить, что это имеет гораздо большее значение, чем обычно подозревается, во многих случаях бизнеса, где предполагается, что главную ценность имеет цель, а не занятие.

Нам говорят, что сам скряга иногда может рассматривать заботу о своем богатстве как развлечение и призывает своего наследника получать больше удовольствия от трат, чем от накопления своего состояния. При такой степени безразличия к тому, каким может быть поведение других; при таком ограничении своих забот тем, что он избрал в качестве своей личной сферы, особенно если он победил в себе страсти ревности и зависти, которые терзают алчный ум; почему нельзя считать, что человек, целью которого являются деньги, ведет жизнь, полную развлечений и удовольствий, не только более полную, чем у расточителя, но даже такую же, как у виртуоза, ученого, человека со вкусом или любого из того класса людей, которые нашли способ проводить свой досуг? без обид, и для кого, возможно, сделанные приобретения или произведенные работы во всех их проявлениях так же бесполезны, как сумка для скряги или прилавки для тех, кто играет просто ради развлечения в любую игру мастерства или случая?

Мы вскоре устаем от развлечений, которые не соответствуют природе бизнеса, то есть не пробуждают какой-то страсти и не дают упражнения, соответствующего нашим талантам и

способностям. В игре и за игровым столом есть свои опасности и трудности, которые возбуждают и задействуют ум. Все состязательные игры стимулируют наше соперничество и придают вид партийного рвения. Математик предназначен только для развлечения с запутанными проблемами, юрист и казуист - с делами, которые пробуют себя в тонкости и требуют от них суждений.

Желание активных занятий, как и любой другой естественный аппетит, может доводиться до крайности; и люди могут предаваться разврату в развлечениях, а также в употреблении вина или других опьяняющих напитков. Поначалу пустяковая ставка и умеренный азарт, возможно, позабавили бы игрока; но когда наркотик становится привычным, он перестает оказывать должного эффекта: игра становится более глубокой, а интерес повышается, чтобы пробудить его внимание; постепенно он увлекается и в конце концов приходит к тому, что ищет развлечения и находит его только в тех страстях тревоги, надежды и отчаяния, которые пробуждаются из-за риска, на который он бросил все свое состояние.

Если люди смогут таким образом превратить свои развлечения в сцену более серьезную и интересную, чем сам бизнес, будет трудно найти причину, по которой бизнес и многие другие занятия человеческой жизни, независимо от каких-либо отдаленных последствий будущих событий, не могут быть выбраны в качестве развлечения и приняты исходя из того, какое времяпрепровождение они приносят. Это, возможно, тот фундамент, на котором без помощи размышлений довольные и жизнерадостные люди опирались на веселость своего характера. Это, пожалуй, самая прочная основа стойкости, которую только может заложить какое-либо размышление; и само счастье достигается тем, что мы делаем определенный образ жизни своим развлечением и рассматриваем жизнь в общем смысле ее ценности, а также в каждом конкретном случае как простую сцену для упражнения ума и сердечных забот. "Я буду стараться изо всех сил, - говорит Брут. - Я никогда не перестану выводить свою страну из этого раблепного состояния. Если событие будет благоприятным, это доставит радость всем нам; если нет, все же я, несмотря ни на что, буду радоваться". Зачем радоваться разочарованию? Почему бы не впасть в уныние, когда его страна была разгромлена? Потому что печаль, возможно, и уныние не могут принести ничего хорошего. Нет, но их нужно вытерпеть, когда они придут. И откуда они должны прийти ко мне? римлянин мог бы сказать: "Я следовал своему разуму и все еще могу следовать ему". Возможно, события изменили ситуацию, в которой мне суждено действовать; но могут ли они помешать мне играть роль мужчины? Покажите мне ситуацию, в которой человек не может ни действовать, ни умереть, и я признаю, что он несчастен.

Тому, у кого хватает ума устойчиво рассматривать человеческую жизнь в этом аспекте, нужно только правильно выбирать свои занятия, чтобы достичь того состояния наслаждения и свободы души, которые, вероятно, составляют особое счастье, к которому предназначена его деятельная натура.

По склонностям людей, а следовательно, и по их занятиям, обычно делятся на два основных класса: эгоистичных и общественных. Первые предаются одиночеству; и если они и имеют отношение к человечеству, то это соперничество и вражда. Вторые побуждают нас жить с нашими ближними и делать им добро; они имеют тенденцию объединять членов общества; они заканчиваются взаимным участием в их заботах и удовольствиях и превращают присутствие людей в повод для радости. К этому классу можно отнести страсти полов, привязанности

родителей и детей, общую человечность или особые привязанности; прежде всего, ту душевную привычку, по которой мы рассматриваем себя всего лишь как часть некоего любимого сообщества и как отдельных членов некоего общества, общее благополучие которого является для нас высшей целью усердия и великим правилом нашего поведения. Эта привязанность является принципом искренности, который не знает частичных различий и не ограничен никакими рамками; она может оказывать свое воздействие за пределы нашего личного знакомства; она может, по крайней мере, в сознании и в мыслях, заставить нас почувствовать связь со вселенной и со всем творением Бога. "Неужели кто-нибудь, - говорит Антонин, - будет любить город Кекропс, а ты не будешь любить град Божий?"

Ни одно сердечное чувство не бывает безразличным. Это либо акт бодрости и радости, либо чувство печали; выражение удовольствия или приступ тоски; и проявления различных наших склонностей, а также их удовлетворение, вероятно, окажутся делом величайшей важности для нашего счастья или несчастья.

Человек обязан заботиться о сохранении своего животного. Он может существовать в одиночестве и, находясь вдали от общества, выполнять многие функции чувств, воображения и разума. Он даже вознаграждается за надлежащее выполнение этих функций; и все естественные упражнения, которые касаются его самого, а также его ближних, не только занимают его, не причиняя ему огорчения, но во многих случаях сопровождаются положительным удовольствием и заполняют часы жизни приятным занятием.

Однако существует степень, в которой мы предполагаем, что забота о себе становится источником болезненного беспокойства и жестоких страстей; в которой она вырождается в алчность, тщеславие или гордыню; и в которой, воспитывая привычки ревности и зависти, страха и злобы, она становится столь же разрушительной для наших собственных удовольствий, сколь и враждебной благополучию человечества. Это зло, однако, следует списывать не на какие-либо излишества в заботе о себе, а на простую ошибку в выборе наших объектов. Мы ищем счастья за границей, которое можно найти только в качествах сердца: мы думаем, что зависим от случайностей, и поэтому находимся в напряжении и тревоге. Мы считаем себя зависимыми от воли других людей; и поэтому раболепны и робки: мы думаем, что наше счастье заключается в предметах, в которых наши ближние являются соперниками; и в погоне за счастьем мы участвуем в тех сценах соперничества, зависти, ненависти, вражды и мести, которые приводят к наивысшей степени страдания. Короче говоря, мы действуем так, как если бы самосохранение означало сохранение нашей слабости и увековечение наших страданий. Мы списываем беды воспаленного воображения и развращенного сердца на счет наших ближних, на которых мы перекладываем муки нашего разочарования или злобы; и в то время как мы способствуем своему несчастью, удивляемся, что забота о себе не приносит лучших результатов. Но тот, кто помнит, что он по природе разумное существо и член общества; что сохранить себя - значит сохранить свой разум и лучшие чувства своего сердца; не столкнется ни с одним из этих неудобств; и в заботе о себе найдет предметы только удовлетворения и триумфа.

Разделение наших appetitов на благожелательные и эгоистичные, вероятно, в какой-то степени помогло ввести в заблуждение наши представления о личном наслаждении и личном благе; и наше рвение доказать, что добродетель бескорыстна, не слишком способствовало ее достижению. Считается, что удовлетворение эгоистичного желания приносит пользу или

удовольствие нам самим; удовлетворение благожелательности заканчивается удовольствием или выгодой других: тогда как в действительности удовлетворение каждого желания является личным удовольствием, и его ценность пропорциональна особому качеству или силе чувства, может случиться так, что тот же самый человек может извлечь большую выгоду из удачи, которую он доставил другому, чем из того, что он получил для себя.

Таким образом, хотя удовлетворение благожелательности в такой же степени принадлежит нам, как и удовлетворение любого другого желания, простое осуществление этого расположения, по многим причинам, следует рассматривать как первую и главную составляющую человеческого счастья. Каждое проявление доброты или заботы со стороны родителя по отношению к своему ребенку; каждое сердечное чувство, проявляемое в дружбе или в любви, в общественном рвении или общей человечности, - это во многом акты наслаждения и удовлетворения. Жалость сама по себе и сострадание, даже печаль и меланхолия, когда они привиты к какой-либо нежной привязанности, являются частью природы запаса; и если они не являются положительными удовольствиями, то, по крайней мере, представляют собой страдания особой природы, которые мы даже не желаем обменивать на вполне реальное наслаждение, получаемое от облегчения состояния нашего объекта. Даже крайности в этом классе наших предрасположенностей, поскольку они противоположны ненависти, зависти и злобе, поэтому они никогда не сопровождаются теми мучительными тревогами, ревностью и страхами, которые терзают заинтересованный ум; или если в действительности какая-либо пагубная страсть возникает из притворной привязанности к нашим ближним, эту привязанность можно смело осудить как не подлинную. Если мы недоверчивы или ревнивы, наша притворная привязанность, вероятно, не более чем желание внимания и личного уважения; мотив, который часто побуждает нас быть связанными с нашими ближними; но ради которого мы столь же часто готовы пожертвовать их счастьем. Мы рассматриваем их как инструменты нашего тщеславия, удовольствия или интереса, а не как стороны, на которых мы можем оказывать влияние своей доброй волей и любовью.

Ум, преданный этому классу своих привязанностей, будучи занят объектом, который может привлекать его постоянно, не сводится к тому, чтобы искать развлечений или наслаждений, с помощью которых люди дурного нрава вынуждены излечивать свои отвращения; а воздержание становится легкой задачей, когда чувственные удовлетворения вытесняются сердечными. Смелость также легче всего приобрести, или, скорее, она неотделима от той пылкости ума в обществе, дружбе или в общественных действиях, которая заставляет нас забывать о предметах личной тревоги или страха и уделять внимание главным образом объекту нашего рвения или привязанности, а не пустяковым неудобствам, опасностям или тяготам, с которыми мы сами можем столкнуться, стремясь сохранить его.

Поэтому, по-видимому, счастьем человека должно быть сделать свои социальные установки главной движущей силой своих занятий; заявить о себе как о члене сообщества, ради общего блага которого его сердце может пылать горячим рвением, подавляя те личные заботы, которые являются основой болезненных тревог, страха, ревности и зависти; или, как выражает то же чувство мистер Поуп.

"Человек, подобно щедрой виноградной лозе, живет своей жизнью; Сила, которую он приобретает, исходит из объятий, которые он дарит". [Примечание: Тот же принцип применим

ко всем частям природы. *Любить - значит наслаждаться удовольствием; ненавидеть - значит испытывать боль.*]

Мы обычно полагаем, что наш долг - делать добро и наше счастье получать его; но если в действительности мужество и сердце, преданное благу человечества, являются составляющими человеческого счастья, то оказываемая доброта предполагает счастье человека, от которого она исходит, а не того, кому она дарована; и величайшее благо, которое люди, обладающие силой духа и великодушием, могут принести своим ближним, - это участие в этом счастливом характере.

Если это благо отдельного человека, то это также благо всего человечества; и добродетель больше не налагает на нас задачи, в соответствии с которой мы обязаны даровать другим то благо, от которого мы сами воздерживаемся; но предполагает, в высшей степени, то состояние счастья, которым мы обладаем сами, которое мы должны поддерживать в мире. "Ты принесешь величайшую пользу своему городу, - говорит Эпиктет, - не тем, что возведешь крыши, а тем, что возвысишь души своих сограждан; ибо лучше, чтобы великие души жили в маленьких жилищах, чем чтобы жалкие рабы прятались в огромных домах". [Примечание: Перевод трудов Эпиктета, сделанный миссис Картер.]

Для доброжелательных удовлетворение других является основой наслаждения; и само существование в мире, которым правит мудрость Божья, является благословением. Ум, освобожденный от забот, ведущих к малодушию и низости, становится спокойным, активным, бесстрашным и смелым; способным на любое предприятие и энергичным в применении каждого таланта, которым украшена природа человека. На этом фундаменте был воспитан тот восхитительный характер, который в определенный период своей истории отличал знаменитые народы древности и придавал их манерам привычный и обыденный характер, примеры великодушия, которые при правлениях, менее благоприятных для общественного расположения, встречаются редко; или которые, не будучи широко применяемыми или даже понятыми, становятся предметом восхищения и пышного панегирика. "Так, - говорит Ксенофонт, - умер Фрасибул, который, по-видимому, действительно был хорошим человеком". Какая ценная похвала и какое значение она имеет для тех, кто знает историю этого замечательного человека! Члены этих прославленных государств, по привычке считая себя частью сообщества или, по крайней мере, столь же глубоко связанными с определенным кругом людей в государстве, не считались с личными соображениями: у них был постоянный взгляд на объекты, которые возбуждали большой пыл в душе; это заставляло их постоянно действовать в глазах своих сограждан и практиковать те искусства обдумывания, красноречия, политики и войны, от которых зависит судьба наций или людей в их коллективе. Силе ума, накопленной на этом поприще, и усовершенствованиям остроумия, достигнутым при его осуществлении, эти нации были обязаны не только своим великодушием и превосходством своего политического и военного поведения, но даже искусству поэзии и литературы, которые у них были лишь низшими придатками гения, возбуждаемого, культивируемого и утонченного в других отношениях.

Для древнего грека или римлянина индивидуум был ничем, а общество - всем. Для современного человека слишком во многих странах Европы личность - это все, а общество - ничто. Государство - это всего лишь совокупность ведомств, в которых уважение, богатство, высокое положение или власть предлагаются в качестве награды за службу. Природа

современного правительства, даже в его первом учреждении, заключалась в том, чтобы наделять каждого человека определенным положением и достоинством, которые он должен был поддерживать сам. Наши предки в незапамятные времена, во время перерыва в войнах за границы, отстаивали свои личные притязания дома, и благодаря своему соперничеству и балансу своих сил поддерживали своего рода политическую свободу в государстве, в то время как частные партии подвергались постоянным обидам и притеснениям. Их потомки, в более утонченные времена, подавили гражданские беспорядки, в которых главным образом заключалась деятельность прежних эпох; но они используют обретенное спокойствие не для того, чтобы поощрять рвение к тем законам и тому устройству правительства, которым они обязаны своей защитой, а для того, чтобы практиковать отдельно и каждый для себя различные искусства личного продвижения или наживы, которые их политические учреждения могут позволить им осуществлять с успехом. Коммерция, которая, как можно предположить, охватывает все прибыльные виды искусства, соответственно рассматривается как великая цель наций и главное занятие человечества.

Мы настолько привыкли рассматривать личное состояние как единственный объект заботы, что даже при популярных установлениях и в государствах, где люди разных сословий призваны участвовать в управлении своей страной и где свободы, которыми они пользуются, не могут долго сохраняться без бдительности и активности со стороны подданных; все же предполагается, что те, у кого, выражаясь вульгарным языком, нет своего состояния, которое можно было бы сколотить, не находят себе занятия и предаются уединенным развлечениям или развивают то, что им нравится называть вкусом к садоводству, строительству, рисованию или музыке. С этой помощью они пытаются заполнить пробелы в своей вялой жизни и избежать необходимости излечивать свою вялость каким-либо полезным служением своей стране или человечеству.

Слабые или злобные люди находят хорошее применение во всем, что является невинным, и им повезло найти любое занятие, которое предотвращает проявление гнева, который мог бы отразиться на них самих или на их близких. Но те, кто наделен счастливым нравом, способностями и энергией, впадают в настоящий разврат, занимаясь любыми развлечениями, которые занимают неподобающую долю их времени; и их действительно лишают счастья, заставляя верить, что любое занятие или времяпрепровождение лучше подходит для развлечения самих себя, чем то, что в то же время приносит какую-то реальную пользу их близким.

Такого рода развлечения, действительно, не могут быть выбором корыстолюбца, завистника или злоумышленника. Его ценность известна только людям противоположного склада характера; и мы взываем только к их опыту. Руководствуясь простым расположением и без помощи размышлений в бизнесе, дружбе и общественной жизни, они часто хорошо проявляют себя; и, с удовлетворением поддаваясь приливу своих эмоций и чувств, наслаждаются настоящим, не вспоминая о прошлом и не надеясь на будущее. Именно в рассуждениях, а не на практике им приходится открывать, что добродетель - это задача суровости и самоотречения.

РАЗДЕЛ IX.

НАЦИОНАЛЬНОГО СЧАСТЬЯ.

Человек по своей природе является членом сообщества; и когда его рассматривают в этом качестве, кажется, что индивид больше не создан для самого себя. Он должен отказаться от своего счастья и своей свободы там, где они мешают благу общества. Он - всего лишь часть целого; и похвала, которую, по нашему мнению, следует воздавать его добродетели, является всего лишь ответвлением от той более общей похвалы, которой мы награждаем член тела, часть ткани или механизма за то, что они хорошо приспособлены для того, чтобы занимать свое место и производить свой эффект.

Если это следует из отношения части к ее целому и если общественное благо является главной целью индивидов, то также верно и то, что счастье индивидов является великой целью гражданского общества; ибо в каком смысле общество может наслаждаться каким-либо благом, если его члены, рассматриваемые порознь, несчастливы?

Однако интересы общества и его членов легко согласовываются. Если индивид обязан оказывать обществу всяческое внимание, он получает, отдавая это самое внимание, величайшее счастье, на которое способна его природа; и величайшее благословение, которое общество может даровать своим членам, - это поддерживать их привязанность к себе. Это самое счастливое государство, которое больше всего любят его подданные; и это самые счастливые люди, чьи сердца привязаны к сообществу, в котором они находят все объекты великодушия и рвения, а также простор для проявления всех талантов и всех добродетельных наклонностей.

После того, как мы, таким образом, нашли общие принципы, остается большая часть нашей проблемы - их справедливое применение к частным случаям. Нации различаются по своей протяженности, количеству людей и богатству; по искусствам, которыми они занимаются, и по жилью, которое они приобрели. Эти обстоятельства могут влиять не только на нравы людей; они даже, по нашему мнению, вступают в конкуренцию с самим принципом нравов; предполагается, что они составляют национальное счастье, независимое от добродетели; и дают титул, которым мы потакаем нашему собственному тщеславию и тщеславию других наций, как мы потакаем тщеславию частных лиц из-за их богатства и почестей.

Но если этот способ измерения счастья, применяемый к частным людям, губителен и ложен, то в не меньшей степени он применим к нациям. Богатство, торговля, обширность территории и знание искусств являются, при правильном использовании, средствами сохранения и основой власти. Если они частично потерпят неудачу, нация ослабнет; если бы от них отказались полностью, раса погибла бы: их тенденция заключается в поддержании численности людей, но не в создании счастья. Соответственно, они будут поддерживать как несчастных, так и счастливых. Они отвечают одной цели, но, следовательно, недостаточны для всех; и не имеют большого значения, когда используются только для поддержания робкого, подавленного и раболепного народа.

Великие и могущественные государства способны побеждать и подчинять слабых; утонченные и коммерческие нации обладают большим богатством и практикуют большее разнообразие искусств, чем грубые; но счастье людей, во всех случаях одинаково, заключается в благословениях искреннего, активного и напряженного ума. И если мы рассматриваем

состояние общества просто как то, к которому человечество приводят его склонности, как состояние, которое следует оценивать по его эффекту в сохранении вида, в созревании их талантов и возбуждении их добродетелей, нам не нужно расширять наши сообщества, чтобы пользоваться этими преимуществами. Мы часто получаем их в самой замечательной степени, когда нации остаются независимыми и имеют небольшую протяженность.

Увеличение численности человечества может быть признано великой и важной целью; но расширение границ какого-либо конкретного государства, возможно, не является способом ее достижения: хотя мы желаем, чтобы наши собратья размножались, из этого не следует, что все должно, по возможности, быть объединено под одной крышей. Мы склонны восхищаться римской империей как образцом национального величия и пышности; но величие, которым мы восхищаемся в данном случае, оказалось губительным для добродетели и счастья человечества; оказалось, что оно несовместимо со всеми преимуществами, которыми этот народ-завоеватель некогда пользовался в государственном устройстве и нравах.

Соперничество наций проистекает из их разделения. Группа государств, подобно обществу людей, находит применение своему разуму и проверку своих добродетелей в делах, которыми они занимаются, на основе равенства и отдельного интереса. Меры, принимаемые для обеспечения безопасности, включая значительную часть национальной политики, в каждом государстве соотносятся с тем, что воспринимается из-за рубежа. Афины были необходимы Спарте для проявления ее добродетели, как сталь кремню для добывания огня; и если бы города Греции были объединены под одним началом, мы никогда бы не услышали об Эпаминонде или Фрасибуле, о Ликурге или Солоне.

Поэтому, когда мы рассуждаем от имени нашего вида, хотя мы и можем сетовать на злоупотребления, которые иногда возникают из-за независимости и противодействия интересам; все же, пока у человечества сохраняются какие-либо степени добродетели, мы не можем желать объединять в рамках одного учреждения множество людей, которые могут служить для образования нескольких; или поручать дела ведению одного сената, одной законодательной или исполнительной власти, которые на особой основе могли бы предоставить проявление способностей и театр славы многим.

Возможно, это предмет, по которому нельзя установить никаких определенных правил; но восхищение безграничным владычеством - губительное заблуждение; и, пожалуй, ни в одном другом случае действительные интересы человечества не являются более ошибочными.

Степень расширения, к которой следует стремиться в любом конкретном государстве, часто определяется состоянием его соседей. Там, где несколько государств являются смежными, они должны быть близки к равенству, чтобы они могли быть взаимно объектами уважения и взаимоуважения и чтобы они могли обладать той независимостью, в которой заключается политическая жизнь нации. Когда королевства Испании объединились, когда крупные феодалы во Франции были присоединены к короне, народам Великобритании больше не было смысла оставаться разобщенными.

Действительно, маленькие республики Греции по своему делению и соотношению сил почти в каждой деревне были объектом притязаний наций. Каждый маленький округ был рассадником выдающихся людей, и то, что сейчас является жалким уголком великой империи, было полем, на котором человечество пожинало плоды своих главных почестей. Но в современной Европе

республики аналогичной протяженности подобны кустарникам в тени более высокого леса, заглушаемого соседством более могущественных государств. В их случае определенная диспропорция сил в значительной степени сводит на нет преимущество разделения. Они подобны торговцу в Польше, который тем более презрен и тем менее защищен, что он не является ни хозяином, ни рабом.

В то же время независимые сообщества, какими бы слабыми они ни были, питают отвращение к коалиции не только там, где она носит характер навязывания или неравноправного договора, но даже там, где она подразумевает не более чем допуск новых членов к равной доле внимания со старыми. Гражданин не заинтересован в присоединении королевств; он должен обнаружить, что его значимость уменьшается по мере расширения государства. Но честолюбивые люди при расширении территории получают более обильный урожай власти и богатства, в то время как само управление становится более легкой задачей. Отсюда разрушительный прогресс империи; и поэтому свободные нации, прикрываясь приобретением господства, в конце концов терпят, чтобы их связывали ярмом с рабами, которых они завоевали.

Наше желание увеличить силу нации - единственный предлог для расширения ее территории; но эта мера, доведенная до крайности, редко терпит неудачу.

Несмотря на численное преимущество и превосходящие ресурсы на войне, сила нации проистекает из характера, а не из богатства или многочисленности ее народа. Если государственные сокровища позволяют нанять множество людей, воздвигнуть крепостные валы и снабдить их орудиями войны, то имущество боязливых легко захватывается; робкая толпа обращается в бегство сама по себе; на крепостные стены можно взобраться там, где их не защищает доблесть; и оружие имеет значение только в руках храбрецов. Полоса, на которую указал Агесилай как на стену своего города, делала защиту их страны более прочной и действенной, чем скала и цемент, которыми были укреплены другие города.

Мы были бы немногим обязаны этому государственному деятелю, который придумал бы защиту, которая могла бы заменить внешнее применение добродетели. Человеку, как разумному существу, мудро предписано, что применение разума необходимо для его сохранения; для него удачно, что в стремлении к отличию его личное внимание зависит от его характера; и удачно для наций, что для того, чтобы быть могущественными и в безопасности, они должны стремиться поддерживать мужество и культивировать добродетели своего народа. Используя такие средства, они сразу же достигают своих внешних целей и становятся счастливыми.

Мир и единодушие обычно считаются главными основами общественного благополучия; однако соперничество отдельных сообществ и волнения свободных людей являются принципами политической жизни и школой для мужчин. Как нам примирить эти противоречащие друг другу и противоположные принципы? Возможно, в этом нет необходимости. Мирлюбивые люди могут сделать все, что в их силах, чтобы ослабить вражду и примирить мнения людей; и они будут счастливы, если им удастся скрыть свои преступления и усмирить наихудшие из своих страстей. Между тем, ничто, кроме коррупции или рабства, не может подавить дебаты, которые ведутся среди честных людей, играющих равную роль в управлении государством.

Полного согласия во мнениях нельзя достичь даже в самой избранной компании; а если бы это было так, что стало бы с обществом? "Спартанский законодатель, - говорит Плутарх, - по-

видимому, посеял семена разногласий среди своих соотечественников: он имел в виду, что добропорядочных граждан следует подталкивать к спорам; он рассматривал соперничество как клеймо, с помощью которого разжигаются их добродетели; и, по-видимому, понимал, что уступчивость, с помощью которой люди излагают свои мнения без проверки, является основным источником коррупции".

Предполагается, что формы правления определяют счастье или несчастье человечества. Но формы правления должны быть разнообразными, чтобы соответствовать размерам, способу существования, характеру и манерам различных наций. В некоторых случаях толпе может быть позволено управлять самой собой; в других они должны быть строго ограничены. Обитателям деревни в какую-нибудь первобытную эпоху можно было без опаски довериться голосу разума и внушению своих невинных взглядов; но вряд ли можно доверять жителям Ньюгейта, чьи тела скованы цепями, а к ногам прикреплены железные прутья. Как же возможно, таким образом, найти какую-либо единственную форму правления, которая устраивала бы человечество в любых условиях?

Однако в следующем разделе мы продолжим указывать на различия и объяснять язык, который используется в этом месте, в контексте различных моделей подчинения и управления.

РАЗДЕЛ X.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОЙ ЖЕ ТЕМЫ.

Общеизвестно, что изначально люди были равны. Действительно, от природы они имеют равное право на свое сохранение и на использование своих талантов; но они приспособлены к разным статусам; и когда они классифицируются по правилу, взятому из этого обстоятельства, они не терпят несправедливости со стороны своих естественных прав. Очевидно, что определенный способ подчинения так же необходим людям, как и самому обществу; и это не только для достижения целей правления, но и для соблюдения порядка, установленного природой.

До появления какого бы то ни было политического института люди обладали огромным разнообразием талантов, разным тоном души и пылкостью страстей, достаточными для исполнения самых разных ролей. Соберите их вместе, и каждый найдет свое место. Они порицают или аплодируют всем вместе; они консультируются и обсуждают в более избранных группах; они берут или отдают власть индивидуально; и благодаря этому многие из них приспособлены действовать сообща и сохранять свои сообщества до того, как будет произведено какое-либо официальное распределение должностей. Мы созданы действовать таким образом; и если у нас есть какие-либо сомнения относительно прав правительства в целом, мы обязаны своим замешательством скорее тонкости спекуляций, чем какой-либо неуверенности в чувствах сердца. Участвуя в решениях нашей компании, мы движемся вместе с толпой еще до того, как определим правило, по которому будет собираться ее воля. Мы следуем за лидером до того, как определим основу его притязаний или скорректируем форму его избрания; и только после того, как человечество совершит много ошибок в качестве магистрата и подданного, они задумываются о том, чтобы сделать само правительство субъектом правил.

Поэтому, рассматривая разнообразие форм, в которых существуют общества, казуисту было бы приятно поинтересоваться, какое право имеет один человек или любое количество людей контролировать свои действия? ему могут ответить, что вообще никакого, при условии, что его действия не наносят ущерба его ближним; но если это так, то права на защиту и обязанность пресекать совершение правонарушений принадлежат коллективным органам, так же как и отдельным людям. Многие грубые народы, не имеющие официальных трибуналов для рассмотрения преступлений, собираются, когда встревожены каким-либо вопиющим проступком, и принимают свои меры по отношению к преступнику, как они поступили бы с врагом. Но поддержит ли это соображение, подтверждающее право на суверенитет, когда оно осуществляется обществом в его коллективном качестве или теми, кому вверены полномочия целого, аналогичным образом притязания на господство, где бы они ни предъявлялись случайно или даже когда они поддерживаются только силой?

На этот вопрос можно получить достаточный ответ, заметив, что правом вершить правосудие и творить добро обладает каждый индивид или группа людей; и что осуществление этого права ограничено только недостатком власти. Следовательно, тот, кто обладает властью, может использовать ее в указанных пределах; и никаких предварительных соглашений для оправдания его поведения не требуется. Но право поступать неправильно или совершать несправедливость - это злоупотребление языком и противоречие в терминах. Коллективный орган народа обладает такой же компетенцией, как и любой отдельный узурпатор. Когда мы признаем такую прерогативу в отношении любого суверена, мы можем иметь в виду только степень его власти и силу, с которой он способен исполнять свои желания. Такую прерогативу берет на себя главарь бандитов во главе своей банды или деспотический принц во главе своих войск. Когда меч вручается кем-либо из них, путешественник или местный житель может подчиниться из чувства необходимости или страха; но он не связан никакими обязательствами по мотивам долга или справедливости.

Между тем разнообразие форм, которые различные общества предлагают нашему взору, почти бесконечно. Классы, на которые они распределяют своих членов, способ, которым они устанавливают законодательную и исполнительную власти, незаметные обстоятельства, из-за которых они придерживаются различных обычаев и наделяют своих правителей неодинаковыми полномочиями, порождают постоянные различия между конституциями, наиболее похожими друг на друга, и придают человеческим делам разнообразие в деталях, которое в полном объеме не может охватить никакое понимание и не может сохранить никакая память.

Чтобы иметь общее и всестороннее знание о целом, мы должны быть полны решимости в этом, как и в любом другом вопросе, не обращать внимания на многие частности и сингулярности, отличающие различные правительства; сосредоточить наше внимание на определенных моментах, в которых многие сходятся; и таким образом установить несколько общих положений, в соответствии с которыми предмет может быть отчетливо рассмотрен. Когда мы отметили характеристики, образующие общие точки совпадения; когда мы проследили за ними до их последствий в различных сферах законодательства, исполнения и судопроизводства, в учреждениях, имеющих отношение к полиции, торговле, религии или домашней жизни; мы приобрели знания, которые, хотя и не отменяют необходимости опыта, могут служить для направления наших исследований и, в разгар событий, дают порядок и метод для расположения деталей, попадающих под наше наблюдение.

Когда я вспоминаю, что написал президент Монтескье, я затрудняюсь сказать, почему я должен касаться человеческих дел; но я тоже вдохновлен своими размышлениями и своими чувствами; и я могу изложить их скорее для понимания обычных людей, потому что я больше нахожусь на уровне обычных людей. Если необходимо проложить путь к тому, что последует дальше по общей истории народов, дав некоторый отчет о главах, по которым удобно распределять различные формы правления, читателю, возможно, следует обратиться к тому, что уже было сделано по этому вопросу этим глубоким политиком и дружелюбным моралистом. В его сочинениях будет найден не только оригинал того, что я сейчас, ради порядка, переписываю у него, но также, вероятно, источник многих наблюдений, которые в разных местах я, возможно, под видом вымысла, повторил, не цитируя их автора.

Древние философы обычно рассматривали правление в трех категориях: Демократическое, аристократическое и деспотическое. Их внимание было в основном занято разновидностями республиканского правления, и они мало обращали внимания на очень важное различие, которое провел г-н Монтескье, между деспотизмом и монархией. Он также рассматривал правление как сводимое к трем общим формам; и "чтобы понять природу каждой из них, - замечает он, - достаточно вспомнить идеи, знакомые людям с наименьшей степенью рефлексии, которые допускают три определения, или, скорее, три факта: что республика - это государство, в котором народ в коллективном теле или часть народа обладают суверенной властью; что монархия - это то, в котором один человек управляет в соответствии с установленными и детерминированными законами; и деспотизм - это то, в котором один человек, без закона или правил управления, просто импульс воли или каприз, решает и осуществляет все перед собой".

Республики допускают очень существенное различие, на которое указано в общем определении; различие между демократией и аристократией. В первом случае верховная власть остается в руках коллективного органа. Каждая должность магистрата по назначению этого суверена открыта для каждого гражданина, который при исполнении своих обязанностей становится служителем народа и подотчетен ему за каждый объект своего доверия.

Во втором случае верховная власть принадлежит определенному классу или разряду людей, которые, будучи однажды названы, сохраняются на всю жизнь или, благодаря наследственным различиям в рождении и богатстве, достигают положения постоянного превосходства. На основании этого приказа и путем их назначения заполняются все должности магистратуры; и в различных собраниях, которые они составляют, окончательно определяется все, что относится к законодательству, исполнению или юрисдикции.

Г-н Монтескье указал на чувства или принципы, исходя из которых люди должны действовать при этих различных правительствах.

При демократии они должны любить равенство; они должны уважать права своих сограждан; они должны объединяться общими узами привязанности к государству.

Предъявляя личные претензии, они должны быть удовлетворены той степенью уважения, которую они могут обеспечить своими способностями, справедливо сопоставимыми с способностями противника; они должны работать на благо общества без надежды на прибыль; они должны отвергать любые попытки создать личную зависимость. Короче говоря,

искренность, сила и возвышенность ума являются опорой демократии; а добродетель - это принцип поведения, необходимый для ее сохранения.

Какое прекрасное превосходство на стороне народного правительства! И как страстно человечество должно было бы желать формы, если бы она имела тенденцию устанавливать принцип или была, в каждом конкретном случае, верным указанием на его присутствие!

Но, возможно, мы должны были обладать принципом, чтобы с какой-либо надеждой на выгоду обрести форму; и там, где первое полностью исчезает, другое может быть чревато злом, если какого-либо дополнительного зла следует избегать там, где люди и так несчастливы.

В Константинополе или Алжире жалкое зрелище представляет собой, когда люди притворяются, что действуют на равных: они всего лишь хотят сбросить ограничения правительства и захватить как можно больше из той добычи, которая в обычное время находится в руках хозяина, которому они служат.

Одним из преимуществ демократии является то, что основным основанием для различия являются личные качества, люди классифицируются в соответствии с их способностями и достоинствами их действий. Хотя все они в равной степени претендуют на власть, на самом деле государством управляют немногие. Большинство народа, даже в качестве суверена, только притворяется, что использует свои чувства; чувствовать, когда на него давят национальные неудобства или угрожают общественные опасности; и с пылом, который склонен возникать на многочисленных собраниях, настаивать на занятиях, которыми они занимаются, или отражать нападения, которыми им угрожают.

Самое совершенное равенство прав никогда не может исключить влияние высших умов, а собрания коллективного органа управляют без руководства избранных советов. По этой причине народное правление можно путать с аристократией. Но это само по себе не определяет характер аристократического правления. Здесь члены государства разделены, по крайней мере, на два класса; из которых одному предназначено повелевать, другому - повиноваться. Никакие достоинства или недостатки не могут поднять или низвести человека из одного класса в другой. Единственный эффект личного характера заключается в том, чтобы обеспечить индивиду соответствующую степень уважения его собственным орденом, а не изменять его ранг. В одной ситуации его учат брать на себя ответственность, в другой - уступать превосходство. Он занимает положение покровителя или клиента и является либо сувереном, либо подданным своей страны. Все граждане могут объединяться для исполнения планов государства, но никогда для обсуждения его мер или принятия его законов. То, что при демократии принадлежит всему народу, здесь ограничено частью. Члены высшей категории, возможно, классифицируются между собой в соответствии со своими способностями, но сохраняют постоянное превосходство над представителями низшего положения. Они одновременно слуги и хозяева государства и платят своим личным присутствием и своей кровью за гражданские или военные почести, которыми они пользуются.

Поддерживать для себя и признавать в своих согражданах совершенное равенство привилегий и положения больше не является ведущей максимой члена такого сообщества. Права людей изменяются в зависимости от их положения. Один порядок требует больше, чем он готов уступить; другой должен быть готов уступить то, чего он не предполагает для себя; и не без

оснований г-н Монтескье называет принцип таких правительств *умеренностью*, а не *добродетелью*.

Возвышение одного класса - это умеренное высокомерие; подчинение другого - ограниченное почтение. Первые должны быть осторожны, скрывая вызывающую зависть часть своего отличия, чтобы смягчить то, что является прискорбным в общественном устройстве, и благодаря своему образованию, культурным манерам и развитым талантам казаться достойными того положения, которое они занимают. Другого следует научить уступать из уважения и личной привязанности то, чего иначе нельзя было бы добиться силой. Когда эта умеренность терпит неудачу с обеих сторон, конституция шатается. Население, доведенное до бунта, может потребовать права равенства, к которому оно допущено в демократических государствах; или дворянство, стремящееся к господству, может выбрать среди себя или найти уже указанного им суверена, который, благодаря преимуществам состояния, популярности или способностей, готов захватить для своей семьи ту вызывающую зависть власть, которая уже вывела его порядок за пределы умеренности и заразила отдельных людей безграничным честолюбием. Соответственно, были обнаружены монархии с недавними признаками аристократизма. Там, однако, монарх является лишь первым среди знати; он должен довольствоваться ограниченной властью; его подданные разделены на классы; он повсюду находит претензии на привилегии, ограничивающие его власть; и он находит силу, достаточную для того, чтобы ограничить свое управление определенными рамками справедливости и определенных законов. Однако при таких правительствах любовь к равенству нелепа, а умеренность сама по себе необязательна. Цель любого ранга - превосходство, и каждый порядок может демонстрировать свои преимущества в полной мере. Сам государь во многом обязан своим авторитетом звучным титулам и ослепительному снаряжению, которое он демонстрирует на публике. Нижестоящие чины претендуют на значимость подобной демонстрацией и с этой целью каждое мгновение носят знаки своего рождения или украшения своей удачи. Что еще могло бы указать индивидууму на то отношение, в котором он находится к своим собратьям-подданным, или различить бесчисленные звания, заполняющие промежуток между состоянием суверена и состоянием крестьянина? Или что еще могло бы в крупных государствах сохранить какую-либо видимость порядка среди членов, разобщенных амбициями и интересами и обреченных сформировать сообщество без чувства какой-либо общей озабоченности?

Монархии обычно возникают там, где государство увеличено по численности населения и территории сверх тех размеров, которые соответствуют республиканскому правлению. Вместе с этими обстоятельствами возникает большое неравенство в распределении собственности, и желание превосходства становится преобладающей страстью. Каждый ранг пользовался бы своей прерогативой, и государь постоянно испытывает искушение расширить свою собственную; если подданные, отчаявшиеся в превосходстве, выступают за равенство, он готов поддержать их притязания и помочь им уменьшить притязания, с которыми ему самому во многих случаях приходится бороться. В случае такой политики многие вызывающие зависть различия и обиды, свойственные монархическому правлению, могут, по-видимому, быть устранены; но состояние равенства, к которому приближаются подданные, - это состояние рабов, в равной степени зависящих от воли хозяина, а не состояние свободных людей, способных поддерживать свою собственную.

Принципом монархии, согласно Монтескье, является честь. Люди могут обладать хорошими качествами, возвышенностью ума и силой духа; но чувство равенства, которое не потерпит

посягательств на личные права самого ничтожного гражданина; дух негодования, который не будет просить защиты и не примет как одолжение то, что причитается как право; общественная привязанность, основанная на пренебрежении личными соображениями, не согласуются с сохранением конституции и не согласуются с привычками, приобретенными на любом посту, отведенном ее членам.

Каждое состояние обладает особым достоинством и указывает на пристойность поведения, которую обязаны поддерживать люди высокого положения. В общении высших и низших чинов целью честолюбия и тщеславия является использование преимуществ высокого положения; в то время как для облегчения общения в приличном обществе целью хорошего воспитания является замаскировать или отвергнуть их.

Хотя объектами рассмотрения являются скорее достоинства положения, чем личные качества; хотя дружба не может быть сформирована простой склонностью, а союзы - простым выбором сердца; все же люди, столь объединенные и даже не меняющие своего порядка, в высшей степени подвержены моральному совершенству или подвержены различным степеням развращенности. Они могут играть активную роль как члены государства, дружелюбную роль в коммерции частного общества; или они могут поступиться своим достоинством как граждане, даже в то время как они повышают свое высокомерие и самонадеянность как частные лица.

В монархии все сословия людей получают свои почести от короны; но они продолжают пользоваться ими как правом и осуществляют подчиненную власть в государстве, основанную на постоянном ранге, которым они пользуются, и на привязанности тех, кого они назначены руководить и защищать. Хотя они не врываются в национальные советы и общественные собрания, и хотя название сената неизвестно, все же высказываемые ими чувства должны иметь вес в глазах суверена; и каждый человек, в своем отдельном качестве, в какой-то мере принимает решения в интересах своей страны. Во всем, что не умаляет его ранга, он готов служить обществу; во всем, что тревожит его чувство чести, он испытывает отвращение и антипатию, которые отрицательно сказываются на воле его принца.

Связанные друг с другом взаимными узами зависимости и защиты, хотя и не объединенные чувством общности интересов, подданные монархии, как и подданные республик, оказываются занятыми как члены активного общества и вынуждены обращаться со своими собратьями на либеральной основе. Если те принципы чести, которые спасают человека от раболепия в его собственном лице или от превращения в орудие угнетения в руках другого, потерпят крах; если они уступят место принципам коммерции, утонченности предполагаемой философии или неуместному пылу республиканского духа; если они будут преданы трусостью подданных или покорены честолюбием государей, - что должно случиться с народами Европы?

Деспотизм - это развращенная монархия, при которой внешне остаются двор и принц, но при которой уничтожается всякий подчиненный ранг; при которой подданному говорят, что у него нет никаких прав; что он не может обладать никакой собственностью или занимать какое-либо положение независимо от сиюминутной воли своего принца. Эти доктрины основаны на принципах завоевания; они должны быть привиты с помощью кнута и меча; и лучше всего воспринимаются под страхом цепей и тюремного заключения. Следовательно, страх - это принцип, позволяющий подданному занимать свое положение; и суверен, который так свободно демонстрирует другим знаки ужаса, имеет достаточные основания отводить этой страсти главное место в себе. То владение, которое он придумал для прав других, вскоре

применяется к его собственным; и из-за его страстного желания закрепить или расширить свою власть он обнаруживает, что это становится, подобно судьбе его народа, плодом простого воображения и неурегулированного каприза.

Хотя мы, таким образом, с такой большой точностью можем установить идеальные границы, которые могут различать формы правления, в действительности мы обнаруживаем, что они по-разному сочетаются как в отношении принципа, так и в отношении формы. В каком обществе люди не классифицируются по внешним признакам, а также по личным качествам? В каком государстве они не руководствуются различными принципами: справедливостью, честью, умеренностью и страхом? Цель науки состоит не в том, чтобы замаскировать эту путаницу в ее объекте, а в том, чтобы во множестве и сочетании частных случаев найти основные моменты, которые заслуживают нашего внимания и которые, будучи хорошо понятыми, избавляют нас от затруднений, которые в противном случае могли бы возникнуть из-за разнообразия единичных случаев. В той же степени, в какой правительства требуют от людей действовать исходя из принципов добродетели, чести или страха, они более или менее полностью подчиняются принципам республики, монархии или деспотизма, и общая теория более или менее применима к их конкретному случаю.

Формы правления, по сути, взаимно приближаются или отступают по многим и часто незаметным градациям. Демократия, допуская определенное неравенство рангов, приближается к аристократии. Как в народных, так и в аристократических правительствах определенные люди своим личным авторитетом, а иногда и кредитом своей семьи поддерживали своего рода монархическую власть. Монарх ограничен в разной степени: даже деспотичный принц - это всего лишь тот монарх, чьи подданные претендуют на наименьшее количество привилегий или кто сам лучше всего подготовлен к тому, чтобы подчинить их силой. Все эти разновидности являются всего лишь этапами в истории человечества и отмечают мимолетные и преходящие ситуации, через которые они прошли, будучи поддержанными добродетелью или подавленными пороком.

Совершенная демократия и деспотизм кажутся противоположными крайностями, при которых формы правления наиболее далеки друг от друга. При первом требуется совершенная добродетель; при втором предполагается тотальная испорченность; однако, с точки зрения простой формы, поскольку в рангах и различиях людей нет ничего определенного, кроме случайного и временного обладания властью, общества легко переходят от состояния, в котором каждый индивид имеет равное право на царствование, к состоянию, в котором они одинаково обречены служить. Одни и те же качества в обоих случаях - храбрость, популярность, обходительность и военное поведение - поднимают честолюбивых людей до высокого положения. Обладая этими качествами, гражданин или раб легко переходит из рядовых в командование армией, от малоизвестного положения к знаменитому. И в том, и в другом случае один человек может править с неограниченной властью; и в обоих случаях население может разрушить все барьеры порядка и ограничения закона.

Если мы предположим, что равенство, установленное среди подданных деспотического государства, вселило в его членов уверенность, бесстрашие и любовь к справедливости, то деспотический правитель, перестав быть объектом страха, должен раствориться в толпе. Если, напротив, личное равенство, которым пользуются члены демократического государства, должно оцениваться просто как равные притязания на объекты алчности и честолюбия, монарх

может начать все заново и заручиться поддержкой тех, кто намеревается разделить его доходы. Когда алчные и корыстолюбивые собираются в партии, не имеет значения, под руководством какого лидера они находятся, цезаря или Помпея; надежда на грабеж или вознаграждение - единственные мотивы, по которым они привязываются к тем и другим.

В беспорядке коррумпированных обществ сцена часто менялась от демократии к деспотизму, а от последнего, в свою очередь, и к первому. Из среды демократии коррумпированных людей и со сцены незаконного смятения тиран восходит на трон с руками, обагренными кровью. Но его злоупотребления или слабости в том положении, которого он достиг, в свою очередь пробуждают и дают выход духу мятежа и мести. Крики об убийстве и опустошении, которые при обычном режиме военного правления наводили ужас на подданного в его частном убежище, раздаются под сводами и проникают сквозь решетки и железные двери сераля. Демократия, по-видимому, возрождается в обстановке дикого беспорядка и суматохи; но обе крайности - всего лишь временные приступы пароксизма или истомы в состоянии смуты.

Если люди где-либо достигли такой степени разврата, то, похоже, нет никакой немедленной надежды на исправление. Ни господство толпы, ни власть тирана не обеспечат отправления правосудия; ни распущенность простого буйства, ни спокойствие уныния и рабства не научат гражданина тому, что он был рожден для искренности и привязанности к своим ближним. И если умозрительные люди хотели бы найти то обычное состояние войны, которое им иногда нравится называть *естественным состоянием*, они найдут его в соперничестве, которое существует между деспотическим правителем и его подданными, а не в первых подходах грубого и простого племени к состоянию и внутреннему устройству наций.

ОЧЕРК ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА.

* * * * *

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИЗ ИСТОРИИ ГРУБЫХ НАРОДОВ.

* * * * *

РАЗДЕЛ I.

ИЗ СВЕДЕНИЙ ПО ЭТОМУ ПРЕДМЕТУ, ПОЧЕРПНУТЫХ ИЗ ДРЕВНОСТИ.

История человечества ограничена ограниченным периодом, и отовсюду доносится намек на то, что у человеческих дел было начало. Нации, отличавшиеся владением искусствами и процветанием своих политических учреждений, произошли от слабого оригинала и до сих пор сохраняют в своей истории признаки медленного и постепенного прогресса, благодаря которому было достигнуто это отличие. Древности всех народов, какими бы разнообразными и замаскированными они ни были, содержат одну и ту же информацию по этому вопросу.

В священной истории мы находим родителей вида, пока еще единую пару, посланных унаследовать землю и добывать себе пропитание среди шиповника, которыми изобиловала ее поверхность. Их расе, которая снова сократилась до нескольких человек, пришлось бороться с опасностями, подстерегающими слабый и зарождающийся вид; и по прошествии многих веков

самые респектабельные нации произошли от одной или нескольких семей, которые пасли свои стада в пустыне.

Греки ведут свое происхождение от неоседланных племен, частые миграции которых являются доказательством грубого и младенческого состояния их сообществ; и чьи воинские подвиги, столь прославленные в истории, лишь демонстрируют борьбу, с которой они оспаривали владение страной, которую они впоследствии благодаря своему таланту к басням, искусству и политике сделали столь известной в истории человечества.

Италия, должно быть, была разделена на множество грубых и слабых кантонов, когда банда разбойников, как нас учат считать, основала надежное поселение на берегах Тибра и когда народ, хотя и состоящий только из одного пола, сохранил характер нации. Рим на протяжении многих веков со своих стен со всех сторон видел территорию своих врагов и находил так же мало средств сдержать или заглушить слабость своей зарождающейся власти, как впоследствии он не делал ничего для сдерживания прогресса своей разросшейся империи. Подобно татарской или скифской орде, напавшей на поселение, это зарождающееся сообщество было равным, если не превосходящим, каждое соседнее племя; и дуб, покрывающий поле своей тенью, когда-то был слабым растением в питомнике, и его нельзя было отличить от сорняков, которые сдерживали его ранний рост.

Насколько нам известно, галлы и германцы имели признаки сходного состояния; а жители Британии во времена первых римских вторжений во многом напоминали нынешних аборигенов Северной Америки: они не разбирались в сельском хозяйстве; они раскрашивали свое тело и использовали для одежды шкуры животных.

Таким, по-видимому, было начало истории у всех народов, и в таких обстоятельствах мы должны искать изначальный характер человечества. Расследование относится к отдаленному периоду, и каждое заключение должно основываться на фактах, которые сохранились для нашего использования. Наш метод, несмотря на это, слишком часто состоит в том, чтобы основывать все на догадках; приписывать каждое преимущество нашей природы тем искусствам, которыми мы сами обладаем; и воображать, что простое отрицание всех наших добродетелей является достаточным описанием человека в его первоначальном состоянии. Мы сами являемся предполагаемыми эталонами вежливости и цивилизованности; и там, где не проявляются наши собственные черты, мы понимаем, что нет ничего, что заслуживало бы того, чтобы о нас знали. Но вполне вероятно, что здесь, как и во многих других случаях, мы недостаточно компетентны, исходя из нашего предполагаемого знания причин, прогнозировать следствия или определять, какими должны были быть свойства и действия, даже нашей собственной природы, в отсутствие тех обстоятельств, в которых мы видели ее проявление. Кто бы на основании простого предположения предположил, что голый дикарь окажется хлыщом и игроком? что он будет гордым или тщеславным, без титула и состояния? и что его главной заботой будет украшать свою персону и находить развлечения? Даже если бы можно было предположить, что он таким образом разделял бы наши пороки и посреди своего леса соперничал бы с безумствами, практикуемыми в городе, все же никто не был бы настолько смел, чтобы утверждать, что он также в любом случае превзошел бы нас талантами и добродетелями; что он обладал бы проницательностью, силой воображения и красноречия, пылкостью ума, привязанностью и отвагой, которые искусство, дисциплина и политика немногих наций были бы в состоянии улучшить. И все же эти подробности являются частью описания, сделанного теми, у

кого была возможность увидеть человечество в его самом грубом состоянии; и за пределами досягаемости таких свидетельств мы не можем ни безопасно принимать информацию по этому вопросу, ни претендовать на то, чтобы давать ее.

Если предположения и мнения, сформированные на расстоянии, не имеют достаточного авторитета в истории человечества, то к домашним древностям каждой нации следует относиться с осторожностью именно по этой причине. Они, по большей части, являются простыми домыслами или вымыслами последующих эпох; и даже там, где поначалу в них было некоторое сходство с правдой, они все равно варьируются в зависимости от воображения тех, кем они передаются, и в каждом поколении принимают иную форму. Они созданы для того, чтобы нести на себе печать времен, через которые они прошли, в форме традиции, а не эпох, к которым относятся их мнимые описания. Информация, которую они приносят, не похожа на свет, отраженный от зеркала, которое очерчивает объект, от которого оно первоначально исходило; но, подобно лучам, которые ломаются и рассеиваются от непрозрачной или неполированной поверхности, передают только цвета и особенности тела, от которого они отражались в последний раз.

Когда вульгарные люди повторяют традиционные басни, они несут на себе отпечаток национального характера; и хотя смешаны с нелепостями, часто возбуждают воображение и трогают сердце: будучи созданы на основе поэзии и украшены мастерством и красноречием пылкого и превосходного ума, они учат пониманию, а также возбуждают страсти. Только при обращении с простыми антикварами или при снятии украшений, которые законы истории запрещают им носить, они становятся непригодными даже для того, чтобы развлекать воображение или служить какой бы то ни было цели.

Было бы абсурдно цитировать басни из "Илиады" или "Одиссеи", легенды о Геракле, Тесее или Эдипе как авторитетные источники, фактически относящиеся к истории человечества; но их можно с большой справедливостью процитировать, чтобы выяснить, каковы были концепции и чувства эпохи, в которую они были сочинены, или охарактеризовать гений того народа, с воображением которого они были смешаны, и который с любовью повторял их и восхищался ими.

Таким образом, художественная литература может быть признана гарантом гениальности народов, в то время как история не может предложить ничего, заслуживающего доверия. Греческая басня, соответствующим образом передающая характер ее авторов, проливает свет на некоторые эпохи, о которых не сохранилось других свидетельств. Превосходство этого народа действительно ни при каких обстоятельствах не является более очевидным, чем в характере их вымыслов и в истории тех сказочных героев, поэтов и мудрецов, чьи сказки, будучи придуманы или приукрашены воображением, уже переполненным темой, за которую прославлялся герой, разжигали тот горячий энтузиазм, с которым впоследствии столь многие различные республики приступили к достижению каждой национальной цели.

Несомненно, для этих народов было большим преимуществом, что их система басен была оригинальной и, будучи уже воспринятой в народных традициях, способствовала распространению тех усовершенствований разума, воображения и чувства, которые впоследствии были сделаны людьми величайших талантов над самой басней или переданы в ее морали. Страсти поэта овладели умами людей, и концепции гениальных людей, будучи доведены до сведения простолюдинов, стали стимулом национального духа.

Мифология, заимствованная из-за рубежа, литература, основанная на упоминаниях о чужой стране и изобилующая иностранными аллюзиями, гораздо более ограничена в своем использовании: они обращены только к ученым; и хотя они предназначены для того, чтобы просвещать разум и исцелять сердца, могут, будучи ограниченными для немногих, иметь противоположный эффект. Они могут взращивать тщеславие на руинах здравого смысла и превращать то, что было, по крайней мере невинно, спето афинским моряком за веслом или отрепетировано пастухом, ухаживающим за своим стадом, в повод для порока или в основу педантизма и схоластической гордыни.

Возможно, сама наша образованность, там, где распространяется ее влияние, служит в какой-то мере подавлению нашего национального духа. То, что наша литература произошла от народов другой расы, которые процветали в то время, когда наши предки находились в состоянии варварства, и, следовательно, когда они были презираемы теми, кто достиг литературного мастерства, породило унижительное мнение, что мы сами являемся отпрысками низких и презренных наций, на которые человеческое воображение и чувства не оказывали никакого влияния, пока гений не был вдохновлен примерами и направлен уроками, привезенными из-за границы. Римляне, от которых в основном заимствованы наши рассказы, унаследовали от грубости своих собственных предков систему добродетелей, которой, возможно, в равной степени обладают все простые народы: презрение к богатству, любовь к своей родине, терпение к лишениям, опасности и усталости. Несмотря на это, они поносили наших предков за то, что они были похожи на своих собственных; по крайней мере, в недостатках их искусства и в пренебрежении удобствами, для обеспечения которых используются эти искусства.

Однако именно от греческих и римских историков мы располагаем не только наиболее достоверными и поучительными, но и наиболее привлекательными представлениями о племенах, от которых мы произошли. Эти возвышенные и умные писатели понимали человеческую природу и могли собрать ее черты и показать ее характеры в любой ситуации. Ранние историки современной Европы плохо справились с этой задачей; они, как правило, воспитанные в монашеской профессии и ограниченные монашеской жизнью, посвятили себя записи того, что им было угодно называть фактами, в то время как они терпели гибель гениальных произведений и были неспособны ни по выбранному материалу, ни по стилю своих сочинений дать какое-либо представление о деятельном духе человечества в любых условиях. У них предполагалось, что повествование составляет историю, хотя оно и не передает никаких знаний о людях; и самой истории было позволено быть полной, в то время как среди событий и преемственности правителей, которые записаны в порядке времени, нам остается тщетно искать те характеристики разума и сердца, которые одни в каждом человеческом поступке делают историю либо привлекательной, либо полезной.

Поэтому мы охотно оставляем историю наших ранних предков, о которой упоминали Цезарь и Тацит; и, возможно, пока мы не окажемся в пределах досягаемости того, что связано с нынешними событиями и составляет часть системы, по которой мы сейчас действуем, у нас будет мало оснований ожидать, что какой-либо предмет заинтересует или проинформирует ум. Однако у нас нет оснований отсюда делать вывод, что сам по себе вопрос был более бесплодным, или сцена человеческих дел была менее интересной в современной Европе, чем это было на всех этапах, когда человечество проявляло душевные порывы, усилия великодушия и отваги.

Оценка того, что содержали в себе эти эпохи, даже не является справедливой, когда гениальные люди с выдающимися способностями, обладающие достижениями образованного и утонченного века, собирают найденные ими материалы и с величайшим успехом связывают историю неграмотных эпох с более поздними событиями. Даже им трудно под названиями, которые применяются в новом состоянии общества, передать справедливое представление о том, чем было человечество в столь разных ситуациях и во времена, столь далекие от их собственных.

Извлекая из историков такого рода наставления, которые могут быть даны в их трудах, мы часто забываем используемые общие термины, чтобы составить представление о реальных нравах любой эпохи по мельчайшим обстоятельствам, которые время от времени представляются. Титулы *Царственный* и *Благородный* были применимы к семьям Тарквиния, Коллатина и Цинцинната; но Лукреция была занята домашним хозяйством со своими служанками, а Цинциннат ходил за плугом. Достоинства и даже должности гражданского общества были известны много веков назад в Европе под их нынешними названиями; но мы находим в истории Англии, что король и его двор были собраны для празднования праздника, и преступник, живший грабежом, пришел разделить праздник. Король сам встал, чтобы изгнать этого недостойного гостя из компании; между ними завязалась потасовка, и король был убит. [Примечание: История Хьюма, глава 8. с. 278] Канцлер и премьер-министр, чье величие и роскошная мебель были предметом восхищения и зависти, каждый день покрывал свои апартаменты зимой чистой соломой и сеном, а летом зеленым тростником или сучьями. Даже сам государь в те века был обеспечен кормом для своей постели. [Примечание: История Хьюма, глава 8. с. 73] Эти живописные черты и характерные штрихи того времени возвращают воображение от предполагаемого различия монарха и подданного к тому состоянию грубой фамильярности, в котором жили наши предки и при котором они действовали, ориентируясь на цели и принципы поведения, которые мы редко понимаем, когда нас нанимают записывать их поступки или изучать их характеры.

Фукидид, несмотря на предубеждение его страны против названия *варвара*, понимал, что в обычаях варварских народов ему предстояло изучить более древние нравы Греции.

Римляне могли бы найти образ своих собственных предков в изображениях, которые они дали нашим; и если когда-нибудь арабский клан станет цивилизованной нацией или какое-либо американское племя избежит яда, который вводят наши торговцы в Европу, то, возможно, из рассказов нынешних времен и описаний, которые теперь дают путешественники, такой народ в последующие века сможет лучше всего собрать сведения об их происхождении. Именно в их нынешнем состоянии мы должны видеть, как в зеркале, черты наших собственных прародителей; и исходя из этого, мы должны делать наши выводы относительно влияния ситуаций, в которые, как у нас есть основания полагать, были поставлены наши отцы.

Что должно отличать немца или британца в привычках его ума или тела, в его манерах или опасениях от американца, который, подобно ему, со своим луком и дротиком вынужден бродить по лесу; и в таком же суровом или переменчивом климате вынужден выживать за счет охоты?

Если в преклонном возрасте мы хотим составить справедливое представление о нашем прогрессе с колыбели, мы должны обратиться к детской; и на примере тех, кто все еще находится в том периоде жизни, который мы собираемся описать, взять наше представление о прошлых нравах, которые невозможно вспомнить никаким другим способом.

РАЗДЕЛ II.

О ГРУБЫХ НАЦИЯХ ДО УСТАНОВЛЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ.

От одной до другой оконечности Америки; от Камчатки на запад до реки Оби; и от Северного моря по всей этой протяженности страны до границ Китая, Индии и Персии; от Каспийского моря до Красного моря, за небольшим исключением, и оттуда по внутреннему континенту и западным берегам Африки; мы повсюду встречаемся с народами, которых мы называем варварскими или дикарскими. Этот обширный участок земли, содержащий столь большое разнообразие условий, климата и почвы, должен был бы демонстрировать в манерах своих обитателей все разнообразие, возникающее из-за неодинакового влияния солнца в сочетании с различным питанием и образом жизни. Однако любые вопросы по этому предмету преждевременны, пока мы сначала не попытаемся составить некоторое общее представление о нашем виде в его примитивном состоянии и не научимся отличать простое невежество от тупости, а недостаток искусства от недостатка способностей.

Среди народов, живущих в этих или любых других менее возделанных частях земли, некоторые обеспечивают свое существование главным образом охотой, рыбной ловлей или естественными продуктами почвы. Они уделяют мало внимания собственности и едва ли имеют какие-либо зачатки подчинения или управления. Другие, владевшие стадами и зависевшие в своем пропитании от пастбищ, знают, что значит быть бедным и богатым. Они знают отношения покровителя и клиента, слуги и хозяина и по меркам удачи определяют свое положение. Это различие должно создать существенное различие в характерах и может дать две отдельные главы, под которыми следует рассматривать историю человечества в их самом грубом состоянии: историю дикаря, который еще не знаком с собственностью, и историю варвара, для которого она является, хотя и не установлена законами, главным объектом заботы и желания.

Должно казаться совершенно очевидным, что собственность - это вопрос прогресса. Это требует, среди прочих особенностей, которые зависят от времени, некоторого метода определения владения. Само желание этого исходит из опыта; и трудолюбие, с помощью которого это достигается или совершенствуется, требует такой привычки действовать с прицелом на отдаленные объекты, которая может преодолеть нынешнюю склонность либо к лени, либо к наслаждению. Эта привычка приобретается медленно и в действительности является основным отличием наций в развитом состоянии механического и коммерческого искусства.

В племени, которое существует охотой и рыболовством, оружие, утварь и меха, которые носит индивид, являются для него единственными предметами собственности. Пища на завтра еще добывается в лесу или прячется в озере; ее нельзя присвоить, пока она не поймана; и даже тогда, будучи приобретением большого числа людей, которые ловят рыбу или охотятся всем скопом, она достается сообществу и применяется для немедленного использования или становится дополнением к запасам общества.

Там, где дикие народы, как в большинстве частей Америки, примешивают к практике охоты некоторые виды грубого земледелия, они все еще придерживаются в отношении почвы и плодов земли аналогии со своей главной целью. Как мужчины охотятся, так и женщины трудятся вместе; и после того, как они разделили труды посевного периода, они вместе наслаждаются плодами урожая. Поле, на котором они засеяли, как и местность, на которой они привыкли

охотиться, является собственностью нации, но не разделяется по участкам между ее членами. Они выходят группами, чтобы подготовить землю, посадить и собрать урожай. Урожай собирается в общественную житницу, а оттуда, в установленное время, делится на доли для содержания отдельных семей. [Примечание: История Карибов.] Даже рыночная прибыль, когда они торгуют с иностранцами, возвращается домой, к запасам нации. [Примечание: Шарлевуа. Этот рассказ о грубых народах в большинстве важных моментов, поскольку он относится к исконным североамериканцам, основан не столько на свидетельствах этого или других цитируемых авторов, сколько на совпадающих представлениях живых свидетелей, которые входе торговли, войн и международных договоров имели достаточно возможностей наблюдать нравы этого народа. Однако необходимо, ради тех, кто, возможно, не беседовал с живыми свидетелями, обратиться к печатным источникам.]

Поскольку мех и лук принадлежат отдельному человеку, хижина и ее утварь принадлежат семье; и поскольку домашние заботы возложены на женщин, то имущество семьи, по-видимому, также принадлежит им. Дети считаются принадлежащими матери, без особого внимания к происхождению по отцовской линии. Самцы до женитьбы остаются в хижине, в которой они родились; но после того, как у них установилась новая связь с другим полом, они меняют свое жилище и становятся членом семьи, в которой они нашли своих жен. Охотник и воин причисляются матроной к части ее сокровищницы; они прибегают для опасностей и тяжелых случаев; а в перерывах между общественными советами, в перерывах между охотой или войной содержатся заботами женщин и слоняются без дела просто для развлечения или лени. [Примечание: Лафито.]

В то время как один пол продолжает ценить себя главным образом за свою храбрость, свой талант политика и свои военные достижения, этот вид собственности, которым наделен другой, на самом деле является признаком подчинения, а не, как утверждают некоторые авторы, обретения господствующего положения. [Примечание: Там же.] Это забота и беспокойство о предмете, которым воин предпочитает не стесняться. Это рабство и постоянный тяжелый труд, где не добиваются почестей; и те, в чьей провинции это находится, на самом деле являются рабами и илотами своей страны. Если при таком соотношении полов, в то время как мужчины продолжают потворствовать себе в презрении к грязным и корыстолюбивым искусствам, жестокое установление рабства откладывается на несколько веков; если в этом нежном, хотя и неравном союзе сердечные чувства предотвращают жестокость, применяемую к рабам; у нас есть в самом обычае, как, возможно, и во многих других примерах, причина предпочесть первые внушения природы многим ее последующим усовершенствованиям.

Если человечество, в любом случае, продолжит раздел собственности на основе, которую мы сейчас представили, мы можем легко поверить тому, что далее сообщают путешественники; что они не признают различий в ранге или состоянии; и что у них фактически нет никакой степени подчинения, отличной от распределения функций, которое вытекает из различий в возрасте, талантах и склонностях. Личные качества дают преимущество в ситуациях, требующих от них напряжения; но во времена расслабления не оставляют никаких следов власти или прерогатив. Воин, который вел молодежь своего народа на убой их врагов или который был первым в погоне, возвращается наравне с остальными членами своего племени; и когда единственное дело - спать или есть, он не может наслаждаться превосходством; ибо он спит и ест не лучше, чем они.

Там, где господство не связано с прибылью, одна сторона испытывает такое же отвращение к трудностям постоянного командования, как и другая - к унижению от постоянного подчинения. "Я люблю победы, я люблю великие деяния, - говорит Монтескье в образе Силлы, - но меня не прельщают вялые подробности мирного правления или пышность высокого положения". Возможно, он затронул то, что является преобладающим чувством в самом простом состоянии общества, когда слабость мотивов, вызванных интересом, и незнание любого возвышения, не основанного на заслугах, заменяет презрение.

Однако характер ума в этом состоянии основан не только на невежестве. Люди осознают свое равенство и упорно отстаивают свои права. Даже когда они следуют за лидером на поле боя, они не могут смириться с претензиями на официальное командование: они не слушают никаких приказов; и они не участвуют ни в каких военных сражениях, кроме тех, которые основаны на взаимной верности и равном рвении в предприятии. [Сноска: Шарлевуа.]

Мы можем полагать, что это описание неодинаково применимо к разным нациям, которые добились неодинаковых успехов в создании собственности. У карибов и других уроженцев более теплого климата Америки звание вождя передается по наследству или по выбору и сохраняется пожизненно: неравное распределение собственности создает видимое подчинение. [Примечание: Отчет Вафера о Дариенском перешейке.] Но среди ирокезов и других народов умеренной зоны титулы *магистрата* и *подданного*, *благородного* и *подлого* столь же малоизвестны, как титулы *богатого* и *бедного*. Старики, не будучи наделены какой-либо принудительной властью, используют свой естественный авторитет, давая советы или побуждая к решениям свое племя: военный вождь выделяется превосходством своей мужественности и доблести; государственный деятель отличается только вниманием, с которым выслушиваются его советы; воин - доверием, с которым молодежь его народа следует за ним на поле боя; и если предположить, что их концерты представляют собой разновидность политического правления, то к ним нельзя применить ни один наш язык. Власть - это не более чем естественное господство разума; исполнение должностных обязанностей - не более чем естественное проявление личного характера; и хотя сообщество действует с видимостью порядка, ни у кого из его членов нет чувства неравенства. [Примечание: "История пяти наций" Колдена.]

В этих счастливых, хотя и неформальных заседаниях, где только возраст дает место в совете; где молодость, пыл и доблесть на поле боя дают право на должность лидера; где все сообщество собирается по любому тревожному поводу, мы можем рискнуть сказать, что мы обнаружили истоки сената, исполнительной власти и народного собрания - институтов, которыми так славились древние законодатели. Сенат у греков, как и у латинян, судя по этимологии его названия, первоначально состоял из пожилых мужчин. Военачальник в Риме, в манере, мало чем отличающейся от манеры американского воина, объявлял набор в армию, и гражданин готовился к походу в результате добровольного участия в боевых действиях. Внушения природы, которые направляли политику народов в дебрях Америки, прежде следовали на берегах Эвроты и Тибра; и Ликург и Ромул нашли образец своих учреждений, где представители каждого грубого народа находят самый ранний способ объединения своих талантов и своих сил.

Среди североамериканских народов каждый индивид независим; но в силу своих привязанностей и привычек он вовлечен в заботы о семье. Семьи, как и многие другие

отдельные племена, не подчиняются никакому контролю или правительству из-за границы; предполагается, что все, что происходит дома, даже кровопролитие и убийства, касается только их самих. В то же время это части кантона; женщины собираются сажать кукурузу; старики собираются на совет; охотник и воин присоединяется к молодежи своей деревни в поле. Многие такие кантоны собираются, чтобы сформировать национальный совет или осуществить национальное предприятие. Когда европейцы основали свои первые поселения в Америке, шесть таких наций образовали лигу, имели свои амфикионы, или генеральные штаты, и, благодаря прочности своего союза и способностям своих советов, добились восхождения от устья Святого Лаврентия до устья Миссисипи. [Примечание: Лафито, Шарлевуа, Колден и др.] Они, по-видимому, понимали цели конфедерации, а также цели отдельной нации; они изучали баланс сил; государственный деятель одной страны наблюдал за замыслами и действиями другой; ииногда перевешивал вес своего племени на другую чашу весов. У них были свои союзы и свои договоры, которые, подобно народам Европы, они поддерживали или нарушали по государственным соображениям; они сохраняли мир из чувства необходимости или целесообразности и начинали войну при любом появлении провокации или ревности.

Таким образом, без какой-либо устоявшейся формы правления или каких-либо уз союза, но с тем, что больше походило на внушение инстинкта, чем на изобретение разума, они вели себя согласованно и с силой наций. Иностранцы, не имея возможности узнать, кто является магистратом или как составлен сенат, всегда находят совет, с которым они могут вести переговоры, или отряд воинов, с которыми они могут сражаться. Без полиции или обязательных законов в их домашнем обществе царит порядок, а отсутствие порочных наклонностей является лучшей гарантией пресечения преступлений, чем любое государственное учреждение.

Беспорядки, однако, иногда случаются, особенно во времена разгула, когда неумеренное употребление одурманивающих напитков, к которым они чрезвычайно пристрастились, нарушает обычную осторожность в их поведении и, разжигая их неистовые страсти, вовлекает их в ссоры и кровопролитие. Когда убивают человека, его убийцу редко призывают к немедленному ответу; но ему приходится продолжать ссору с семьей и друзьями; или, если это незнакомец, с соотечественниками покойного; иногда даже со своей собственной нацией дома, если нанесенный ущерб такого рода, что встревожит общество. Нация, кантон или семья стремятся подарками искупить проступок любого из своих членов; и, умиротворяя потерпевшие стороны, стремятся предотвратить то, что тревожит общество больше, чем первые беспорядки, - последующие последствия мести и вражды. [Сноска: Лафито.] Однако пролитие крови, если виновный остается там, где он совершил преступление, редко остается безнаказанным: друг покойного знает, как скрыть, хотя и не подавить, свое негодование; и даже по прошествии многих лет он обязательно возместит ущерб, нанесенный его родственникам или дому.

Эти соображения делают их осторожными и осмотрительными, заставляют их остерегаться своих страстей и придают их обычному поведению вид хладнокровия, превосходящий тот, которым обладают утонченные нации. В то же время они нежны в своей манере держаться и в своих разговорах, проявляют взаимное внимание и взаимоуважение, говорит Шарлевуа, более нежное и обаятельное, чем то, что мы исповедуем в церемониале изысканных обществ.

Этот автор заметил, что народы, среди которых он путешествовал по Северной Америке, никогда не упоминали акты великодушия или доброты под понятием долга. Они действовали из привязанности, как они действовали из желания, не задумываясь о последствиях. Когда они

делали добро, они удовлетворяли желание; дело было закончено, и оно стерлось из памяти. Когда они получали услугу, это могло свидетельствовать, а могло и не свидетельствовать о дружбе; если же этого не делалось, стороны, по-видимому, не испытывали никаких опасений относительно благодарности как долга, по которому один был обязан отплатить, а другой имел право упрекнуть человека, не выполнившего свою часть работы. Дух, с которым они дарят или принимают подарки, тот же, что Тацит наблюдал у древних германцев; они наслаждаются ими, но не считают их чем-то обязывающим. [Footnote: *Muneribus gaudent, sed nec data imputant, nec acceptis obligantur.*] Такие подарки не имеют большого значения, за исключением тех случаев, когда они используются в качестве скрепления сделки или договора.

Их любимой максимой было то, что ни один человек от природы не в долгу перед другим; следовательно, он не обязан мириться с каким-либо навязыванием или неравным обращением. [Сноска: Шарлевуа] Таким образом, в принципе, кажущемся угрюмым и негостеприимным, они обнаружили основы справедливости и соблюдают ее правила с постоянством и прямоотой, улучшить которые не могло никакое воспитание. Свобода, которую они дают в том, что связано с предполагаемыми обязанностями доброты и дружбы, служит только для того, чтобы еще больше вовлечь сердце, которым оно когда-то владело с любовью. Мы любим выбирать объект без каких-либо ограничений и рассматриваем саму доброту как задачу, когда дружеские обязанности предписываются правилом. Следовательно, мы, требуя внимания, скорее развращаем, чем улучшаем систему морали; а нашими требованиями благодарности и частыми предложениями принудить к ее соблюдению мы только показываем, что ошиблись в ее природе; мы только показываем симптомы той растущей чувствительности к интересу, по которой мы оцениваем целесообразность дружбы и великодушия как таковых и с помощью которой мы хотели бы внести дух торговли в обмен привязанностями. Вследствие этого мы часто вынуждены отказывать в одолжении с тем же намерением, с каким мы отказываемся от ролепного обязательства или отказываемся от взятки. Нерафинированный дикарь рад любому одолжению и принимает любой подарок без утайки или размышлений.

Любовь к равенству и любовь к справедливости изначально были одним и тем же; и хотя по конституции различных обществ их членам предоставляются неравные привилегии; и хотя сама справедливость требует, чтобы таким привилегиям уделялось должное внимание; все же тот, кто забыл, что люди изначально были равны, легко вырождается в раба; или, в качестве господина, ему нельзя доверять права своих собратьев. Этот счастливый принцип придает уму ощущение независимости, делает его безразличным к милостям, которые находятся во власти других людей, сдерживает его при нанесении вреда и оставляет сердце открытым для чувств великодушия и доброты. Это вселяет в неискушенного американца то чувство искренности и заботы о благополучии других, которое в некоторой степени смягчает высокомерную осанку, а во времена доверия и мира, без помощи правительства или закона, делает безопасным сближение и торговлю незнакомцев.

У этого народа основой чести являются выдающиеся способности и великая сила духа, а не различия в экипаже и богатстве: в почете находятся таланты, которые позволяют использовать положение, точное знание страны и военная хитрость. На соответствие этим требованиям капитан из числа карибов прошел экзамен. Когда предстояло выбрать нового вождя, был послан разведчик, который должен был пересечь леса, ведущие в страну врага, и по его возвращении кандидату было предложено найти тропу, по которой он путешествовал. В его честь был назван ручей или фонтан на границе, и от него требовалось найти ближайшую

тропинку к определенной станции и вбить в это место кол. [Сноска: Лафито] Соответственно, они могут выследить дикого зверя или человеческую ногу на протяжении многих лиг в непроходимом лесу и найти свой путь по лесистому и необитаемому континенту с помощью тонких наблюдений, которые ускользают от путешественника, привыкшего к различным вспомогательным средствам. Они управляют тонкими каноэ по штормовому морю с ловкостью, равной ловкости самого опытного лоцмана. [Примечание: Шарлевуа.] У них проницательный взгляд на мысли и намерения тех, с кем им приходится иметь дело; и когда они намереваются обмануть, они прикрываются искусством, от которого редко может ускользнуть самый утонченный человек. Они выступают в своих общественных советах нервно и образно; и ведут себя при выполнении своих международных договоров с совершенным пониманием своих национальных интересов.

Таким образом, будучи способными мастерами в деталях своих собственных дел и хорошо подготовленными, чтобы проявить себя в конкретных случаях, они не изучают науку и не руководствуются никакими общими принципами. Они даже кажутся неспособными обращать внимание на какие-либо отдаленные последствия, помимо тех, которые они испытали на охоте или войне. Они сами заботятся о пропитании в любое время года; летом потребляют плоды земли, а зимой их гонят в поисках добычи по лесам и покрытым снегом пустыням. Они не вырабатывают за один час тех принципов, которые могут предотвратить ошибки в следующий; и они терпят неудачу в тех опасениях, которые в периоды аффекта вызывают искренний стыд, сострадание, раскаяние или обуздывают аппетит. Их редко заставляют раскаиваться в каком-либо насилии; и действительно, человек в трезвом настроении не несет ответственности за то, что он сделал в пылу страсти или во время разврата.

Их суеверия низки и ничтожны; и если бы это произошло только среди грубых народов, мы не смогли бы в достаточной степени восхититься эффектом вежливости; но это предмет, по которому немногие народы имеют право осуждать своих соседей. Когда мы рассматриваем суеверия одного народа, мы находим мало разнообразия в суевериях другого. Это всего лишь повторение схожих слабостей и абсурдов, происходящих из общего источника - сбивчивого восприятия невидимых агентов, которые, как предполагается, направляют все опасные события, на которые человеческое предвидение не может распространиться.

В том, что зависит от известного или закономерного хода природы, разум полагается на самого себя; но в странных и необычных ситуациях он оказывается обманутым собственной растерянностью и, вместо того чтобы полагаться на свое благоразумие или мужество, прибегает к гаданию и различным обрядам, которые, будучи иррациональными, всегда пользуются большим уважением. Суеверие, основанное на сомнениях и тревоге, подпитывается невежеством и тайной. Его принципы, между тем, не всегда смешиваются с принципами обычной жизни; и его слабость или безрассудство не всегда препятствуют бдительности, проницательности и мужеству, которые люди привыкли применять при ведении обычных дел. Римлянин, гадающий о будущем по клюющим птицам, или царь Спарты, изучающий внутренности животного, Митридат, консультирующийся со своими женщинами по поводу толкования своих снов, - вот примеры, достаточные, чтобы доказать, что детская слабоумность в этом вопросе согласуется с величайшим военным и политическим поведением.

Уверенность в действии чар не свойственна ни одной эпохе или нации. Немногие, даже из образованных греков и римлян, смогли избавиться от этой слабости. В их случае это не было

устранено высшими мерами цивилизации. Оно уступило только свету истинной религии или изучению природы, которое побуждает нас заменить фантомы, пугающие или забавляющие невежд, мудрым провидением, действующим по физическим причинам.

Главным предметом чести среди грубых народов Америки, как, впрочем, и во всех случаях, когда человечество не сильно развращено, является сила духа. Тем не менее, их способ отстаивания этой точки зрения чести сильно отличается от того, как это делают народы Европы. Их обычный метод ведения войны - это засада; и они стремятся, обойдя врага стороной, учинить наибольшую резню или взять наибольшее количество пленных с наименьшим риском для себя. Они считают глупостью подвергать себя опасности при нападении на врага и не радуются победам, обагренным кровью их собственного народа. Они не ценят себя, как в Европе, за то, что бросают вызов своему врагу на равных. Они даже хвастаются, что приближаются, как лисы, или летают, как птицы, не меньше, чем пожирают, как львы. В Европе пасть всражении считается честью; среди туземцев Америки это считается позором. [Примечание: Шарлевуа.] Они берегут свою стойкость для испытаний, которым подвергаются, когда на них нападают врасплох или когда они попадают в руки врагов; и когда они вынуждены поддерживать свою честь и честь своей нации посреди мучений, которые требуют усилий терпения больше, чем доблести.

В этих случаях они далеки от того, чтобы допустить предположение, что они хотят избежать конфликта. Считается позорным избегать этого, даже путем добровольной смерти; и величайшее оскорбление, которое может быть нанесено заключенному, - это отказать ему в почестях человека в виде его казни. "Воздержись, - говорит старик в разгар пыток, - от ударов твоего ножа; лучше позволь мне умереть в огне, чтобы эти собаки, твои союзники из-за морей, научились страдать, как люди". [Сноска: Колден.] Выражая неповиновение, жертва на этих торжественных испытаниях обычно возбуждает враждебность своих мучителей, а также свою собственную; и пока мы страдаем из-за человеческой природы, под воздействием ее ошибок, мы должны восхищаться ее силой.

Люди, среди которых преобладала эта практика, обычно стремились возместить свои собственные потери, принимая военнопленных в свои семьи; и даже в последний момент рука, поднятая для пытки, часто подавала знак усыновления, благодаря которому пленник становился ребенком или братом своего врага и получал все привилегии гражданина. В своем обращении с теми, кто страдал, они, по-видимому, не руководствовались принципами ненависти или мести; они соблюдали пункт чести, применяя их пытки так же, как и перенося их; и, благодаря странному виду привязанности и нежности, были направлены на то, чтобы проявлять наибольшую жестокость там, где они намеревались добиться наивысшего уважения; трус был предан немедленной смерти руками женщин; предполагалось, что доблестный человек имеет право на все испытания силы духа, которые мужчины могли изобрести или применить. "Я был рад, - говорит старик своему пленнику, - что на мою долю выпал такой доблестный юноша; я намеревался поместить тебя на ложе моего племянника, убитого твоими соотечественниками; я хотел перенести на тебя всю мою нежность и утешить себя в твоём обществе; но, каким бы искалеченным и изуродованным ты ни казался сейчас, смерть лучше жизни; поэтому приготовься умереть как мужчина". [Сноска: Шарлевуа.]

Возможно, именно из-за этих выставок или, скорее, из восхищения силой духа, принципом, из которого они исходят, американцы с самых ранних лет так заботятся о том, чтобы закалить свои

нервы. [Примечание:*lb*. Этот автор говорит, что он видел, как мальчик и девочка, связав свои обнаженные руки вместе, положили между ними горящий уголь, чтобы испытать, кто дольше выдержит.] Детей учат соперничать друг с другом в переносе самых жестоких мук; молодежь принимается в класс мужчин после жестоких доказательств своего терпения; а лидеры подвергаются испытанию голодом, ожогами и удушьем. [Примечание: Лафито.]

Можно было бы предположить, что среди грубых народов, где средства к существованию добываются с таким трудом, ум никогда не смог бы подняться выше рассмотрения этого предмета; и что человек в этом состоянии дал бы примеры самого низкого и корыстолюбивого духа. Однако верно обратное. Направляемые в этом отношении естественными желаниями, люди в своем простейшем состоянии уделяют предметам своего аппетита не больше внимания, чем того требует аппетит; и их стремление к богатству не простирается дальше еды, утоляющей их голод: они не ощущают превосходства в ранге при обладании богатством, которое могло бы вдохновить какой-либо привычный принцип алчности, тщеславия или честолюбия: они не могут браться ни за какую задачу, которая не вызывает непосредственной страсти, и не получают удовольствия ни от какого занятия, которое не сопряжено с опасностями, которым нужно отваживаться, и почестями, которых можно добиться.

Не только у древних римлян коммерческое искусство или низменный ум вызывали презрение. Подобный дух преобладает в каждом грубом и независимом обществе. "Я воин, а не торговец", - сказал американец губернатору Канады, который предложил передать ему товары в обмен на захваченных им пленных. "Ваша одежда и утварь не соблазняют меня; но мои пленные теперь в вашей власти, и вы можете захватить их; если вы это сделаете, я должен отправиться и взять еще пленных или погибнуть при попытке; и если мне выпадет такая возможность, я умру как мужчина; но помните, что наша нация обвинит вас как причину моей смерти". [Примечание: Шарлевуа.] При таких опасениях они обладают возвышенностью и величавостью осанки, которые редко дарует дворянская гордость там, где она наиболее почитаема утонченными нациями.

Они внимательны к своей внешности и тратят много времени, а также терпят сильную боль на методы, которые они используют, чтобы украсить свое тело, нанести постоянные пятна, которыми они окрашены, или сохранить краску, которую они постоянно ремонтируют, чтобы выглядеть с достоинством.

Их отвращение ко всякого рода занятиям, которые они считают низменными, заставляет их проводить большую часть своего времени в праздности или сне; и человек, который в погоне за диким зверем или для того, чтобы застать врасплох своего врага, пройдет сотню лиг по снегу, не станет ради пропитания заниматься каким-либо обычным трудом. "Странно, - говорит Тацит, - что один и тот же человек испытывает такое отвращение к отдыху и такую склонность к лени". [Footnote: *Mira diversitas naturae, ut idem homines sic ament intertiam et oderint quietem.*]

Азартные игры - изобретение не утонченных веков; любознательные люди тщетно искали их истоки среди памятников темной древности; и вполне вероятно, что они принадлежали ко временам слишком отдаленным и грубым, чтобы их могли постичь даже догадки антикваров. Самый настоящий дикарь приносит свои меха, утварь и бусы к столу азартных игр: он обнаруживает здесь страсти и возбуждение, которые не могли вызвать занятия утомительным трудом; и пока бросок зависит, он рвет на себе волосы и бьет себя в грудь с яростью, которую более опытный игрок иногда научился подавлять: он часто покидает партию голым и лишенным

всего своего имущества; или, когда в ходу рабство, он ставит на карту свою свободу, чтобы иметь еще один шанс возместить свой прежний проигрыш. [Примечание: Тацит, Лафито, Шарлевуа.]

Со всеми этими немощами, пороками или достойными уважения качествами, принадлежащими человеческому роду в его самом грубом состоянии; любовь к обществу, дружба и общественное расположение, проницательность, красноречие и смелость, по-видимому, были его первоначальными свойствами, а не последующими результатами изобретения. Если человечество способно улучшить свои манеры, материалы, подлежащие улучшению, были предоставлены природой; и результатом этого улучшения является не внушение чувств нежности и великодушия и не наделение основными составляющими респектабельного характера, а предотвращение случайных проявлений страсти; и предотвращение того, чтобы ум, который ощущает лучшие склонности в их наибольшей силе, временами также становился забавой зверского аппетита и неуправляемого насилия.

Если бы Ликург снова занялся разработкой плана правления для людей, которые мы описали, он обнаружил бы, что они во многих важных деталях самой природой подготовлены к принятию его институтов. Поскольку его равенство в вопросах собственности уже установлено, у него не было бы фракций, которых можно было бы опасаться из-за противоположных интересов бедных и богатых; его сенат, его народное собрание, сформирован; его дисциплина в какой-то мере принята, и место его илотов занято задачей, возложенной на одного из полов. При всех этих преимуществах ему все еще предстояло преподать гражданскому обществу очень важный урок, тот, благодаря которому немногие учатся командовать, а многие - повиноваться: ему нужно было бы принять все меры предосторожности против будущего вторжения корыстолюбия, восхищения роскошью и страсти к интересу: у него все еще, возможно, была бы более трудная задача, чем у любого из первых, научить своих граждан управлять аппетитом и безразличию к удовольствиям, а также презрению к боли; научить их соблюдать на поле боя формальные меры предосторожности и в равной степени избегать быть самими собой. удивлены, как они стараются застать врасплох своего врага.

Из-за отсутствия этих преимуществ грубые народы в целом, хотя они терпеливы к лишениям и усталости, хотя они пристрастились к войне и способны благодаря своей хитрости и доблести наводить ужас на армии более регулярного противника, все же в ходе непрерывной борьбы всегда уступают превосходящему искусству и дисциплине более цивилизованных наций. Таким образом, римляне смогли захватить провинции Галлия, Германия и Британия; и, следовательно, европейцы имеют растущее влияние на народы Африки и Америки.

Полагая, что некоторые нации обладают превосходством, они думают, что у них есть претензии на господство; и даже Цезарь, по-видимому, забыл, каковы были страсти, а также права человечества, когда он жаловался, что бритты, после того как послали ему покорное послание в Галлию, возможно, чтобы предотвратить его вторжение, все еще делали вид, что борются за свои свободы и противодействуют его высадке на их остров. [Footnote: Caesar questus, quod quum ultro in continentem legatis missis pacem a se petissent, bellum sine causa intulissent. Библиотека. 4.]

Пожалуй, во всем описании человечества нет обстоятельства более примечательного, чем то взаимное презрение и неприязнь, которые нации, находящиеся на различном уровне развития коммерческих искусств, питают друг к другу. Увлеченные своими собственными занятиями и

рассматривающие собственное положение как эталон человеческого счастья, все нации претендуют на это предпочтение и своей практикой дают достаточное доказательство искренности. Даже дикаря, еще в меньшей степени, чем гражданина, можно заставить отказаться от того образа жизни, к которому он приучен: он любит ту свободу ума, которая не будет привязана ни к какой задаче и не признает превосходства; как бы ни хотелось смешаться с утонченными народами и улучшить свою судьбу, первый же миг свободы снова возвращает его в лес; он поникает и чахнет на улицах многолюдного города; он неудовлетворенно бродит по открытым и возделанным полям; он стремится к границе и лесу, где, обладая конституцией, готов переносить тяготы и невзгоды прошлого. в сложившейся ситуации он наслаждается восхитительной свободой от забот и соблазнительным обществом, где не предписываются никакие правила поведения, а просто велит сердце.

РАЗДЕЛ III.

О ГРУБЫХ НАЦИЯХ, НАХОДЯЩИХСЯ ПОД ВПЕЧАТЛЕНИЕМ СОБСТВЕННОСТИ И ИНТЕРЕСА.

Это было вошедшее в поговорку ругательство, употреблявшееся среди охотничьих народов на границах Сибири, чтобы их враг был вынужден жить как татарин и имел глупость беспокоиться об охране скота. [Примечание: Генеалогическая история татар Абулгазе] Природа, по их мнению, запленив леса и пустыню дичью, сделала задачу пастуха ненужной и оставила человеку только заботу о выборе и поимке своей добычи.

Леность человечества или, скорее, его отвращение ко всякому занятию, в котором они не руководствуются непосредственным инстинктом и страстью, тормозит прогресс промышленности и присвоения. Однако было обнаружено, что даже в то время, когда средства к существованию остаются общими, а общественный фонд еще не разделен, собственность распределяется между разными субъектами; что мех и лук принадлежат отдельному лицу; что коттедж с его мебелью присваивается семье.

Когда родитель начинает желать лучшего обеспечения своих детей, чем то, которое обеспечивается беспорядочным управлением многих партнеров, когда он применяет свой труд и свои навыки отдельно, он стремится к исключительному владению и стремится к собственности на землю, а также к использованию ее плодов.

Когда индивид больше не обнаруживает среди своих товарищей прежней склонности отдавать каждый предмет на общественное пользование, им овладевает беспокойство о своем личном благополучии; и его тревожат заботы, которые каждый человек проявляет к самому себе. Им движут как соперничество и ревность, так и чувство необходимости. Он допускает, чтобы соображения интереса покоились в его уме, и когда каждый нынешний аппетит в достаточной степени удовлетворен, он может действовать с прицелом на будущее или, скорее, находит предмет тщеславия в том, что накопил то, что стало предметом конкуренции и всеобщего уважения. Руководствуясь этим мотивом, когда насилие ограничено, он может приложить свои силы к прибыльным искусствам, ограничиться утомительной работой и терпеливо ждать отдаленной отдачи от своего труда.

Таким образом, человечество приобретает трудолюбие многими и медленными шагами. Их учат считаться со своими интересами; их удерживают от грабежа; и они уверены во владении тем,

что они честно получают; с помощью этих методов постепенно формируются привычки рабочего, механика и торговца. Клад, собранный из простых продуктов природы, или стадо крупного рогатого скота являются у каждого грубого народа первым видом богатства. Условия почвы и климат определяют, должен ли житель заниматься главным образом сельским хозяйством или выпасом скота; должен ли он обустроить свое местожительство или постоянно перемещаться со всем своим имуществом.

На западе Европы; в Америке, с юга на север, за немногими исключениями; в жаркой зоне и повсюду в пределах более теплого климата; человечество обычно занималось некоторыми видами сельского хозяйства и было склонно к поселенчеству. На севере и в средней Азии они полностью зависели от своих стад и постоянно меняли свои земли в поисках новых пастбищ. Искусства, относящиеся к оседлости, практиковались и по-разному культивировались жителями Европы. Те, которые согласуются с вечной миграцией, с самых ранних исторических свидетельств оставались почти такими же, как у скифов или татар. Палатка, установленная на передвижной повозке, лошадь, используемая для любых целей труда и войны, в молочной и мясной лавках, от самых ранних до самых поздних свидетельств, составляли богатство и снаряжение этого странствующего народа.

Но каким бы образом ни существовали грубые нации, есть определенные моменты, в которых при первом впечатлении о собственности они почти сходятся. Гомер либо жил с народом на этой стадии его развития, либо оказался занятым тем, чтобы показать его характер. Тацит сделал их предметом особого трактата; и если это тот аспект, под которым человечество заслуживает рассмотрения, то следует признать, что у нас есть особые преимущества, собирая их черты. Портрет уже нарисован умелейшими руками и дает, с одной стороны, в трудах этих знаменитых авторов то, что было рассеяно в сообщениях историков, или то, что мы имеем возможность наблюдать в реальных манерах людей, которые все еще остаются в подобном состоянии.

Переходя от состояния, которое мы описали, к тому, которое мы имеем в виду в настоящее время, человечество все еще сохраняет многие признаки своего самого раннего характера. Они по-прежнему испытывают отвращение к труду, пристрастились к войне, почитают силу духа и, говоря языком Тацита, более щедры на свою кровь, чем на свой пот. [Footnote: *Pigrum quin immo et iners videtur, sudore acquirere quod possis sanguine parare.*] Они любят фантастические украшения в своей одежде и стремятся заполнить вялые промежутки жизни, пристрастившиеся к насилию, опасными видами спорта и азартными играми. Каждое рабское занятие они посвящают женщинам или рабыням. Но мы можем предвидеть, что, поскольку индивид теперь обрел отдельный интерес, общественные устои должны стать менее прочными, а семейные беспорядки - более частыми. Члены каждого сообщества, отличающиеся между собой неравным имуществом, закладывают основу для постоянного и ощутимого подчинения.

Эти особенности, соответственно, имеют место среди человечества при переходе от дикого состояния к тому, что можно назвать варварским состоянием. Члены одного сообщества вступают в ссоры из соперничества или мести. Они объединяются, следуя за лидерами, которые отличаются своим состоянием и блеском своего происхождения. Они соединяют желание добычи с любовью к славе; и, исходя из мнения, что то, что приобретается силой, по праву принадлежит победителю, они становятся охотниками на людей и доводят любое состязание до решения меча.

Каждый народ - это банда разбойников, которые без ограничений и угрызений совести грабят своих соседей. Скот, говорит Ахилл, может быть захвачен в любой области; и соответственно, гомеровские герои разграбили побережье Эгейского моря только потому, что эти герои предпочли завладеть медью и железом, скотом, рабами и женщинами, которые были найдены у окружающих их народов.

Татарин верхом на коне - хищное животное, которое интересуется только тем, где можно найти скот и как далеко он должен зайти, чтобы завладеть им. Монах, попавший в немилость Мангу Хана, заключил мир, пообещав, что папа римский и христианские князья отдадут все свои стада. [Сноска: Рубрики.]

Подобный дух царил, без исключения, у всех варварских народов Европы, Азии и Африки. Древности Греции и Италии, а также басни каждого древнего поэта содержат примеры его силы. Именно этот дух привел наших предков сначала в провинции Римской империи; и это впоследствии, возможно, в большей степени, чем их почитание креста, привело их на восток, чтобы разделить с татарами добычу сарацинской империи.

Из описаний, содержащихся в последнем разделе, мы можем склониться к мысли, что человечество в своем простейшем состоянии находится накануне создания республик. Их любовь к равенству, их привычка собираться в общественные советы и их рвение к племени, к которому они принадлежат, являются качествами, которые позволяют им действовать при таком виде правления; и им, по-видимому, нужно сделать всего несколько шагов, чтобы достичь его установления. Им нужно только определить количество членов своих советов и установить формы их проведения: им нужно только наделить постоянные полномочия для подавления беспорядков и ввести в действие несколько правил в пользу той справедливости, которую они уже признали и, по своей склонности, так строго соблюдают.

Но эти шаги далеко не так легко сделать, как кажется на первый взгляд. Решение избрать из числа равных себе магистрата, которому они отныне предоставляют право контролировать свои собственные действия, далеко от мыслей простых людей; и никакое убеждение, возможно, не могло бы заставить их принять эту меру или дать им какой-либо смысл в ее применении.

Даже после того, как нации выбрали военного лидера, они не доверяют ему никаких видов гражданской власти. Капитан среди карибов не претендовал на то, чтобы принимать решения во внутренних спорах; термины *юрисдикция* и *правительство* были неизвестны на их языке.

[Примечание: История Карибского бассейна.]

Прежде чем было допущено это важное изменение, люди должны были привыкнуть к различию рангов; и прежде чем они осознали, что подчинение необходимо, они должны были случайно оказаться в неравных условиях. Стремясь к собственности, они имеют в виду только обеспечение своего существования; но храбрые, которые возглавляют войну, также имеют наибольшую долю в ее добыче. Выдающиеся люди любят придумывать наследственные почести, и толпа, восхищающаяся родителем, готова распространить свое уважение на его отпрысков.

Имущество переходит по наследству, и блеск семьи становится ярче с возрастом. Геракл, который, возможно, был выдающимся воином, стал богом с потомством, и его раса была выделена для царственности и суверенной власти. Когда различия в судьбе и происхождении соединяются, вождь пользуется превосходством как на пиру, так и в полевых условиях. Его

последователи занимают подчиненное положение; и вместо того, чтобы рассматривать себя как части сообщества, они причисляются к последователям вождя и получают свое обозначение от имени своего лидера. Они находят новый объект общественной привязанности, защищая его личность и поддерживая его положение; они ссужают часть своего состояния, чтобы сформировать его состояние; они руководствуются его улыбками и его хмурым взглядом; и ухаживают за ним как за высшей наградой, как за частью пиршества, устроенного на их собственные средства.

Поскольку прежнее состояние человечества, казалось, указывало на демократию, это, по-видимому, демонстрирует зачатки монархического правления. Но ей еще далеко до того установления, которое в последующие века будет известно под названием *монархии*. Различие между лидером и последователем, принцем и подданным все еще обозначено лишь несовершенно: их занятия не различаются; их умы развиты неодинаково; они едят из одной тарелки; они спят вместе на земле; дети короля, так же как и дети подданного, заняты уходом за стадом; а пастух свиней был главным советником при дворе Улисса.

Вождь, достаточно выделяющийся среди своего племени, чтобы вызывать их восхищение и льстить их тщеславию предполагаемым родством со своим благородным происхождением, является объектом их почитания, а не зависти: он считается общим связующим звеном, а не их общим повелителем; подвергается первой опасности и принимает главное участие в их бедах: его слава заключается в количестве его приближенных, в его превосходящем великодушии и отваге; слава его последователей - в готовности пролить свою кровь на его службе. [Footnote: Tacitus de moribus Germanorum.]

Частая практика войны имеет тенденцию укреплять группы общества, а практика грабежа сама по себе вовлекает людей в испытания взаимной привязанности и мужества. То, что угрожало разрушить и перечеркнуть все добрые наклонности в человеческой душе, то, что, казалось, изгоняло справедливость из человеческих сообществ, имеет тенденцию объединять виды в кланы и братства; действительно, грозные и враждебные друг другу, но в домашнем обществе каждого верные, бескорыстные и великодушные. Частые опасности и опыт верности и отваги пробуждают любовь к этим добродетелям, делают их предметом восхищения и вызывают расположение у их обладателей.

Движимый сильными страстями, любовью к славе и желанием победы; возбуждаемый угрозами врага или горящий жаждой мести; находясь в напряжении между перспективами разорения или завоевания, варвар проводит каждое мгновение расслабления в лени. Он не может опуститься до занятий промышленностью или механическим трудом: хищный зверь ленив; охотник и воин спит, в то время как женщин или рабынь заставляют трудиться ради его хлеба насущного. Но покажите ему добычу на расстоянии, он смел, порывист, коварен и хищен; никакая преграда не может противостоять его ярости, и никакая усталость не может ослабить его активность.

Даже при таком описании люди щедры и гостеприимны к незнакомцам, а также добры, ласковы и нежны в своем домашнем обществе. [Примечание: Жан дю План Карпен. Рубрики, Цезарь, Тацит.] Дружба и вражда являются для них терминами величайшей важности: они не смешивают свои функции воедино; они выбрали своего врага и они выбрали своего друга. Даже в грабительстве главной целью является слава, а добыча рассматривается как знак победы. Нации и племена становятся их добычей: одинокому путешественнику, у которого они могут

приобрести лишь репутацию великодушного человека, позволяют пройти невредимым или обходятся с ним с поразительной щедростью.

Хотя они разделены на небольшие кантоны, подчиняющиеся нескольким вождям, и по большей части разделены завистью и враждой, все же, когда их теснят войны и грозные враги, они иногда объединяются в более крупные объединения. Подобно грекам в их походе на Трою, они следуют за каким-нибудь выдающимся вождем и составляют королевство из множества отдельных племен. Но такие коалиции возникают лишь от случая к случаю; и даже во время их существования они больше напоминают республику, чем монархию. Низшие вожди сохраняют свою значимость и вторгаются с видом равноправия в советы своего вождя, как обычно вторгаются к ним представители нескольких их кланов. [Сноска: Кольбе: Описание мыса Доброй Надежды.] Действительно, на каком основании мы могли бы предположить, что люди, которые живут вместе в величайшей близости и среди которых различия по рангу столь смутно обозначены, откажутся от своих личных чувств и склонностей или безоговорочно подчинятся лидеру, который не может ни внушить благоговейный трепет, ни развратить?

Необходимо использовать военную силу для вымогательства или найма продажных людей для выкупа обязательства, которое татарин дает своему князю, когда он обещает, "Что он пойдет туда, куда ему прикажут; что он придет, когда его позовут; что он убьет любого, на кого ему укажут; и в будущем, что он будет рассматривать голос короля как меч". [Сноска: Симон де Сен-Квинтен.]

Таковы условия, до которых было доведено даже упрямое сердце варвара вследствие деспотизма, им самим установленного; и при таком низком уровне коммерческого искусства люди в Европе, так же как и в Азии, испытали вкус политического рабства. Когда интерес преобладает в каждой груди, государь и его партия не могут избежать заражения: он использует вверенную ему силу, чтобы превратить свой народ в собственность и распоряжаться их имуществом ради своей выгоды или своего удовольствия. Если какой-либо народ считает богатство мерилom добра или зла, пусть он остерегается власти, которую вверяет своему князю. "У суйонов, - говорит Тацит, - богатство в большом почете; и этот народ соответственно обезоружен и обращен в рабство". [Footnote: De moribus Germanorum.]

Именно в этом прискорбном состоянии человечество, будучи раболепным, корыстолюбивым, коварным, лживым и кровавым, несет на себе следы если не наименее излечимого, то, несомненно, самого прискорбного вида коррупции. [Примечание: Путешествия Шардена.] Среди них война - это просто практика грабежа с целью обогащения личности; торговля превращена в систему ловушек и принуждения; а правительство то становится деспотичным, то слабым. Для человеческой расы, когда она руководствуется интересами, а не законами, было счастьем, что, будучи разделены на нации умеренной протяженности, они находили в каждом кантоне какое-то естественное препятствие для своего дальнейшего расширения и достаточно занимались поддержанием своей независимости, не будучи в состоянии расширить свое господство.

В древние времена между людьми не существовало неравенства в рангах, достаточного для придания их сообществам формы законной монархии; и на территории значительной протяженности, когда она объединена под одним началом, воинственный и буйный дух ее жителей, по-видимому, нуждается в узде деспотизма и военной силе. Там, где сохраняется какая-либо степень свободы, полномочия князя, как это было в большинстве грубых монархий

Европы, чрезвычайно ненадежны и зависят главным образом от его личного характера; там, напротив, полномочия князя неподконтрольны его народу, они также неподвластны ограничениям правосудия. Алчность и ужас становятся преобладающими мотивами поведения и формируют характер единственных партий, на которые разделено человечество: партии угнетателя и партии угнетенных.

Это бедствие угрожало Европе на протяжении веков, во время завоевания и расселения ее новых жителей. [Примечание: См. "Историю Тюдоров" Юма. Казалось, ничто не хотело установить совершенный деспотизм в этом доме, кроме нескольких полков войск под командованием короны.] Это действительно имело место в Азии, где были совершены аналогичные завоевания; и даже без обычных опиатов изнеженности или рабской слабости, основанной на роскоши, это застало татарина врасплох на его телеге, в тылу его стад. Среди этого народа, в сердце огромного континента, возникли смелые и предприимчивые воины; они покорили врасплох или превосходящими способностями соседние орды; они набирали в своем продвижении все большую численность и силу; и, подобно потоку, увеличивающемуся по мере спуска, стали слишком сильными для любой преграды, которая могла бы преградить им путь. Племя-завоеватель в течение ряда веков снабжало принца его охраной; и хотя им самим было позволено участвовать в его добыче, они были добровольными орудиями угнетения. Таким образом, деспотизм и коррупция нашли свой путь в регионы, столь известные дикой свободой природы: власть, которая была ужасом каждой изнеженной провинции, разоружена, а рассадник наций сам пришел в упадок. [Примечание: Смотрите Историю гуннов.]

Там, где грубые нации избегают этого бедствия, им требуются внешние войны для поддержания внутреннего мира; когда враг не появляется из-за границы, у них есть досуг для частной вражды, и в своих внутренних раздорах они проявляют то мужество, которое во время войны используется для защиты своей страны.

"Среди галлов, - говорит Цезарь, - есть подразделения, не только в каждой нации, в каждом районе и деревне, но почти в каждом доме, каждый должен обратиться к какому-нибудь покровителю за защитой". [Примечание: De Bello Gallico, lib. 6.] При таком распределении партий не только вражда кланов, но и семейные распри, даже разногласия и соперничество отдельных людей решаются силой. Суверен, когда ему не помогают суеверия, тщетно пытается применить свою юрисдикцию или добиться подчинения решениям закона. Народом, который привык быть обязанным своим имуществом насилию и который презирает саму удачу, не имея репутации храбреца, не допускается никакой судья, кроме меча. Сципион предложил свой арбитраж, чтобы прекратить соперничество двух испанцев в споре о престолонаследии: "В этом, - сказали они, - мы уже отказали нашим родственникам: мы не выносим наши разногласия на суд людей; и даже среди богов мы взываем только к Марсу". [Сноска: Ливий.]

Хорошо известно, что народы Европы довели этот способ судопроизводства до степени формальности, неслыханной в других частях света: судья по гражданским и уголовным делам в большинстве случаев мог только назначить списки и предоставить сторонам решать свои дела в ходе поединка: они полагали, что боги вынесли победителю вердикт в его пользу; и когда они отказывались в каком-либо случае от этой необычной формы процесса, они заменяли ее каким-нибудь другим, более капризным обращением к случайности; в котором они также думали, что был объявлен суд богов.

Свирепые народы Европы даже любили бой как упражнение и спорт. В отсутствие настоящих ссор компаньоны бросали друг другу вызов на испытание мастерства, в ходе которого один из них часто погибал. Когда Сципион праздновал похороны своего отца и дяди, испанцы пришли парами сражаться и публично продемонстрировали свои поединки, чтобы усилить торжественность. [Сноска: Ливий, глава 3.]

В этом диком и беззаконном государстве, где влияние истинной религии было бы столь желанным и столь спасительным, суеверие часто оспаривает господство даже у восхищения доблестью; и группа людей, подобных друидам у древних галлов и бриттов, [Примечание: Цезарь.] или какой-нибудь претендент на прорицание, как на мысе Доброй Надежды, находит в заслугах, которые воздаются его колдовству, путь к обладанию властью: его волшебная палочка соперничает с самим мечом; и в манере обращения с мечом. друиды дают некоторым первые зачатки гражданского правления или, подобно предполагаемому потомку солнца у натчезов и ламе у татар, другим - ранний вкус к деспотизму и абсолютному рабству.

Мы обычно не в состоянии понять, как человечество может существовать при обычаях и манерах, крайне отличных от наших собственных; и мы склонны преувеличивать страдания варварских времен, воображая, что мы сами должны были бы страдать в ситуации, к которой мы не привыкли. Но у каждого века есть свои утешения, равно как и свои страдания. [Примечание: К Приску, когда он служил в посольстве к Аттиле, обратился по-гречески человек, одетый как скиф. Выразив удивление и пожелав узнать причину своего пребывания в столь дикой компании, мне сказали, что этот грек был пленником и некоторое время рабом, пока не получил свободу в награду за какой-то выдающийся поступок. "Я больше жить счастлив здесь, - говорит он, - чем когда-либо я делал под римским владычеством, ибо кто живет со скифами, если они могут выдержать утомление от войны, ничего больше не досаждают им; они любят свои владения нетронутыми, в то время как вы постоянно добычей для внешних врагов, или плохое правительство; вы не запрещаете носить оружие в свою защиту; вы страдаете от небрежности и жестокого поведения у тех, кто назначает, чтобы защитить вас; зло мира-это даже хуже, чем война; нет наказания нанесенной когда-то могущественных и богатых; пощады не показан к бедным; хотя ваши заведения было мудро придумано, но, в управлении поврежден мужчин, их последствия губительны и жестокий". *Excerpta de legationibus*.] В промежутках между случайными бесчинствами дружеское общение людей, даже в самом грубом состоянии, бывает нежным и счастливым. [Примечание: "История диких арабов" Д'Арвье.] В грубые века личности и имущество отдельных людей были в безопасности, потому что у каждого был друг, так же как и враг; и если один склонен досаждать, другой готов защищать; и само восхищение доблестью, которое в некоторых случаях имеет тенденцию освящать насилие, также внушает определенные принципы великодушия и чести, которые имеют тенденцию предотвращать совершение несправедливостей.

Люди мирятся с недостатками своей политики так же, как они мирятся с трудностями и неудобствами в своем образе жизни. Тревоги и тяготы войны становятся необходимым развлечением для тех, кто к ним привык и у кого тон страстей поднят выше менее оживленных или тяжелых событий. Старики среди придворных Аттилы плакали, когда слышали о героических подвигах, которые сами они больше не могли совершать. [Сноска: там же.] А у кельтских народов, когда возраст делал воина непригодным к его прежним трудам, был обычай, чтобы скрасить тяготы вялой и бездеятельной жизни, просить смерти от рук своих друзей.

[Footnote: Ubi transcendit florentes viribus annos, Impatiens aevi spernit novisse senectam. Силий, lib. i. 225.]

При всей этой свирепости духа грубые народы запада были покорены политикой и более регулярными военными действиями римлян. Принцип чести, который европейские варвары усвоили как индивидуумы, ставил их в особенно невыгодное положение, заставляя их даже в национальных войнах не желать нападать на врага врасплох или использовать военную хитрость; и хотя по отдельности они были смелыми и бесстрашными, все же, подобно другим грубым народам, они, когда собирались в большие группы, были подвержены суевериям и панике.

Из-за сознания своей личной храбрости и силы они были оптимистичны накануне битвы; они выходили за рамки умеренности, радовались успеху и унывали в невзгодах; и, будучи склонны рассматривать каждое событие как суд богов, они никогда не проявляли единообразного применения или благоразумия, чтобы максимально использовать свои силы, исправить свои неудачи или улучшить свои преимущества.

Подчинившись власти привязанности и страсти, они были великодушны и верны там, где у них была постоянная привязанность; неумолимы, холодны и жестоки там, где у них возникала неприязнь: пристрастившись к разврату и неумеренному употреблению опьяняющих напитков, они обдумывали государственные дела в пылу своего буйства; и в те же опасные моменты вынашивали планы военного предприятия или прекращали свои семейные раздоры с помощью кинжала или шпаги.

В своих войнах они предпочитали смерть плену. Победоносные армии римлян, вступая штурмом в город или заставляя лагерь, заставляли мать за тем, что она убивала своих детей, чтобы их не забрали; и кинжал родителя, обагренный кровью его семьи, был готов вонзиться наконец в его собственную грудь. [Сноска: Liv. lib. xli. 11. Дио Касс.]

Во всех этих деталях мы видим ту силу духа, которая делает беспорядок сам по себе респектабельным и которая позволяет людям, если им повезет в их положении, заложить основу внутренней свободы, а также отстоять от внешних врагов свою национальную независимость и свободолюбие.

ОЧЕРК ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИКИ И ИСКУССТВА.

РАЗДЕЛ I.

О ВЛИЯНИИ КЛИМАТА И СИТУАЦИИ

То, что мы до сих пор наблюдали за состоянием и нравами народов, хотя и почерпнуто главным образом из того, что происходило в умеренном климате, может быть в какой-то мере применено к грубому состоянию человечества Во всех частях земли; но если мы намереваемся продолжить

историю нашего вида в ее дальнейших достижениях, мы вскоре можем перейти к предметам, которые ограничат наши наблюдения более узкими рамками. Гений политической мудрости и гражданских искусств, по-видимому, избрал себе места в определенных районах земли и избрал своих любимцев среди определенных человеческих рас. Человек, в его животном качестве, способен существовать в любом климате. Он правит вместе со львом и тигром под экваториальным солнцем или общается с медведем и северным оленем за пределами полярной системы. Его разносторонний характер позволяет ему перенимать привычки того или иного состояния, или же его талант к искусству позволяет ему компенсировать его недостатки. Промежуточный климат, однако, по-видимому, наиболее благоприятствует его натуре; и каким бы образом мы ни объясняли этот факт, не подлежит сомнению, что это животное всегда достигало главных достоинств своего вида в пределах умеренного пояса. Искусства, которые он неоднократно изобретал на этой сцене, широта его разума, плодovitость его фантазии и сила его гения в литературе, торговле, политике и войне в достаточной степени свидетельствуют либо о выдающемся преимуществе положения, либо о природном превосходстве ума.

Самые замечательные расы людей, это правда, были грубыми до того, как их отшлифовали. В некоторых случаях они снова вернулись к грубости; и мы должны говорить об их гениальности не из-за фактического владения искусствами, наукой или политикой.

Существует энергия, широкие возможности и чувствительность ума, которые могут характеризовать как дикаря, так и гражданина, раба так же, как и хозяина; и одни и те же силы ума могут быть использованы для самых разных целей. Современный грек, возможно, озорен, раболепен и хитер из-за того же живого темперамента, который делал его предка пылким, изобретательным и смелым в лагере или в совете своего народа. Современный итальянец отличается чувствительностью, быстротой и искусством, в то время как он использует в мелочах способности древнего римлянина и проявляет теперь, на сцене увеселения и в поисках легкомысленных аплодисментов, тот огонь и те страсти, с которыми Гракх горел на форуме и потрясал собрания более сурового народа.

В некоторых климатических зонах коммерческие и приносящие доход искусства были главной целью человечества и сохранялись при любых бедствиях; в других, даже при всех колебаниях фортуны, ими все еще пренебрегали; в то время как в умеренных климатических зонах Европы и Азии они веками вызывали как восхищение, так и презрение.

В одном состоянии общества искусствами пренебрегают из-за того самого пыла ума и принципа деятельности, в соответствии с которыми в другом они практикуются с величайшим успехом. В то время как люди поглощены своими страстями, разгорячены и воодушевлены борьбой и опасностями своей страны; в то время как звучит труба или звучит сигнал общественного участия, а сердца учащенно бьются, было бы признаком тупости или униженного духа находить досуг для изучения легкости или стремления к усовершенствованиям, целью которых является простое удобство.

Частые превратности судьбы, которые переживали народы на той самой земле, где процветало искусство, вероятно, являются следствием деятельного, изобретательного и разностороннего духа, благодаря которому люди доводили каждое национальное изменение до крайности. Они подняли структуру деспотической империи на ее величайшую высоту, где они лучше всего понимали основы свободы. Они погибли в пламени, которое сами же и разожгли; и, быть может,

только они были способны поочередно демонстрировать величайшие улучшения или низшие пороки, до которых может быть доведен человеческий разум.

На этой сцене человечество дважды на протяжении истории поднималось от грубых начал к очень высоким степеням утонченности. В каждую эпоху, независимо от того, суждено ли им в силу своей временной склонности созидать или разрушать, они оставляли следы активного и неистового духа. Мостовые и руины Рима покрыты пылью, стряхнутой с ног варваров, которые с презрением попирали утонченную роскошь и с презрением отвергали те искусства, использование которых было оставлено для открытия и восхищения потомками того же народа. Шатры диких арабов даже сейчас разбиты среди развалин великолепных городов, а пустынные поля, граничащие с Палестиной и Сирией, возможно, снова стали рассадником младенческих народов. Вождь арабского племени, подобно основателю Рима, возможно, уже пустил корни растению, которому суждено расцвести в какой-то будущий период, или заложил основы ткани, которая достигнет своего величия в некую отдаленную эпоху.

Большая часть Африки всегда была неизвестна; но молчание известности о ее революциях является аргументом, когда невозможно найти никаких других доказательств, свидетельствующих о слабости гения ее народа. Жаркая зона, разбросанная по всему земному шару, какой бы известной она ни была географу, дала мало материалов для истории; и хотя во многих местах жизненные искусства были развиты в немалой степени, нигде не созрели более важные проекты политической мудрости и не вдохновили на добродетели, которые связаны со свободой и которые требуются при ведении гражданских дел.

Действительно, именно в жаркой зоне у жителей нового света было обнаружено, что простое механическое искусство и мануфактура достигли наибольшего прогресса: именно в Индии и в регионах этого полушария, которые посещает вертикальное солнце, мануфактурное искусство и практика торговли относятся к величайшей древности и пережили, с наименьшим уменьшением, руины времени и революции империи.

Солнце, по-видимому, на котором созревают ананасы и тамаринд, внушает такую степень мягкости, которая может даже смягчить суровость деспотического правления: и таково действие мягкого и миролюбивого характера на уроженцев востока, что никакое завоевание, никакое вторжение варваров не заканчивается, как это было у упрямых туземцев Европы, полным уничтожением того, что породила любовь к легкости и удовольствиям.

Переходя без какой-либо серьезной борьбы от одного хозяина к другому, коренные жители Индии готовы при любой перемене заниматься своим ремеслом, мириться с наслаждением жизнью и надеждами на животные удовольствия: захватнические войны не затягиваются, чтобы вызвать раздражение участвующих в них сторон или опустошить землю, за которую эти стороны борются; даже варварский захватчик оставляет нетронутым торговое поселение, которое не вызвало его гнева; хотя он и хозяин богатых городов, он лишь разбивает лагерь по соседству с ними и оставляет своим наследникам право выбора. Постепенно приобщаясь к удовольствиям, порокам и пышности, которые доставляют его приобретения, его преемники еще больше, чем он сам, склонны лелеять улей по мере того, как они вкушают больше его сладостей; и они щадят обитателя вместе с его жилищем, как щадят стадо или стойло, владельцами которых они стали.

Современное описание Индии является повторением древнего, а нынешнее состояние Китая восходит к далекой древности, которой нет параллели в истории человечества. Порядок наследования монархов изменился, но никакие революции не затронули государство. Африканцы и самоеды не более однородны в своем невежестве и варварстве, чем китайцы и индейцы, если мы можем верить их собственному рассказу, в мануфактурной практике и в соблюдении определенной полиции, которая была рассчитана только на то, чтобы регулировать их торговлю и защищать их в их применении к рабским или прибыльным ремеслам.

Если мы перейдем от этих общих представлений о том, что сделало человечество, к более подробному описанию самого животного, поскольку оно жило в разных климатических условиях и отличается разнообразием темперамента, цвета кожи и характера, мы обнаружим разнообразие талантов, соответствующее последствиям его поведения и результату его истории.

Человек в совершенстве своих природных способностей быстр и деликатен в своей чувствительности; обширен и разнообразен в своем воображении и размышлениях; внимателен, проницателен и утончен в том, что касается его ближних; тверд и пылок в своих целях; предан дружбе или вражде; ревниво относится к своей независимости и своей чести, от которых он не откажется ради безопасности или выгоды: при всех своих пороках или усовершенствованиях он сохраняет свою природную чувствительность, если не свою силу; и его коммерция является благословением или проклятием, в зависимости от направления, полученного его умом.

Но в экстремальных условиях жары или холода диапазон активности человеческой души, по-видимому, ограничен; и люди имеют второстепенное значение либо как друзья, либо как враги. В одной крайности они тупы и медлительны, умеренны в своих желаниях, регулярны и миролюбивы в своем образе жизни; в другой - они лихорадочны в своих страстях, слабы в своих суждениях и по темпераменту склонны к животным удовольствиям. В обоих случаях сердце корыстно и идет на важные уступки ради ребяческих взяток; в обоих случаях дух подготовлен к рабству: в одном он подавлен страхом перед будущим; в другом его не возбуждает даже осознание настоящего.

Народы Европы, которые хотели бы обосноваться или завоевать южные или северные районы своего более счастливого климата, не встречают особого сопротивления: они расширяют свое владычество по своему усмотрению и не находят нигде предела, кроме океана и пресыщения завоеваниями. Без особых мук и борьбы, которые предшествуют сокращению народов, к территории России были последовательно присоединены могущественные провинции; и ее государь, насчитывающий в пределах своих владений целые племена, с которыми, возможно, ни один из его эмиссаров никогда не общался, отправил нескольких геометров расширить свою империю и таким образом осуществить проект, для осуществления которого римлянам пришлось нанять своих консулов и свои легионы. [Сноска: См. Русский атлас.] Эти современные завоеватели жалуются на восстания там, где они встречают отвращение; и удивлены, что с ними обращаются как с врагами, когда они приходят обложить их данью.

Однако, похоже, что на берегах Восточного моря они встретились с народами [Примечание: чуци.], которые подвергли сомнению свое право на царствование и которые рассматривали взимание налога как требование результатов за бесценок. Здесь, возможно, можно обнаружить

гений древней Европы; и под его именем свирепости скрывается дух национальной независимости; [Примечание: Примечания к генеалогической истории татар, подтвержденные Страленбергом.] тот дух, который оспаривал свои позиции на западе у победоносных армий Рима и сводил на нет попытки персидских монархов охватить греческие деревни в пределах своих обширных владений.

Большие и поразительные различия, которые наблюдаются между обитателями климатов, удаленных друг от друга, легко наблюдать, подобно разнообразию других животных в различных регионах. Лошадь и северный олень - просто эмблемы арабов и лапландцев: уроженец Аравии, подобно животному, породой которого славится его страна, будь то дикий зверь в лесах или обученный искусству, живой, деятельный и усердный в занятиях, к которым он склонен. Эта раса людей в своем грубом состоянии устремляется в пустыню в поисках свободы и бродячими отрядами тревожит границы империи и наводит ужас на провинции, к которым продвигаются их подвижные лагеря. [Примечание: Д'Арвье.] Когда их возбуждала перспектива завоевания или они были склонны действовать по плану, они распространяли свое господство и свою систему воображения на обширные участки земли; когда они обладали собственностью и оседлостью, они подавали пример живой изобретательности в занятиях искусством и изучении науки. Лапландец, напротив, как и подобает его климату, вынослив, неутомим и терпелив к голоду; скорее уныл, чем приручаем; полезен в определенной сфере деятельности и неспособен к переменам. Целые нации из века в век пребывают в одном и том же состоянии и с неизменным хладнокровием подчиняются названиям *датчанин*, *швед* или *московит*, в зависимости от страны, которую они населяют; и терпят, чтобы их страна была разделена, как общая, линией, по которой эти нации очертили границы своей империи.

Эти разновидности гениальности можно четко различать не только по крайностям. Их постоянное изменение идет в ногу с климатическими изменениями, с которыми, как мы предполагаем, они связаны; и хотя определенные степени способностей, проницательности и пылкости не являются уделом целых наций или вульгарными свойствами какого-либо народа, все же их неодинаковая частота и неодинаковая мера в разных странах достаточно очевидны по манерам, тону разговора, таланту к бизнесу, развлечениям и литературному творчеству, которые преобладают в каждой из них.

Именно южным народам Европы, как древним, так и современным, мы обязаны изобретением и приукрашиванием этой мифологии и тех ранних традиций, которые продолжают давать материал для фантазии и поле для поэтических аллюзий. Им мы обязаны романтическими рассказами о рыцарстве, а также последующими моделями более рационального стиля, благодаря которым разжигаются сердце и воображение и формируется понимание.

Плоды промышленности были в наибольшем изобилии на севере, и изучение естественных наук здесь получило наиболее значительные улучшения: усилия воображения и чувства были наиболее частыми и наиболее успешными на юге. В то время как берега Балтийского моря прославились исследованиями Коперника, Тихо Браге и Кеплера, Средиземноморье прославилось тем, что породило гениальных людей во всем их разнообразии и изобиловало поэтами и историками, а также людьми науки.

С одной стороны, обучение берет свое начало в сердце и фантазии; с другой стороны, оно все еще ограничено суждениями и памятью. Точные подробности государственных сделок, при незначительном различии их сравнительной важности; договоры и притязания наций,

рождения и генеалогии князей в литературе северных народов в изобилии сохранены; в то время как светочу понимания и чувствам сердца суждено погибнуть. История человеческого характера; интересные мемуары, основанные в не меньшей степени на небрежных проявлениях частной жизни, чем на формальных действиях общественного деятеля; остроумная шутка, пронзительная насмешка, нежность, патетика или возвышенный тон ораторского искусства - все это было ограничено как в наше время, так и в древности, за немногими исключениями, теми же широтами, что и смоква и виноградная лоза.

Эти разнообразные проявления природного гения, если они реальны, должны в значительной степени основываться на организме животных; и часто наблюдалось, что виноградная лоза процветает там, где для ускорения брожения человеческой крови ее вспомогательные вещества требуются меньше всего. В то время как у южных народов спиртные напитки запрещены из-за их пагубного воздействия; или из любви к приличиям и обладанию достаточно теплым темпераментом они не очень желанны; на севере они обладают особым очарованием, в то время как пробуждают ум и придают вкус той живой фантазии и пыла страсти, которым, как выясняется, не способствует климат.

Тающие желания или пламенные страсти, которые в одном климате имеют место между полами, в другом сменяются трезвым соображением или терпением взаимного отвращения. Эта перемена заметна при пересечении Средиземного моря, при следовании по течению Миссисипи, при подъеме в горы Кавказа и при переходе от Альп и Пиренеев к берегам Балтийского моря.

Женский пол доминирует на границе Луизианы благодаря двойному механизму суеверий и страсти. Они являются рабами среди коренных жителей Канады, и их ценят главным образом за труд, который они выносят, и за домашнюю работу, которую они выполняют. [Сноска: Шарлевуа.]

Жгучий пыл и мучительная ревность серала и гарема, которые так долго царили в Азии и Африке и которые в южных частях Европы едва уступили место различиям в религии и общественных установлениях, однако, с уменьшением жары в климате легче сменяются на одной широте временной страстью, которая захватывает ум, не ослабляя его, и побуждает к романтическим свершениям: при дальнейшем продвижении на север они превращаются в дух свободы. галантность, которая использует остроумие и фантазию больше, чем сердце; которая предпочитает интригу удовольствию; и заменяет притворство и тщеславие там, где чувства и желания потерпели неудачу. По мере удаления от солнца та же страсть все больше превращается в привычку к домашним связям или застывает в состоянии бесчувственности, при котором свободные помыслы едва ли решаются объединиться в свое общество.

Эти вариации темперамента и характера на самом деле не соответствуют количеству градусов, измеряемых от экватора до полюса; да и температура воздуха сама по себе не зависит от широты. Известно, что разнообразие почвы и местоположения, расстояние или близость моря влияют на атмосферу и могут оказывать существенное влияние на формирование структуры животного мира.

Климаты Америки, хотя и взяты под ту же параллель, как было замечено, отличаются от европейских. Предполагается, что там обширные болота, великие озера, старые, загнившие и густые леса, а также другие обстоятельства, характерные для необработанной страны,

наполняют воздух тяжелыми и ядовитыми испарениями, которые придают зиме двойную суровость; и в течение многих месяцев из-за частоты и продолжительности туманов, снега и мороза неудобства холодной зоны переносятся далеко в умеренный климат. Однако у самоедов и лапландцев есть свои аналоги, хотя и на более низких широтах, на берегах Америки: канадцы и ирокезы имеют сходство с древними обитателями среднеевропейского климата. Мексиканец, подобно азиату в Индии, будучи пристрастен к удовольствиям, погряз в изнеженности; и в соседстве с дикарями и вольными он терпел, чтобы на его слабости воспитывались властные суеверия и постоянная структура деспотического правления.

Большая часть Татарии проходит по тем же параллелям, что и Греция, Италия и Испания; но климат оказывается иным; и в то время как берега не только Средиземного моря, но даже Атлантического, отличаются умеренной сменой времен года, восточные части Европы и северный континент Азии страдают всеми присущими им крайностями. Нам говорят, что в одно время года эпидемии жаркого лета достигают почти замерзшего моря и что местный житель вынужден укрываться от вредных паразитов в тех же клубах дыма, в которых он должен в другое время года укрываться от суровых холодов. Когда возвращается зима, переход происходит быстро и с почти одинаковой на всех широтах резкостью, опустошая лицо земли от северных границ Сибири до спусков горного Кавказа и границы Индии.

При таком неравномерном распределении климата, из-за которого судьбу, а также национальный характер северных азиатов можно считать ниже, чем у европейцев, которые находятся под теми же параллелями, однако наблюдалась сходная градация темперамента и духа при следовании по меридиану на обоих направлениях; и южный татарин имеет над тонгусами и санмоидами то же превосходство, которым, как известно, обладают некоторые народы Европы над своими северными соседями в ситуациях, более выгодных для обоих.

Южное полушарие едва ли представляет собой объект для подобных наблюдений. Умеренный пояс там до сих пор не обнаружен или известен только на двух мысах, мысе Доброй Надежды и мысе Горн, которые простираются в умеренных широтах по эту сторону линии. Но дикарь Южной Америки, несмотря на вмешательство народов Перу и Мексики, оказывается, похож на своего собрата на севере; а готтентот во многих отношениях на европейского варвара: он цепок в свободе, обладает зачатками политики и национальной энергии, которые служат отличием его расы от других африканских племен, подверженных более вертикальным лучам солнца.

Хотя в этих наблюдениях мы лишь отбросили то, что должно представляться при самом поверхностном взгляде на историю человечества, или то, что можно предположить по простой безвестности одних народов, населяющих огромные пространства земли, а также по блеску других, мы все еще не в состоянии объяснить, каким образом климат может влиять на темперамент или способствовать развитию гения его обитателей.

То, что состояние сердца и интеллектуальные операции разума в какой-то мере зависят от состояния органов животного, хорошо известно из опыта. Люди отличаются от самих себя в болезнях и в состоянии здоровья, при изменении рациона питания, воздуха и физических упражнений; но даже в этих известных случаях мы теряемся в догадках, как связать причину с ее предполагаемым следствием; и хотя климат, включая множество таких причин, может под каким-то постоянным влиянием влиять на характеры людей, мы никогда не можем надеяться объяснить характер этих влияний, пока не поймем то, чего, вероятно, мы никогда не поймем, - строение тех более тонких органов, с которыми связана деятельность души.

Когда мы указываем в ситуации народа на обстоятельства, которые, определяя их занятия, регулируют их привычки и образ жизни; и когда вместо того, чтобы сослаться на предполагаемый физический источник их предрасположенностей, мы связываем их побуждения с определенным поведением; при этом мы говорим о следствиях и причинах, связь между которыми более известна. Мы можем понять, например, почему раса людей, подобная самоедам, большую часть года прикованная к темноте или уединившаяся в пещерах, должна отличаться своими манерами и опасениями от тех, кто находится на свободе в любое время года; или кто, вместо того чтобы искать облегчения от крайнего холода, занят поисками мер предосторожности против палящего солнца. Огонь и физические упражнения являются лекарствами от простуды; отдыхайте и защищайте ценные бумаги от жары. Голландец трудолюбив в Европе; он становится более вялым и ленивым в Индии. [Примечание: Голландские моряки, участвовавшие в осаде Малако, разорвали или сожгли парусину, которая была выдана им для изготовления палаток, чтобы у них не было хлопот по их изготовлению или установке. *Voy. материал.*]

Сильные перепады температуры или холода, возможно, с моральной точки зрения одинаково неблагоприятны для активного гения человечества и, создавая одинаково непреодолимые трудности, которые необходимо преодолеть, или сильные стимулы к лени, в равной степени препятствуют первому применению изобретательности или ограничивают ее прогресс. Некоторые промежуточные степени неудобства в данной ситуации сразу же возбуждают дух и, с надеждой на успех, поощряют его усилия. "Именно в наименее благоприятных ситуациях, - говорит г-н Руссо, - искусство процветало больше всего. Я мог бы показать их в Египте, как они распространяются с разливом Нила; и в Аттике, как они поднимаются к облакам из каменистой почвы и бесплодных песков; в то время как на плодородных берегах Евроты они не смогли пустить свои корни".

Там, где человечество с самого начала существовало тяжелым трудом и посреди трудностей, недостатки их положения восполнялись промышленностью: и в то время как засушливые, заманчивые и целебные земли оставались необработанными, [Примечание: Сравните состояние Венгрии с состоянием Голландии.] чумное болото осушается с большим трудом, а море ограждено мощными барьерами, материалы и затраты на которые добываемая земля едва ли может позволить себе или возместить. Гавани открыты и переполнены судами, где у грузовых судов, если они не построены с учетом сложившейся ситуации, нет воды для плавания. Элегантные и величественные здания воздвигнуты на фундаментах из ила; и все удобства человеческой жизни созданы в изобилии там, где природа, по-видимому, не приготовила приема для людей. Напрасно ожидать, что сфера искусства и торговли должна определяться обладанием природными преимуществами. Люди делают больше, когда им приходится преодолевать определенные трудности, чем когда они предполагают, что могут наслаждаться благами; и тень бесплодного дуба и сосны более благоприятна для человеческого гения, чем тень пальмы или тамаринда.

Исходя из уже сделанных наблюдений, можно ожидать, что среди преимуществ, которые позволяют нациям делать карьеру в политике, а также в искусстве, мы должны учитывать все обстоятельства, которые позволяют им разделяться и сохранять себя в отдельных и независимых сообществах. Общество и стечение других людей не более необходимы для формирования личности, чем соперничество наций для укрепления принципов политической жизни в государстве. Их войны и их договоры, их взаимная зависть и учреждения, которые они

изобретают друг для друга, составляют более половины занятий человечества и доставляют материалы для их величайших и совершенствующих усилий. По этой причине группы островов, континент, разделенный множеством естественных преград, великими реками, горными хребтами и морскими рукавами, лучше всего подходят для того, чтобы стать рассадником независимых и респектабельных наций. Четко соблюдается различие штатов, в каждом подразделении устанавливается принцип политической жизни, и столица каждого округа, подобно сердцу животного, с легкостью передает своим членам живую кровь и национальный дух.

Самые респектабельные страны всегда находились там, где по крайней мере одна часть границы омывалась морем. Этот барьер, возможно, самый сильный из всех во времена невежества, однако, даже тогда не отменяет забот о национальной обороне; а при развитом состоянии искусств дает наибольший размах и удобство торговле.

Соответственно, процветающие и независимые нации были разбросаны по берегам Тихого и Атлантического океанов. Они окружали Красное море, Средиземное и Балтийское; в то время как, за исключением нескольких племен, которые скрываются среди гор, граничащих с Индией и Персией, или которые нашли какое-нибудь грубое пристанище среди ручьев и на берегах Каспийского и Эвксинского островов, едва ли найдется народ на обширном Азиатском континенте, заслуживающий названия нации. Бескрайнюю равнину на свободе пересекают орды, которые находятся в постоянном движении или которые перемещены и измучены взаимной враждой. Хотя они, возможно, никогда на самом деле не смешиваются друг с другом во время охоты или в поисках пастбищ, они не могут вынести одного большого различия наций, которое происходит от территории и которое глубоко запечатлено привязанностью к родному очагу. Они передвигаются войсками, без договоренности или согласия наций; они легко присоединяются к каждой новой империи между собой или к китайцам и москвичам, с которыми они ведут торговлю за средства к существованию и предметы удовольствия.

Там, где формируется счастливая система наций, они не полагаются в сохранении своих отдельных названий и своей политической независимости на барьеры, воздвигнутые природой. Взаимная зависть ведет к поддержанию баланса сил; и этот принцип в большей степени, чем Рейн и океан, Альпы и Пиренеи в современной Европе; в большей степени, чем Фермопильский пролив, Фракийские горы или Саламинский и Коринфский заливы в Древней Греции, способствовал продлению разделения, которому жители этих счастливых климатических зон обязаны своим национальным благополучием, блеском своей славы и своими гражданскими достижениями.

Если мы хотим продолжить изучение истории гражданского общества, наше внимание должно быть направлено главным образом на такие примеры, и здесь мы должны попрощаться с теми регионами земли, на которых наш вид в силу ситуации или климата, по-видимому, ограничен в своих национальных устремлениях или уступает им в силе разума.

РАЗДЕЛ II.

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ.

До сих пор мы наблюдали человечество, либо объединенное на условиях равенства, либо склонное признать подчинение, основанное просто на добровольном уважении и

привязанности, которые они оказывали своим лидерам; но в обоих случаях без какого-либо согласованного плана правления или системы законов.

Дикарь, чье состояние состоит в его хижине, его мехах и оружии, довольствуется этим пропитанием и той степенью безопасности, которую он сам может обеспечить. Обращаясь к равному себе, он не видит предмета для обсуждения, который следовало бы передать на решение судьи; он также не находит ни у кого в руках значков магистратуры или знаков постоянного командования.

Варвар, хотя и побуждаемый своим восхищением личными качествами, блеском героической расы или удачливым положением, следовать за знаменами вождя и играть подчиненную роль в своем племени, не знает, что то, что он совершает по собственному выбору, должно стать предметом обязательства. Он действует, руководствуясь чувствами, незнакомыми с формами; и когда его провоцируют или когда он вовлечен в споры, он обращается к мечу, как к высшему средству решения, во всех вопросах права.

Тем временем человеческие дела продолжают развиваться. То, что в одном поколении было склонностью к объединению с видом, в последующие века становится принципом естественного союза. То, что первоначально было союзом для общей обороны, становится согласованным планом политической силы; забота о пропитании становится стремлением к накоплению богатства и основой коммерческого искусства.

Человечество, следуя нынешнему складу своего ума, стремясь устранить неудобства или получить очевидные и сопутствующие преимущества, достигает целей, которые не могло предвидеть даже их воображение; и идет дальше, подобно другим животным, по следам своей природы, не осознавая ее конца. Тот, кто первым сказал: "Я присвою это поле; я оставлю его своим наследникам", - не понимал, что закладывает фундамент гражданских законов и политических установлений. Тот, кто впервые поставил себя под начало лидера, не понимал, что подает пример постоянного подчинения, под предлогом которого алчные должны были захватывать его имущество, а высокомерные претендовать на его службу.

Люди, в общем, достаточно расположены заниматься составлением проектов и схем; но тот, кто будет строить планы и проектировать для других, найдет противника в каждом человеке, который склонен строить планы для себя. Подобно ветрам, которые приходят неизвестно откуда и дуют, куда им вздумается, формы общества имеют неясное и отдаленное происхождение; они возникли задолго до появления философии из инстинктов, а не из рассуждений людей. Толпы людей в своих установлениях и мерах руководствуются обстоятельствами, в которые они поставлены, и редко сворачивают со своего пути, чтобы следовать плану какого-либо отдельного проектанта.

Каждый шаг и каждое движение толпы, даже в так называемые просвещенные века, совершаются с такой же слепотой к будущему; и нации натываются на учреждения, которые действительно являются результатом человеческих действий, но не исполнением какого-либо человеческого замысла. [Примечание: Мемуары Де Ретца.] Если Кромвель сказал, что человек никогда не поднимается выше, чем когда он не знает, куда он идет, то с большим основанием можно утверждать об обществах, что они допускают величайшие революции там, где не предполагается никаких изменений, и что самые утонченные политики не всегда знают, куда они ведут государство своими проектами.

Если мы прислушаемся к свидетельствам современной истории и к свидетельствам наиболее достоверных частей древней; если мы обратим внимание на практику народов во всех частях света и в любых условиях, будь то варварские или утонченные, мы найдем очень мало оснований для отказа от этого утверждения. Никакая конституция не формируется согласованно, никакое правительство не копируется по плану. Члены маленького государства борются за равенство; члены большого государства классифицируются определенным образом, что закладывает основу для монархии. Они переходят от одной формы правления к другой путем легких переходов и часто под старыми названиями принимают новую конституцию. Семена любой формы заложены в природе человека; они прорастают и созревают в зависимости от времени года. Распространенность того или иного вида часто определяется незаметным ингредиентом, смешанным с почвой.

Поэтому мы должны с осторожностью относиться к традиционным историям древних законодателей и основателей государств. Их имена уже давно прославлены; их предполагаемыми планами восхищаются; и то, что, вероятно, было следствием ранней ситуации, в каждом случае рассматривается как результат замысла. Автор и произведение, подобно причине и следствию, постоянно связаны друг с другом. Это простейшая форма, в которой мы можем рассматривать создание наций: и мы приписываем предшествующему замыслу то, что стало известно только по опыту, то, чего не могла предвидеть никакая человеческая мудрость и что без соответствующего юмора и расположения духа его эпохи никакая власть не могла бы позволить индивиду осуществить.

Если люди в течение веков, посвященных глубоким размышлениям и занятые поисками улучшений, привязаны к своим институтам и, сталкиваясь со многими признанными неудобствами, не могут вырваться из оков обычая, то каково, по нашему предположению, было их настроение во времена Ромула и Ликурга? Они, конечно, не были более склонны принимать схемы новаторов или избавляться от впечатлений привычки: они не были более гибкими, когда их знания были меньше; не были более способны к утонченности, когда их умы были более ограниченными.

Мы предполагаем, возможно, что грубые народы должны иметь настолько сильное представление о недостатках, с которыми они сталкиваются, и быть настолько сознательными в том, что их манеры нуждаются в реформировании, что они должны быть готовы с радостью принять любой план улучшения и принимать каждое правдоподобное предложение с безоговорочным согласием. И поэтому мы склонны полагать, что арфа Орфея могла произвести в одну эпоху то, чего не могло произвести красноречие Платона вдругую. Однако мы ошибочно принимаем характеристику простых эпох: тогда человечество, по-видимому, ощущает наименьшее количество недостатков и меньше всего желает приступить к реформациям.

Реальность, в то же время, определенных учреждений в Риме и Спарте, не подлежит сомнению; но вполне вероятно; что правительство обоих этих государств возникло благодаря положению и гению народа, а не из проектов отдельных людей; что знаменитый воин и государственный деятель, которые считаются основателями этих наций, играли лишь превосходящую роль среди тех, кто был расположен к тем же учреждениям; и что они оставили потомкам известность, указывая на них как на изобретателей многих обычаев, которые уже использовались и которые помогли сформировать их собственные манеры и нравы. гениев, так же как и их соотечественников.

Ранее было замечено, что во многих деталях обычаи простых народов совпадают с тем, что приписывается изобретению первых государственных деятелей; что модель республиканского правления, сенат и народное собрание; что даже равенство собственности или общность благ не были зарезервированы за изобретением или выдумкой отдельных людей.

Если мы рассматриваем Ромула как основателя римского государства, то, безусловно, тот, кто убил своего брата, чтобы править единолично, не желал подвергаться ограничениям со стороны контролирующей власти сената или передавать свои суверенные советы на решение коллективного органа. Любовь к власти по своей природе не терпит ограничений; и этот вождь, как и всякий лидер в грубую эпоху, вероятно, нашел класс людей, готовых вмешиваться в его советы, и без которых он не мог действовать. Он сталкивался со случаями, когда, как при звуке трубы, собирался народ и принимал решения, которые любой человек мог напрасно оспаривать или пытаться контролировать; и Рим, который начинал с общего плана каждого бесхитростного общества, находил долгосрочные улучшения в преследовании временных мер и переваривал свою политическую структуру, улаживая претензии партий, возникавших в государстве.

Человечество на очень ранних этапах становления общества учится жаждать богатства и восхищаться отличиями: у них есть алчность и честолюбие, и иногда эти страсти приводят их к грабежам и завоеваниям; но в своем обычном поведении они руководствуются или сдерживаются другими мотивами; ленью или невоздержанностью; личными привязанностями или личной враждебностью; которые отвлекают внимание от интереса. Эти мотивы или привычки временами делают человечество небрежным или возмутительным: они являются источником гражданского мира или гражданских беспорядков, но лишают тех, кто ими движим, права поддерживать какую-либо постоянную узурпацию; рабству и грабежу в случае каждой общины в первую очередь угрожают извне, и война, наступательная или оборонительная, является великим делом каждого племени. Враг занимает их мысли; у них нет времени на внутренние раздоры. Однако каждое отдельное сообщество стремится обезопасить себя; и по мере того, как оно достигает этой цели, укрепляя свой барьер, ослабляя своего врага или приобретая союзников, индивид дома задумывается о том, что он может приобрести или потерять для себя: лидер склонен расширять преимущества, связанные с его положением; последователь начинает ревниво относиться к правам, которые открыты для посягательств; и партии, которые раньше объединялись по привязанности и привычке или из соображений их общего сохранения, расходятся в поддержке своих притязаний на превосходство или выгоду.

Когда таким образом внутри страны пробуждается вражда фракций и притязаниям на свободу противопоставляются притязания на господство, члены каждого общества находят новую сцену, на которой можно проявить свою активность. Возможно, они ссорились по вопросам интересов; они балансировали между разными лидерами; но они никогда не объединялись как граждане, чтобы противостоять посягательствам на суверенитет или отстаивать свои общие права как народа. Если принц в этом соперничестве найдет силы поддержать, а также противостоять своим притязаниям, меч, который был отточен против внешних врагов, может быть направлен в грудь других подданных, и каждый промежуток мира за границей будет заполнен внутренней войной. Священные имена свободы, справедливости и гражданского порядка звучат на публичных собраниях и, при отсутствии других тревог, дают обществу внутри себя обильный повод для брожения и вражды.

Если то, что рассказывается о маленьких княжествах, которые в древние времена были образованы в Греции, Италии и по всей Европе, согласуется с описанным нами характером человечества под первым впечатлением от собственности, интересов и наследственных различий, то мятежи и внутренние войны, последовавшие в тех самых государствах, изгнание их королей или вопросы, возникшие относительно прерогатив суверена или привилегий подданных, согласуются с тем представлением, которое мы сейчас даем о первом шаге к политическому становлению и желании юридического устройства.

Какой может быть эта конституция в своей ранней форме, зависит от множества обстоятельств в состоянии наций: это зависит от размеров государства в его грубом состоянии; от степени неравенства, которому человечество подчинилось до того, как оно начало оспаривать злоупотребления властью; это также зависит от того, что мы называем *случайностями*, личным характером отдельного человека или событиями войны.

Каждое сообщество изначально маленькое. Та склонность, с которой человечество вначале объединяется, не является принципом, по которому они впоследствии действуют, расширяя пределы империи. Небольшие племена, где они не объединены общими целями завоевания или безопасности, даже не склонны к коалиции. Если, подобно реальному или сказочному союзу греков при разрушении Трои, многие нации объединяются ради достижения единой цели, они легко снова разделяются и заново действуют в соответствии с принципами соперничающих государств.

Возможно, существует определенная национальная территория, в пределах которой страсти людей легко передаются от одного или нескольких ко всему миру; и есть определенное количество людей, которые могут быть собраны и действовать сообща. Если, пока общество не расширилось за пределы этого измерения и пока его членов легко собрать, возникают политические раздоры, государство редко отказывается следовать республиканским принципам и устанавливать демократию. В большинстве грубых княжеств вождь черпал свою прерогативу из блеска своей расы и добровольной привязанности своего племени: люди, которыми он командовал, были его друзьями, его подданными и его войсками. Если мы предположим, что при какой-либо перемене в их манерах они перестанут уважать его достоинство, что они претендуют на равенство между собой или охвачены завистью к тому, что он слишком много на себя берет, основы его власти уже подорваны. Когда добровольный подданный становится непокорным; когда значительные партии или коллективное тело решают действовать самостоятельно; маленькое королевство, подобное Афинскому, становится, конечно, республикой.

Изменения условий и нравов, которые в ходе прогресса человечества возвышают среди наций вождя и государя, создают в то же время благородство и разнообразие рангов, которые в меньшей степени претендуют на отличие. Суеверие также может создать орден людей, которые под титулом священнослужителей преследуют особые интересы; которые, благодаря своему единству и твердости как тела, а также своим непрестанным амбициям, заслуживают того, чтобы их причислили к списку претендентов на власть. Эти различные слои людей являются элементами, из смеси которых обычно формируется политическое тело; каждый привлекает на свою сторону некоторую часть народных масс. Сам народ при случае становится партией; и множество людей, каким бы классовым и выдающимся они ни были, из-за своих резких претензий и отдельных взглядов становятся взаимными помехами и сдерживающими

факторами; и они, внося в национальные советы принципы и опасения определенного порядка и защищая особые интересы, участвуют в регулировании или сохранении политической формы государства.

Притязания любого определенного сословия, если их не сдерживать какой-либо сопутствующей силой, привели бы к тирании; притязания князя - к деспотизму; притязания знати или духовенства - к злоупотреблениям аристократии; притязания черни - к беспорядкам анархии. Поскольку эти прекращения никогда не объявляются, они редко даже являются замаскированной целью партии; но меры, к которым стремится любая партия, если допустить их преобладание, постепенно приведут ко всем крайностям.

На своем пути к восхождению они стремятся чего-то добиться, и посреди помех, которые взаимно создают противоположные интересы, свобода может иметь постоянное или преходящее существование; а конституция может иметь форму и характер настолько разнообразные, насколько это возможно в результате случайного сочетания таких многократно увеличенных частей.

Чтобы предоставить сообществам некоторую степень политической свободы, возможно, достаточно, чтобы их члены, либо поодиночке, либо по мере того, как они связаны со своими несколькими сословиями, настаивали на своих правах; чтобы при республиках граждан должен либо твердо отстаивать свое собственное равенство, либо сдерживать честолюбие своего согражданина в умеренных пределах; чтобы при монархии люди любого ранга сохраняли почести своего частного или общественного положения и не приносили в жертву ни предписаниям суда, ни притязаниям населения те достоинства, которые в какой-то мере предназначены независимо от состояния. , чтобы придать стабильность трону и добиться уважения к подданному.

Среди партийных раздоров интересы общества, даже принципы справедливости и откровенности, иногда забываются; и все же те фатальные последствия, которые, по-видимому, предвещает такая мера коррупции, не являются неизбежными. Общественные интересы часто защищены не потому, что отдельные люди склонны рассматривать их как цель своего поведения, а потому, что каждый на своем месте полон решимости сохранить свои собственные. Свобода поддерживается сохраняющимися различиями и противопоставлением людей, а не их общим рвением во имя справедливого правительства. Следовательно, в свободных государствах самые мудрые законы, возможно, никогда не диктуются интересами и духом какой-либо категории людей: они выдвигаются, им противостоят или в них вносятся поправки разными руками; и в конце концов они выражают ту среду и композицию, которые противоборствующие стороны вынудили друг друга принять.

Когда мы рассматриваем историю человечества с этой точки зрения, мы не можем быть в недоумении по поводу причин, которые в небольших сообществах перевесили чашу весов на сторону демократии; которые в государствах, более обширных по территории и численности населения, привели к господству монархии; и которые в различных условиях и в разные эпохи позволили человечеству смешать и объединить характеры различных форм; и вместо любой из упомянутых нами простых конституций [Сноска: часть I., раздел 10.] демонстрировать смесь всего.

От людей, выходящих из состояния грубости и простоты, следует ожидать, что они будут действовать в духе равенства или умеренного подчинения, к которому они привыкли. Когда люди собираются вместе в городах или на небольшой территории, они действуют под влиянием заразительных страстей, и каждый индивид чувствует степень своей значимости, пропорциональную его фигуре в толпе и малочисленности ее участников. Претенденты на власть и господство предстают в слишком привычном свете, чтобы их можно было навязать толпе, и у них нет под рукой вспомогательных средств, с помощью которых они могли бы обуздать непокорный нрав людей, сопротивляющихся их притязаниям. Тесей, царь Аттики, как нам рассказывают, собрал жителей ее двенадцати округов в один город. При этом он воспользовался эффективным методом объединения в единую демократию того, что раньше было отдельными членами его монархии, и ускорил падение королевской власти.

Монарх обширной территории имеет много преимуществ в поддержании своего положения. Не обижаясь на своих подданных, он может поддерживать величие королевского поместья и поражать воображение своего народа тем самым богатством, которым они сами себя одарили. Он может использовать жителей одного округа против жителей другого; и хотя страсти, ведущие к мятежам, могут в любой момент овладеть только частью его подданных, он чувствует себя сильным, обладая общей властью. Даже расстояние, на котором он находится от многих из тех, кто получает его приказы, увеличивает таинственный трепет и уважение, которые проявляются к его правительству.

Однако при таких различных тенденциях несчастные случаи и коррупция в сочетании с различными обстоятельствами могут вывести отдельные государства из-под контроля и привести к исключениям из любого общего правила. Это действительно произошло в некоторых более поздних княжествах Греции и современной Италии, в Швеции, Польше и Германской империи. Но соединенные Штаты Нидерландов и швейцарские кантоны являются, пожалуй, самыми обширными сообществами, которые, поддерживая союз наций, в течение сколько-нибудь значительного времени сопротивлялись тенденции к монархическому правлению; а Швеция - единственный пример республики, созданной в великом королевстве на руинах монархии.

Правитель небольшого округа или отдельного города, когда его не поддерживают, как в современной Европе, заразительные монархические манеры, держит скипетр ненадежно и постоянно встревожен духом мятежа в своем народе, руководствуется ревностью и поддерживает себя строгостью, предупреждением и силой.

Народные и аристократические власти в великой нации, как в случае Германии и Польши, могут столкнуться с равными трудностями в поддержании своих притязаний; и, чтобы избежать опасности со стороны королевской узурпации, они вынуждены отказывать верховному судье даже в необходимом доверии исполнительной власти.

Государства Европы в порядке их первого заселения заложили основы монархии и были готовы объединиться под властью регулярных и обширных правительств. Если бы греки, чей прогресс на родине завершился созданием стольких независимых республик, при Агамемноне совершили завоевание и заселили Азию, вполне вероятно, что они могли бы послужить примером того же рода. Но коренные жители любой страны, образуя множество отдельных

кантонов, постепенно приходят к той коалиции и союзу, в которые племена-завоеватели, совершая свои завоевания или закрепляя свои владения, вступают сразу. Цезарь столкнулся в Галлии с несколькими сотнями независимых народов, которых даже общая опасность недостаточно сплотила. Германские захватчики, поселившиеся на землях римлян, основали в том же районе ряд отдельных поселений, но гораздо более обширных, чем те, которых древние галлы могли достичь по прошествии многих веков благодаря своим союзам и договорам или в результате своих войн.

Семена великих монархий и корни обширного владычества были повсюду посеяны в колониях, разделявших Римскую империю. У нас нет точного отчета о численности тех, кто с кажущимся согласием продолжал в течение нескольких веков вторгаться в этот заманчивый приз и завладевать им. Там, где они ожидали сопротивления, они пытались собрать пропорциональные силы; а когда они предлагали поселиться, целые народы переселялись, чтобы разделить добычу. Рассеянные по обширной провинции, где они не могли чувствовать себя в безопасности, не поддерживая своего союза, они продолжали признавать вождя, под началом которого сражались; и, подобно армии, разделенной на отдельные участки, были готовы собраться, когда случай потребовал бы их совместных действий или советов.

Каждому отдельному отряду был назначен свой пост, а каждому подчиненному вождю - свое имущество, за счет которого он должен был обеспечивать пропитание себе и своим последователям. Модель правления была заимствована из модели военного подчинения, и феодал - это временное жалованье офицера, пропорциональное его званию. [Сноска: см. "Историю Шотландии" доктора Робертсона, Б. 1. — "Историю феодальных владений" Далримпла.] Существовал класс людей, обреченных на военную службу, другой - на труд и возделывание земель на благо своих хозяев. Офицер постепенно улучшал свой срок пребывания в должности, сначала заменив временное пособие пожизненным, а затем, при соблюдении определенных условий, - на пособие, включающее его наследников.

Звание дворян стало наследственным во всех кварталах и образовало могущественный и постоянный класс людей в каждом штате. Пока они держали народ в рабстве, они оспаривали притязания своего государя; при случае они отзывали своих слуг или поворачивали против него оружие. Они образовывали прочную и непреодолимую преграду против общего деспотизма в государстве; но они сами, с помощью своих воинственных слуг, были тиранами в каждом маленьком округе и препятствовали установлению порядка или какому-либо регулярному применению закона. Они воспользовались слабостью царствования или меньшинства, чтобы навязать свои посягательства суверену; или, сделав монархию выборной, они последовательными договорами и оговорками на каждых выборах ограничивали или подрывали монархическую власть. Прерогативы князя были в некоторых случаях, как, в частности, в Германской империи, сведены к простому титулу, а само национальное объединение сохранилось при соблюдении лишь нескольких незначительных формальностей.

Там, где борьба государя и его вассалов в рамках наследственных и обширных прерогатив, присоединенных к короне, имела иной исход, феодальные сеньоры постепенно лишались своей власти, знать низводилась до положения подданных и была вынуждена оказывать им почести и осуществлять свою юрисдикцию в зависимости от князя. Предполагалось, что он заинтересован в том, чтобы привести их в состояние равного подчинения с народом и

расширить свою собственную власть, спасая рабочих и зависимых от гнета их непосредственных начальников.

В этом проекте европейские принцы по-разному преуспевали. Защищая народ и тем самым поощряя занятия коммерцией и прибыльными видами искусства, они проложили путь к деспотизму в государстве; и с помощью той же политики, с помощью которой они освобождали подданных от многих притеснений, они увеличили власть короны.

Но там, где у народа по конституции был представитель в правительстве и глава, под руководством которого он мог пользоваться приобретенным богатством и ощущением своей личной значимости, эта политика обернулась против короны; она сформировала новую власть для ограничения прерогатив, установления правового правления и демонстрации нового в истории человечества зрелища; монархия смешалась с республикой, и обширная территория управлялась в течение ряда веков без применения военной силы.

Таковы были шаги, с помощью которых народы Европы пришли к своему нынешнему устройству: в некоторых случаях они пришли к обладанию законными конституциями; в других - к осуществлению смягченного деспотизма; или же они продолжают бороться с присущей им склонностью к этим различным крайностям.

Развитие империи в первые века существования Европы грозило быть быстрым и похоронить независимый дух наций в могиле, подобной той, которую османские завоеватели нашли для себя и для несчастной расы, которую они победили. Римляне медленно расширяли свою империю; они делали каждое новое приобретение в результате утомительной войны и были вынуждены основывать колонии и применять различные меры, чтобы закрепить каждое новое владение. Но феодальный вождь, воодушевленный с того момента, как он получил власть, желанием расширить свою территорию и расширить список своих вассалов, добился, просто даровав инвеституру, присоединения новых провинций и стал хозяином государств, прежде независимых, без внесения каких-либо существенных новшеств в форму их политики.

Отдельные княжества были, подобно частям двигателя, готовы к соединению и, подобно кованым материалам здания, готовы к возведению. Они были в результате своей борьбы легко собраны вместе или разорваны на части. Независимость слабых государств сохранялась только благодаря взаимной зависти сильных или общему вниманию всех к поддержанию баланса сил.

Удачная система политики, которой придерживались европейские государства при сохранении этого равновесия; степень умеренности, которая при регулировании их договоров стала привычной даже для победоносных и могущественных монархий, делает честь человечеству и может вселять надежды на длительное счастье, проистекающие из предубеждения, которое, возможно, никогда не было столь сильным ни в один предыдущий период или среди какого-либо числа наций, что первый народ-победитель погубит себя так же, как и своих соперников.

Возможно, именно в таких государствах, как в ткани большого размера, мы можем наиболее отчетливо различать несколько частей, из которых состоит политическое тело; и наблюдать совпадение или противоположность интересов, которые служат объединению или разъединению различных категорий людей и приводят их, поддерживая их многочисленные притязания, к установлению разнообразных политических форм. Однако самые маленькие республики состоят из частей, подобных этим, и из членов, движимых подобным духом. Они

представляют собой примеры правления, разнообразного случайными комбинациями сторон и различными преимуществами, с которыми эти стороны участвуют в конфликте.

В каждом обществе существует случайное подчинение, независимое от его официального учреждения и часто противоречащее его конституции. В то время как администрация и народ говорят на языке определенной формы и, по-видимому, не допускают притязаний на власть без законного выдвижения в одном случае или без преимущества наследственных почестей в другом, это случайное подчинение, возможно, возникающее в результате распределения собственности или из-за каких-либо других обстоятельств, дающих неравные степени влияния, придает государству его тон и закрепляет его характер.

Плебейское сословие в Риме, долгое время считавшееся низшим и исключавшееся из высших должностей магистратуры, обладало достаточной силой как совокупность, чтобы устранить это вызывающее зависть различие; но индивид, все еще действующий под впечатлением подчиненного ранга, при каждом соревновании отдавал свое избирательное право патрицию, защиту которого он испытывал и чей личный авторитет ощущал. Благодаря этому господство патрицианских семей было в течение определенного периода настолько регулярным, насколько это было возможно в соответствии с общепризнанными принципами аристократии; но поскольку высшие государственные должности постепенно разделялись плебеями, последствия прежних различий были предотвращены или ослаблены. Законы, которые были приняты для регулирования притязаний различных сословий, было легко обойти. Население стало фракцией, и их союз был самым надежным путем к господству. Клодий, якобы усыновленный в плебейской семье, получил право стать народным трибуном; а Цезарь, поддержав дело этой фракции, проложил себе путь к узурпации власти и тирании.

В таких мимолетных и преходящих сценах формы правления являются всего лишь способами протекания, в которых последовательные эпохи отличаются друг от друга. Фракция всегда готова воспользоваться любыми случайными преимуществами; и человечество, подвергаясь опасности со стороны какой-либо партии, редко находит лучшую защиту, чем у своего соперника. Катон объединился с Помпеем в оппозиции к Цезарю и ни от чего так не остерегался, как от такого примирения партий, которое фактически представляло собой объединение различных лидеров против свободы республики. Этот выдающийся человек выделялся в своем возрасте, как мужчина среди детей, и возвышался над своими противниками как справедливостью своего понимания и глубиной своей проницательности, так и мужественной стойкостью и бескорыстием, с которыми он стремился расстроить планы тщеславного и ребяческого честолюбия, приведшего к гибели человечество.

Хотя свободные формы правления редко или никогда не возникают из схемы какого-либо отдельного проектора, все же они часто сохраняются благодаря бдительности, активности и рвению отдельных людей. Счастливы те, кто понимает и выбирает этот объект заботы; и счастливо для человечества, когда он не выбран слишком поздно. Оно было приберегаемо для того, чтобы освещать жизнь Катона или Брута накануне роковых революций; тайно разжигать негодование Тразея и Гельвидия; и занимать размышления людей-спекулянтов во времена разложения. Но даже в таких поздних и безрезультатных примерах было приятно узнать и оценить объект, который так важен для человечества. Стремление к нему и любовь к нему, какими бы безуспешными они ни были, отбросили свой главный блеск на человеческую природу.

РАЗДЕЛ III.

О НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЪЕКТАХ В ЦЕЛОМ, А ТАКЖЕ ОБ УЧРЕЖДЕНИЯХ И НРАВАХ, СВЯЗАННЫХ С НИМИ.

Хотя способ подчинения является случайным, а формы правления возникают главным образом из-за способа, которым члены государства были первоначально классифицированы, и из-за множества обстоятельств, которые обеспечивают определенным слоям людей влияние в их стране, существуют определенные объекты, которые требуют внимания каждого правительства, которые руководят опасениями и рассуждениями человечества в каждом обществе и которые не только предоставляют работу государственным деятелям, но и в некоторой мере направляют сообщество к тем учреждениям, под властью которых магистрат осуществляет свою власть. Таковы национальная оборона, правосудие, сохранение и внутреннее процветание государства. Если пренебрегать этими объектами, мы должны понимать, что сама сцена, на которой партии борются за власть, привилегии или равенство, должна исчезнуть, а само общество больше не существовать.

Рассмотрение этих вопросов будет проводиться в каждом общественном собрании и приведет к тому, что в каждом политическом соревновании будут взывать к тому здравому смыслу и мнению человечества, которое, борясь с частными взглядами отдельных лиц и требованиями партий, может рассматриваться как великий законодатель наций.

Меры, необходимые для достижения большинства национальных целей, взаимосвязаны и должны осуществляться совместно; часто они являются одними и теми же. Сила, подготовленная для защиты от внешних врагов, может быть также использована для поддержания мира внутри страны: законы, принятые для обеспечения прав и свобод народа, могут служить стимулом для населения и торговли; и каждое сообщество, независимо от того, как спекулянты могут классифицировать или различать его цели, в каждом случае обязано принимать или сохранять ту форму, которая наилучшим образом подходит для сохранения его преимуществ или предотвращения его несчастий.

Однако нации, как и частные лица, имеют свои излюбленные цели и основные занятия, которые разнообразят их нравы, а также их учреждения. Они даже достигают одних и тех же целей разными средствами и, подобно людям, склотившим состояние разными профессиями, сохраняют привычки своего основного призвания в любых условиях, к которым они приходят. Продолжая свои завоевания, римляне разбогатели и, вероятно, на определенный период увеличили численность человечества, в то время как их склонность к войне, казалось, угрожала земле опустошением. Некоторые современные нации стремятся к господству и расширению, опираясь на принципы торговли; и хотя они намерены только накапливать богатства дома, они продолжают добиваться имперского господства за рубежом.

Характеры воинственных и коммерческих людей сочетаются по-разному: они формируются в разной степени под влиянием обстоятельств, которые более или менее часто приводят к войне и возбуждают желание завоеваний; обстоятельств, которые позволяют народу спокойно улучшать свои внутренние ресурсы или покупать плодами своего труда у иностранцев то, чего не позволяет их собственная почва и климат.

Члены каждого сообщества более или менее заняты государственными делами в той мере, в какой их конституция допускает их участие в управлении государством и привлекает их

внимание к объектам общественного характера. Люди развиваются или не развиваются в своих талантах в той мере, в какой эти таланты используются в практике искусств и в делах общества; их манеры улучшаются или развращаются в той мере, в какой их поощряют и направляют действовать в соответствии с максимами свободы и справедливости, или по мере того, как они деградируют до состояния подлости и рабства. Но какие бы преимущества ни были получены нациями или какого бы зла они ни избежали в любом из этих важных аспектов, обычно рассматриваются как простые случайные инциденты: они редко признаются среди целей политики или включаются в число государственных соображений.

Мы рискуем подвергнуться насмешкам, когда нам требуются политические учреждения просто для того, чтобы развивать таланты людей и вдохновлять чувства либеральных умов: мы должны предложить какой-нибудь мотив интереса или какие-нибудь надежды на внешнюю выгоду, чтобы стимулировать занятия или направлять действия обычных людей. Они были бы храбры, изобретательны и красноречивы только по необходимости или ради выгоды: они преувеличивают использование богатства, населения и других ресурсов войны; но часто забывают, что все это не имеет значения без направления способных способностей и без поддержки национальной энергии. Таким образом, мы можем ожидать, что среди государств будет наблюдаться склонность к определенной политике, обусловленная соображениями общественной безопасности; желанием обеспечить личную свободу или частную собственность; редко - соображениями моральных последствий или стремлением к реальному улучшению человечества.

РАЗДЕЛ IV.

НАСЕЛЕНИЯ И БОГАТСТВА.

Когда мы представляем себе, что, должно быть, чувствовали римляне, когда пришло известие о том, что цвет их города погиб при Каннах; когда мы думаем о том, что имел в виду оратор, когда сказал: "Молодость среди людей подобна весне среди времен года"; когда мы слышим о радости, с которой охотник и воин принят в Америке для поддержания чести семьи и нации, мы начинаем ощущать самые сильные мотивы для того, чтобы заботиться о росте и сохранении наших сограждан. Интерес, привязанность и политические взгляды в совокупности рекомендуют эту цель; и к ней относятся с полным пренебрежением только тиран, который упускает собственную выгоду, государственный деятель, который пренебрегает порученными ему заботами, или люди, которые стали коррумпированными и которые рассматривают своих собратьев-подданных как соперников в своих интересах и конкурентов в своих прибыльных занятиях.

Среди грубых обществ и среди небольших сообществ в целом, которые вовлечены в частую борьбу и трудности, сохранение и приумножение их членов является наиболее важной задачей. Американец оценивает свое поражение по количеству людей, которых он потерял, или он оценивает свою победу по количеству пленных, которых он взял в плен, а не по тому, что он остался хозяином поля боя или был изгнан с территории, на которой он столкнулся со своим врагом. Человек, с которым он может сотрудничать во всех своих занятиях, которого он может принять как друга; в ком он находит объект своей привязанности и помощь в своей борьбе, является для него самым ценным приобретением судьбы.

Даже там, где о дружбе отдельных людей не может быть и речи, общество, будучи занято формированием партии, которая может защитить себя или досадить своему врагу, не находит более важной цели, чем увеличение ее численности. Пленники, которые могут быть усыновлены, или дети любого пола, которые могут быть воспитаны для общества, соответственно, считаются самой богатой добычей врага. Практика римлян позволять побежденным пользоваться привилегиями своего города, изнасилование сабинянок и последующая коалиция с этим народом не были единичными примерами в истории человечества. Той же самой политики придерживались и она была естественной и очевидной везде, где сила государства заключалась в руках немногих и где люди ценились сами по себе, без учета сословия или состояния.

Следовательно, в грубые века, когда человечество существовало небольшими подразделениями, должно казаться, что если земля была малонаселена, этот недостаток не возникал из-за небрежности тех, кто должен был его устранить. Даже вероятно, что наиболее эффективным способом, который можно было бы предпринять для увеличения численности вида, было бы предотвращение объединения наций и принуждение человечества действовать такими малыми группами, которые сделали бы сохранение их численности главным объектом их заботы. Правда, одного этого было бы недостаточно; мы, вероятно, должны добавить поощрение воспитания семей, которым человечество пользуется при благоприятной политике, и средства к существованию, которыми оно обязано занятиям искусством.

Мать не желает увеличивать количество своих отпрысков и плохо обеспечена для их воспитания, при этом она сама вынуждена претерпевать большие трудности в поисках пищи. В Северной Америке, как нам говорят, она присоединяет к запасам холодного или умеренного темперамента воздержания, которым она подчиняется, исходя из соображений этой трудности. По ее мнению, это вопрос благоразумия и совести - довести одного ребенка до состояния, когда он будет питаться олениной и ходить пешком, прежде чем она рискнет взвалить на себя новую ношу, путешествуя по лесу.

В более теплых широтах, возможно, из-за иного темперамента, даруемого климатом, и большей легкости в добывании средств к существованию численность человечества увеличивается, в то время как самой целью пренебрегают; и общение полов, без какого-либо беспокойства о населении, делается предметом простого разврата. Нам говорят, что в некоторых местах это даже делается объектом варварской политики, направленной на то, чтобы победить или ограничить намерения природы. На острове Формоза мужчинам запрещено вступать в брак до сорока лет; а женщинам, если они беременеют до тридцати шести лет, делают аборт по распоряжению магистрата, который применяет насилие, ставящее под угрозу жизнь матери вместе с жизнью ребенка. [Примечание: Сборник голландских путешествий.]

В Китае разрешение, данное родителям убивать или разоблачать своих детей, вероятно, подразумевалось как облегчение от бремени многочисленного потомства. Но, несмотря на то, что мы слышим о практике, столь отвратительной человеческому сердцу, она, вероятно, не оказывает того воздействия на население, которому, по-видимому, угрожает; но, подобно многим другим институтам, оказывает влияние, обратное тому, которое, казалось, предвещало. Родители вступают в брак, используя это, по их мнению, средство облегчения, и дети спасены.

Какой бы важной ни была цель народонаселения для человечества, в истории гражданской политики будет трудно найти какие-либо мудрые или действенные учреждения, рассчитанные

исключительно на ее достижение. Практика грубых или слабых народов неадекватна или не может преодолеть препятствия, которые встречаются в их образе жизни. Рост промышленности, усилия людей усовершенствовать свои искусства, расширить свою торговлю, обезопасить свое имущество и утвердить свои права, действительно, являются наиболее действенными средствами увеличения численности населения; но они проистекают из другого побуждения; они проистекают из соображений заинтересованности и личной безопасности. Они предназначены для блага тех, кто существует, а не для увеличения их численности.

В то же время важно знать, что там, где народу везет с политическими установлениями и он преуспевает в промышленности, его население, вероятно, будет пропорционально расти. Большинство других устройств, придуманных для этой цели, служат только для того, чтобы обмануть ожидания человечества или ввести в заблуждение его внимание.

При создании колонии, в стремлении восполнить случайные потери, вызванные эпидемией или войной, непосредственные ухищрения государственных деятелей могут быть полезны; но если, рассуждая об увеличении численности человечества в целом, мы упускаем из виду их свободу и счастье, наша помощь населению становится слабой и неэффективной. Они лишь побуждают нас работать на поверхности или преследовать тень, в то время как мы пренебрегаем существенными заботами; и в состоянии разложения заставляют нас прибегать к паллиативам, в то время как корням зла позволено оставаться. Октавий возродил или ввел в действие законы, касающиеся народонаселения в Риме; но о нем и о многих монархах, оказавшихся в подобной ситуации, можно сказать, что они вводят яд, пока разрабатывают лекарство; и вызывают сырьость и паралич жизненных принципов, в то время как они пытаются путем наружного нанесения на кожу восстановить цветение разложившегося и болезненного тела.

Поистине счастье для человечества, что эта важная цель не всегда зависит от мудрости монархов или политики отдельных людей. Люди, стремящиеся к свободе, находят для себя условия, в которых они могут следовать природным склонностям с более заметным эффектом, чем все, что могли бы придумать государственные советы. Когда властители, или проекторы, являются предполагаемыми хозяевами в этом вопросе, лучшее, что они могут сделать, - это остерегаться задевать интересы, которые они не могут в значительной степени продвигать, и создавать бреши, которые они не могут исправить.

"Когда нации были разделены на небольшие территории и мелкие государства, где каждый человек имел свой дом и свое поле в полном распоряжении, а каждое графство имело свою столицу свободным и независимым; какое счастливое положение для человечества, - говорит м-р Хьюм, - какое благоприятное для промышленности и сельского хозяйства, для брака и народонаселения!" И все же здесь, вероятно, не было никаких планов государственного деятеля по вознаграждению женатых или наказанию одиноких; по приглашению иностранцев поселиться или по запрещению отъезда местных жителей. Каждый гражданин, находя свое владение безопасным и обеспечивающим своих наследников, не был обескуражен мрачными страхами угнетения или нужды; и там, где все другие функции природы были свободны, то, что обставляло детскую, не могло быть ограничено. Природа потребовала от сильных мира сего быть справедливыми; но в остальном она не доверила сохранение своих произведений их дальновидным планам. Какое топливо может подлить государственный деятель в костер молодости? Пусть он только не придушит его, и эффект будет обеспечен. Там, где мы одной

рукой угнетаем или унижаем человечество, напрасно, подобно Октавиусу, протягивать в другой приманку в виде брака или кнут бесплодия. Напрасно приглашать новых жителей из-за границы, в то время как те, которыми мы уже владеем, вынуждены сохранять свое владение в неуверенности и трепетать не только перед перспективой многочисленной семьи, но даже перед перспективой ненадежного существования для самих себя. Деспотичный правитель, сделавший это условием жизни своих подданных, обязан остатками своего народа могущественным инстинктам природы, а не каким-либо своим собственным замыслом.

Люди будут толпиться там, где сложится заманчивая ситуация, и через несколько поколений населят каждую страну в меру имеющихся у нее средств к существованию. Они будут даже увеличиваться при обстоятельствах, предвещающих упадок. Частые войны римлян и многих процветающих общин; даже эпидемия и рынок рабов находят свое применение, если, не разрушая источник, отток становится регулярным; и если производится оплодотворение потомства, не нарушая спокойствия семей, из которых оно происходит. Там, где человечеству обеспечено лучшее, государственный деятель, который, поощряя браки, соблазняя иностранцев или запирая туземцев дома, опасается, что он увеличил численность своего народа, часто подобен мухе из басни, которая восхищалась своим успехом во вращении колеса и движении кареты: он только сопровождал то, что уже было в движении; он греб веслом, чтобы ускорить течение водопада; и махал веером, чтобы ускорить ветер.

Проекты масштабного заселения и внезапного увеличения численности населения, какими бы успешными в конечном итоге они ни были, всегда дорого обходятся человечеству. Более ста тысяч крестьян, как нам говорят, ежегодно перегонялись, подобно огромному количеству скота, в Петербург при первых попытках пополнить это поселение, и ежегодно погибали из-за нехватки средств к существованию. [Сноска: Страхленберг.] Индеец пытается поселиться только по соседству с подорожником, [Примечание: Дампир.] и по мере того, как его семья увеличивается, он добавляет дерево к дорожке.

Если бы подорожника, какао или пальмы было достаточно для поддержания жизни обитателя, раса людей в более теплом климате могла бы стать такой же многочисленной, как деревья в лесу. Но во многих частях земли, в силу особенностей климата и почвы, спонтанных продуктов практически нет, средства к существованию являются плодами только труда и мастерства. Если народ, сохраняя свою бережливость, увеличивает свою промышленность и совершенствует свои искусства, то его численность должна пропорционально возрасти. Отсюда следует, что возделанные поля Европы более населены, чем дебри Америки или равнины Татарии.

Но даже рост численности человечества, сопровождающийся накоплением богатства, имеет свои пределы. *Необходимое для жизни* - понятие расплывчатое и относительное: одно дело по мнению дикаря, другое - по мнению образованного гражданина: оно относится к фантазии и жизненным привычкам. В то время как искусство совершенствуется, а богатство увеличивается; в то время как имущество отдельных людей или их перспективы наживы влияют на их мнение о том, что требуется для устройства семьи, они с готовностью берутся за ее заботы. Но когда владение, каким бы избыточным оно ни было, не соответствует стандарту, и состояние, считающееся достаточным для вступления в брак, достигается с трудом, численность населения сдерживается или начинает сокращаться. Гражданин, по его собственному мнению, возвращается к состоянию дикаря; его дети, думает он, должны погибнуть от нужды; и он покидает сцену, изобилующую изобилием, потому что у него нет состояния, которого требует

его предполагаемое положение или его желания. Никакое окончательное средство от этого зла не применяется простым накоплением богатства; ибо редкие и дорогие материалы, какими бы они ни были, продолжают оставаться востребованными; и если шелка и жемчуг станут обычным явлением, люди начнут жаждать каких-то новых украшений, которые могут приобрести только богатые. Если им потакать своему чувству юмора, их требования повторяются; ибо именно постоянное увеличение богатства, а не достижение какой-либо меры, дает свободу жаждущему воображению.

Люди испытывают искушение трудиться и заниматься прибыльными искусствами из корыстных побуждений. Обеспечив рабочему плоды его труда, дав ему перспективы независимости или свободы, общество нашло верного служителя в приобретении богатства и верного управляющего в накоплении того, что оно приобрело. Государственный деятель в этом, как и в случае с самим населением, может сделать немногим больше, чем избегать причинения вреда. Хорошо, если на заре коммерции он знает, как пресекать мошенничество, которому она подвержена. Коммерция, если ее продолжать, - это отрасль, в которой люди, ориентирующиеся на результаты собственного опыта, наименее склонны ошибаться.

Торговец в суровые времена был близорук, мошенник и корыстолюбив; но с развитием его искусства его взгляды расширяются, его принципы утверждаются: он становится пунктуальным, либеральным, добросовестным и предприимчивым; и в период всеобщей коррупции он единоболадает всеми добродетелями, кроме силы защищать свои приобретения. Он нуждается не в помощи государства, а в его защите; и часто сам по себе является его самым умным и респектабельным членом. Как нам сообщили, даже в Китае, где воровство, мошенничество и коррупция являются господствующей практикой среди всех других слоев населения, крупный торговец готов жертвовать и добиваться доверия: в то время как его соотечественники действуют в соответствии с планами и ограничениями полиции, ориентированной на мошенников, он действует исходя из соображений торговли и принципов человечества.

Если численность населения связана с национальным богатством, свобода и личная безопасность являются великим фундаментом того и другого; и если этот фундамент заложен в государстве, природа обеспечила рост и трудолюбие его членов; один - желаниями, наиболее пылкими в человеческой природе, другой - соображениями, наиболее единообразными и постоянными из всех, которыми обладает разум. Следовательно, главная цель политики в отношении того и другого состоит в том, чтобы обеспечить семье средства к существованию и расселению; защитить трудолюбивых в их занятиях; согласовать ограничения полиции и общественные симпатии человечества с их отдельными и заинтересованными занятиями.

В вопросах конкретной профессии, отрасли промышленности и торговли опытный практик является мастером, а каждый здравомыслящий человек - новичком. Цель коммерции - сделать человека богатым; чем больше он выигрывает для себя, тем больше приумножает богатство своей страны. Если требуется защита, она должна быть предоставлена; если совершаются преступления и мошенничество, они должны быть пресечены; и правительство не может больше ни на что претендовать. Когда утонченный политик протягивает активную руку помощи, он только множит помехи и поводы для жалоб; когда торговец забывает о своих собственных интересах, чтобы строить планы для своей страны, период мечтаний и химер близок, и прочная основа торговли исчезает. Ему могли бы сказать, что пока он преследует свою выгоду и не дает повода для жалоб, интересы торговли в безопасности.

Генеральная полиция Франции, исходя из предположения, что вывоз хлеба должен истощить страну, где он произрастает, до недавнего времени наложила на эту отрасль торговли строгий запрет. Английский землевладелец и фермер имели достаточный кредит, чтобы получать надбавку за вывоз, благоприятствовавшую продаже их товаров; и это событие показало, что частный интерес является лучшим покровителем торговли и изобилия, чем утонченность государства. Одна нация разрабатывает изысканный план поселения на континенте Северная Америка и мало доверяет поведению торговцев и близоруких людей; другая предоставляет людям самим находить свое положение в государстве свободы и думать самостоятельно. Активная промышленность и ограниченные взгляды одного из них привели к процветанию поселения; великие проекты другого все еще находились в стадии замысла.

Но я охотно оставляю тему, в которой я мало разбираюсь, и еще меньше занимаюсь объектом, ради которого пишу. Рассуждения о торговле и богатстве были представлены самыми способными авторами; и публика, вероятно, скоро будет снабжена теорией национальной экономики, равной тому, что когда-либо появлялось по любому предмету науки. [Примечание: мистер Смит, автор Теории моральных чувств] Но с той точки зрения, которую я придерживаюсь в отношении человеческих дел, ничто не кажется более важным, чем общее предостережение, которое авторы, на которых я ссылаюсь, так хорошо понимают, не рассматривать эти статьи как сумму национального счастья или главную цель любого государства. В науке мы рассматриваем наши объекты порознь; на практике было бы ошибкой не видеть их все сразу.

Одна нация в поисках золота и драгоценных металлов пренебрегает внутренними источниками богатства и становится зависимой от своих соседей в вопросах жизнеобеспечения; другая настолько увлечена улучшением своих внутренних ресурсов и расширением своей торговли, что становится зависимой от иностранцев в защите того, что они приобретают. Даже в разговоре бывает больно обнаружить, что интересы торговцев задают тон нашим рассуждениям, и обнаружить, что тема, постоянно предлагаемая как великое дело национальных советов, к которому редко, пристойно, применяется какое-либо вмешательство правительства или вообще никогда не выходит за рамки предоставляемой им защиты.

Мы жалуемся на недостаток общественного духа; но каковы бы ни были последствия этой ошибки на практике, в спекуляции это не наша вина: мы постоянно рассуждаем за общественность; но отсутствие национальных взглядов часто было лучше, чем обладание теми, которые мы выражаем: мы хотели бы, чтобы нации, подобно компании торговцев, не думали ни о чем, кроме монополий и прибыли от торговли, и, подобно им, также доверяли свою защиту силе, которой они сами по себе не обладают.

Поскольку люди, как и другие животные, содержатся в большом количестве, где накапливаются предметы первой необходимости и увеличиваются запасы богатства, мы перестаем заботиться о счастье, моральном и политическом облике народа; и, беспокоясь о стаде, которое мы хотели бы размножить, не распространяем свои взгляды дальше стойла и пастбища. Мы забываем, что немногие часто становились добычей многих; что для бедных нет ничего более заманчивого, чем сундуки богатых; и что, когда придет время платить цену за свободу, тяжелый меч победителя может лечь на противоположную чашу весов.

Каким бы ни было фактическое поведение наций в этом вопросе, несомненно, что многие из наших аргументов приведут нас, ради богатства и населения, к ситуации, когда человечество, подверженное коррупции, не в состоянии защитить свое имущество; и где оно, в конце концов,

подвергнется угнетению и разорению. Мы обрезаем корни, в то время как хотели бы удлинить ветви и сделать листву гуще.

Возможно, из-за мнения, что добродетели людей надежны, некоторые, обращая свое внимание на общественные дела, не думают ни о чем, кроме численности и богатства народа; из-за страха перед коррупцией другие не думают ни о чем, кроме как о том, как сохранить национальные добродетели. Человеческое общество имеет большие обязательства перед обоими. Они противостоят друг другу только по ошибке; и даже когда они объединены, у них недостаточно сил, чтобы сразиться с жалкой партией, которая во всем руководствуется личными интересами и заботится не о сохранности или приумножении каких-либо запасов, а о своих собственных.

РАЗДЕЛ V.

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЕ И ЗАВОЕВАНИЯХ.

Невозможно установить, насколько политика того или иного государства связана с войной или национальной безопасностью. "Наш законодатель, - говорит критянин у Платона, - думал, что народы по природе своей находятся во враждебном состоянии: он принял соответствующие меры; и, заметив, что все имущество побежденных принадлежит победителю, он счел смешным предлагать какую-либо выгоду своей стране, прежде чем он не предусмотрел, что она не будет завоевана".

Крит, который, как предполагается, был образцом военной политики, обычно считается оригиналом, с которого были скопированы знаменитые законы Ликурга. Человечество, по-видимому, в каждом случае должно иметь какую-то осязаемую цель, чтобы направлять свои действия, и должно иметь представление о какой-то внешней полезности, даже при выборе своих добродетелей. Дисциплина в Спарте была военной; и осознание ее полезности на поле боя в большей степени, чем сила неписаных и традиционных законов или предполагаемая приверженность общественной вере, завоеванная законодателем, возможно, побудили этот народ упорствовать в соблюдении многих правил, которые другим народам не кажутся необходимыми, за исключением присутствия врага.

Каждое учреждение этого необычного народа давало урок послушания, силы духа и рвения на благо общества; но примечательно, что они предпочли одними своими добродетелями приобрести то, что другие народы охотно покупают за свои сокровища; и хорошо известно, что в ходе своей истории они стали рассматривать свою дисциплину исключительно из-за ее моральных последствий. Они познали счастье ума, отважного, бескорыстного и преданного своим лучшим чувствам; и они учились сохранять в себе этот характер, отказываясь от интересов честолюбия и надежд на военную славу, даже принося в жертву численность своего народа.

Именно судьба спартанцев, бежавших с поля боя, а не тех, кто погиб вместе с Клеомбротом при Левктрах, наполнила дома Лакедемона скорбью и серьезными размышлениями: [Примечание: Ксенофонт.] именно страх разращения своих граждан за границей из-за общения с раболепствующими и корыстолюбивыми людьми заставил их покинуть пост лидеров в персидской войне и покинуть Афины на пятьдесят лет, чтобы преследовать непревзойденную карьеру честолюбия и наживы, благодаря которой она приобрела такую власть и богатство. [Сноска: Фукидид, книга I.]

Мы имели случай заметить, что в каждом грубом государстве великим делом является война; и что в варварские времена человечество, как правило, разделенное на небольшие партии, было вовлечено в почти непрерывные военные действия. Это обстоятельство дает военачальнику постоянное влияние в его стране и склоняет каждый народ в воинственные эпохи к монархическому правлению.

Поведение армии менее всего поддается разделению по предметам: и мы можем быть справедливо удивлены, обнаружив, что римляне, после многих веков военного опыта и после того, как недавно испытали оружие Ганнибала во многих столкновениях, поставили двух вождей во главе одной армии и предоставили им самим улаживать свои претензии, принимая командование, каждый на день по очереди. Те же самые люди, однако, в других случаях считали целесообразным приостановить осуществление каждой подчиненной им магистратуры и во время большой тревоги доверить всю государственную власть в руки одного человека.

Республики, как правило, считали необходимым при ведении войны оказывать большое доверие исполнительной ветви своего правительства. Когда консул в Риме объявлял о наборе рекрутов и приводил к военной присяге, он становился с этого момента хозяином государственной казны и жизней тех, кто находился под его командованием. [Сноска: Полибий.] Топор и розги больше не были простым знаком магистратуры или пустым зрелищем в руках ликтора; по приказу отца они были обагрены кровью его собственных детей и без права обжалования обрушивались на мятежников и непокорных любого сословия.

В каждом свободном государстве существует постоянная необходимость отличать принципы военного положения от принципов гражданского; и тот, кто не научился безоговорочно повиноваться там, где государство предоставило ему военного лидера, и отказываться от своей личной свободы на поле боя с тем же великодушием, с которым он поддерживает ее в политических дискуссиях своей страны, еще не усвоил самый важный урок гражданского общества и достоин занимать место только в грубом или вкоррумпированном государстве, где соединяются принципы мятежа и раболепия, тот, кто или другой часто используется не в том месте.

Из соображений того, что необходимо на войне, нации, склонные к народному или аристократическому правлению, прибегали к установлениям, граничащим с монархией. Даже там, где высшим государственным постом в обычные времена управляло множество лиц, вся власть, принадлежащая ему, в особых случаях передавалась одному; и при больших тревогах, когда политическая ткань была поколеблена или находилась под угрозой, монархическая власть использовалась, как подпорка, для защиты государства от ярости бури. Так иногда назначались диктаторы в Риме и штатгальтеры в Соединенных провинциях; и, таким образом, при смешанном правлении королевская prerogative иногда расширяется за счет временного приостановления действия законов [Примечание: В Британии за счет приостановления действия *Хабеас Корпус*.] и барьеры свободы, по-видимому, устраняются, чтобы передать диктаторскую власть в руки короля.

Следовательно, если бы у человечества не было иных взглядов, кроме войны, вполне вероятно, что оно продолжало бы предпочитать монархическое правление любому другому; или, по крайней мере, что каждая нация, чтобы обеспечить тайные и объединенные советы, наделила бы исполнительную власть неограниченными полномочиями. Но, к счастью для гражданского общества, у людей есть цели иного рода, и опыт научил, что, хотя командование армиями

требует абсолютного и безраздельного командования, все же национальные силы лучше всего формируются там, где количество людей приучено к равенству и где самый ничтожный гражданин может при случае считать, что ему суждено командовать так же, как и повиноваться. Именно здесь диктатор находит дух и силу, готовые поддержать его советы; именно здесь также формируется сам диктатор и на выбор общественности предлагается множество лидеров; именно здесь процветание государства не зависит от отдельных людей и что мудрость, которая никогда не умирает, при постоянной и регулярной системе военных действий может, даже при величайших несчастьях, продлить национальную борьбу. Благодаря этому преимуществу римляне, видя, что ряд выдающихся вождей сменяют друг друга, всегда были почти одинаково готовы сражаться со своими врагами в Азии или Африке; в то время как удача этих врагов, напротив, зависела от случайного появления отдельных людей, таких как Митридат или Ганнибал.

Нам говорят, что у солдата есть свое понятие чести и образ мыслей, которые он носит вместе со своим мечом. Этот вопрос чести в свободных и неиспорченных государствах является общественным рвением; и война для них - это действие страстей, а не простое следование призыванию. Его положительные и отрицательные последствия ощущаются в самых крайних проявлениях: друга заставляют испытывать самые теплые доказательства привязанности, врага - самые суровые последствия враждебности. По этой системе знаменитые народы древности вели войну, обладая высочайшими достижениями цивилизованности и высочайшей степенью утонченности.

В маленьких и грубых обществах индивид оказывается атакованным в каждой национальной войне; и никто не может предложить переложить свою защиту на другого. "Король Испании - великий принц", - сказал американский вождь губернатору Ямайки, который готовил отряд войск для участия в предприятии против испанцев. "Вы предполагаете начать войну со столь великим королем с такими малыми силами?" Когда ему сказали, что к войскам, которые он видел, должны были присоединиться войска из Европы, и что губернатор тогда больше не сможет командовать: "Кто же они тогда, - спросил американец, - которые образуют эту толпу зрителей? Разве они не твой народ? И почему вы все не отправляетесь на такую великую войну?" Ему ответили, что зрителями были купцы и другие жители, не принимавшие участия в богослужении: "Были бы они по-прежнему купцами, - продолжал этот государственный деятель, - если бы король Испании напал на вас здесь? Со своей стороны, я не думаю, что торговцам следует разрешать жить в какой-либо стране: когда я отправляюсь на войну, я не оставляю дома никого, кроме женщин". Должно показаться, что этот простой воин рассматривал торговцев как своего рода нейтральных лиц, которые не принимали участия в распрях своей страны; и что он не знал, в какой степени война сама по себе может стать предметом торговли; какие могучие армии могут быть приведены в движение из-за прилавка; как часто человеческую кровь без какой-либо национальной вражды покупают и продают за переводные векселя; и как часто принцев, дворян и государственных деятелей во многих утонченных нациях можно, по его мнению, считать торговцами.

По мере развития искусств и политики члены каждого государства делятся на классы; и в начале этого распределения нет различия более серьезного, чем различие между воином и мирным жителем; больше не требуется ставить людей в положение господина и раба. Даже когда суровость установившегося рабства ослабевает, как это произошло в современной Европе, вследствие предоставления механику и рабочему защиты и собственности, это

различие по-прежнему служит для отделения благородных от низших слоев населения и указывает на тот класс людей, которым суждено царствовать и властвовать в своей стране.

Человечество никогда не могло с уверенностью предвидеть, что в погоне за совершенством они изменят этот порядок; или даже что они передадут правительство и военную силу наций в другие руки. Но столь же ли непредвиденно, что прежний порядок может снова установиться? И что гражданин тихого океана, каким бы выдающимся ни было положение в обществе, должен однажды поклониться человеку, которому он доверил свой меч? Если такие революции действительно последуют, возродит ли этот новый магистр в своем собственном ордене дух благородства и свободы? Обновит ли он характеры воина и государственного деятеля? Восстановит ли он в своей стране гражданские и военные добродетели? Я боюсь отвечать. Монтескье отмечает, что правительство Рима даже при императорах стало в руках войск выборным и республиканским; но о Фабиях или Брути перестали слышать после того, как преторианские отряды стали республикой.

Мы перечислили некоторые категории, по которым может быть классифицирован народ, выходящий из состояния варварства. Таковы дворянство, народ, приверженцы князя; и даже священство не было забыто; когда мы приходим к временам очищения, армия должна быть присоединена к списку. Поскольку отделы гражданского управления и военного ведомства разделены, а первенство отдано государственному деятелю, честолюбивые люди, естественно, передадут военную службу тем, кто довольствуется подчиненным положением. Те, кто имеет наибольшую долю в разделе состояния и наибольший интерес в защите своей страны, сложив меч, должны заплатить за то, что они перестали выполнять; и армии не только вдали от дома, но и в самом сердце своей страны существуют на жалованье. Дисциплина изобретена для того, чтобы приучить солдата выполнять по привычке и из страха наказания те опасные обязанности, которые больше не внушают любовь общества или национальный дух.

Когда мы рассматриваем брешь, которую такое учреждение вносит в систему национальных добродетелей, неприятно наблюдать, что большинство наций, сделавших карьеру в гражданских искусствах, в той или иной степени приняли эту меру. Не только государства, которым приходится вести войны или защищать ненадежные владения на расстоянии; не только монархи, ревниво относящиеся к своей власти или спешащие воспользоваться преимуществом дисциплины, склонны нанимать иностранные войска или содержать постоянные армии; но даже республики, у которых мало прежних поводов и нет ни одного из мотивов, преобладающих в монархии, как было обнаружено, идут по тому же пути. Если военные мероприятия занимают столь значительное место во внутренней политике государств, то фактические последствия войны не менее важны в истории человечества. Слава и добыча были самыми ранними предметами ссор: уступка превосходства или выкуп были платой за мир. Любовь к безопасности и стремление к господству в равной степени побуждают человечество желать приумножения силы. Независимо от того, являются ли они победителями или побежденными, они стремятся к коалиции; и могущественные нации, рассматривающие провинцию или крепость, приобретенную на их границе, как нечто приобретенное, постоянно стремятся расширить свои границы.

Принципы завоевания не всегда следует отличать от принципов самообороны. Если соседнее государство опасно, если оно часто причиняет беспокойство, то из соображений безопасности, равно как и из соображений завоевания, оно должно быть ослаблено или разоружено; если,

будучи однажды побежденным, оно склонно возобновить борьбу, с этого момента им следует управлять по форме. Рим никогда не признавал никаких других принципов завоевания; и он повсюду посылал свои дерзкие армии под благовидным предлогом обеспечить себе и своим союзникам прочный мир, нарушать который он один был бы вправе.

Равноправие тех союзов, которые греческие государства заключали друг против друга, поддерживало на некоторое время их независимость и обособленность; и это время было блестящим и счастливым периодом их истории. Это было продлено скорее благодаря бдительности и поведению, которые они применяли по отдельности, чем умеренности их советов или каким-либо особенностям внутренней политики, которые остановили их прогресс. Победители иногда довольствовались тем, что просто меняли формы правления покоренных ими государств на подобие своих собственных. Трудно определить, каким мог бы быть следующий шаг в процессе наложения санкций. Но если мы примем во внимание, что одна сторона боролась за введение дани, а другая - за превосходство в войне, то не может быть сомнения в том, что афиняне из национального честолюбия и жажды богатства; и спартанцы, хотя первоначально они намеревались только защищать себя и своих союзников, в конце концов, оба одинаково желали стать хозяевами Греции; и готовили друг для друга дома то ярмо, которое оба, вместе со своими союзниками, были вынуждены принять из-за границы.

В завоеваниях Филиппа стремление к самосохранению и безопасности, казалось, сочеталось с честолюбием, естественным для принцев. Он последовательно обращал свое оружие к тем местам, где он оказался ранен, откуда его встревожили или спровоцировали; и когда он покорил греков, он предложил повести их против их древнего врага Персии. В этом он заложил план, который был приведен в исполнение его сыном.

Римляне, ставшие хозяевами Италии и завоевателями Карфагена, были встревожены на стороне Македонии и вынуждены были пересечь новое море в поисках нового поля, на котором можно было бы применить свою военную силу. Ведя свои войны с самых ранних до самых поздних дат своей истории, не намереваясь самого завоевания, которое они совершили, возможно, не предвидя, какую выгоду они получают от подчинения отдаленных провинций или каким образом они будут управлять своими новыми приобретениями, они все же продолжали захватывать то, что последовательно оказывалось в пределах их досягаемости; и, побуждаемые политикой, которая вовлекала их в бесконечные войны, которые вели к постоянным победам и присоединению территорий, они расширили границы государства, которое всего несколько столетий назад ограничивалось окраинами деревни, до Евфрат, Дунай, Везер, Форт и Океан.

Напрасно утверждать, что гений какой-либо нации враждебен завоеваниям. Его реальные интересы действительно чаще всего таковы; но каждое государство, готовое защищать себя и одерживать победы, также подвержено риску поддаться искушению победить.

В Европе, где повсюду сформированы наемные и дисциплинированные армии, готовые пройти по земле, где, подобно наводнению, сдерживаемому тонкими берегами, они сдерживаются только политическими формами или временным балансом сил; если шлюзы прорвутся, каких наводнений мы не можем ожидать? Женоподобные королевства и империи раскинулись от Корейского моря до Атлантического океана. Каждое государство в результате поражения его войск может быть превращено в провинцию; каждая армия, которой противостоят на поле боя сегодня, может быть нанята завтра; и каждая одержанная победа может привести к присоединению новой военной силы к победителю.

Римляне, обладавшие более низким искусством сообщения по морю и суше, сохранили свое господство в значительной части Европы, Азии и Африки над свирепыми и непокорными народами: чего не могут сделать флоты и армии Европы, имеющие доступ посредством торговли ко всем частям света, и легкость их передвижения, если восторжествует тот пагубный принцип, что величие нации должно оцениваться по размерам ее территории; или что интерес какого-либо конкретного народа состоит в том, чтобы обратить своих соседей в рабство?

РАЗДЕЛ VI

О ГРАЖДАНСКИХ СВОБОДАХ

Если бы война, будь то с целью грабежа или обороны, была главной целью наций, каждое племя с самого начала своего существования стремилось бы к состоянию татарской орды; и при всех своих успехах стремилось бы к величию татарской империи. Военный лидер заменил бы гражданского судью; и подготовка к бегству со всем своим имуществом или к преследованию всеми своими силами составила бы в каждом обществе сумму их общественных мероприятий.

Тот, кто первым на берегах Вольги или Джениски научил скифа садиться на лошадь, передвигать свой дом на колесах, одинаково изводить врага атаками и бегством, на полной скорости обращаться с копьем и луком, а когда его сбивают с ног, пускать стрелы по ветру навстречу преследователю; тот, кто научил своих соотечественников использовать одно и то же животное для любых целей на молочной ферме, в развалинах и на поле битвы; тот будет почитаться основателем своего народа; или, подобно Церере, тот, кто научил своих соотечественников использовать одно и то же животное для любых целей на молочной ферме, в развалинах и на поле битвы. а Вакх у греков был бы удостоен почестей бога в награду за свои полезные изобретения. Среди таких институтов имена и подвиги Геракла и Ясона могли быть переданы потомству; но имена Ликурга или Солона, героев политического общества, не могли снискать никакой репутации, ни сказочной, ни реальной, в летописях славы.

Каждое племя воинственных варваров может питать между собой сильнейшие чувства привязанности и чести, в то время как для остального человечества они являются бандитами и разбойниками. [Примечание: "История арабов" Д'Арвье.] Они могут быть безразличны к интересам и превосходить опасность; но наше чувство человечности, наше уважение к правам наций, наше восхищение гражданской мудростью и справедливостью, даже сама наша изнеженность заставляют нас спрезрением или с ужасом отворачиваться от сцены, в которой так мало наших хороших качеств и которая так часто служит порицанием нашей слабости.

Именно в ведении дел гражданского общества человечество находит применение своим лучшим талантам, а также объект своей наилучшей привязанности. Именно приобщаясь к преимуществам гражданского общества, военное искусство доводится до совершенства; лучше всего понимаются ресурсы армий и сложные пружины, которые необходимо затронуть в их поведении. Самые прославленные воины были также гражданами: в отличие от римлянина или грека, вождь Фракии, Германии или Галлии был новичком. Уроженец Пеллы научился принципам своего искусства у Эпаминонда и Пелопида.

Если нации, как было отмечено в предыдущем разделе, должны скорректировать свою политику в связи с перспективой войны из-за рубежа, они в равной степени обязаны позаботиться о достижении мира внутри страны. Но нет мира в отсутствие справедливости. Он может существовать благодаря разделением, спорам и противоположным мнениям, но не при

совершении несправедливых действий. Наносящий ущерб и пострадавшие находятся, как подразумевается в самом значении этих терминов, в состоянии враждебности.

Там, где люди наслаждаются миром, они обязаны этим либо своему взаимному уважению и привязанности, либо ограничениям закона. Это самые счастливые государства, которые обеспечивают мир своим членам первым из этих способов; но достаточно редко удается обеспечить его даже вторым. Первое удерживало бы от поводов к войне и соперничеству; второе регулировало притязания людей с помощью оговорок и международных договоров. Спарта учила своих граждан не считаться с интересами: другие свободные нации защищают интересы своих членов и рассматривают это как основную часть своих прав.

Закон - это международный договор, с которым согласились члены одного сообщества и в соответствии с которым магистрат и подданный продолжают пользоваться своими правами и поддерживать мир в обществе. Желание наживы является основным мотивом для нанесения ущерба: следовательно, закон в основном относится к собственности. В нем были бы установлены различные методы, с помощью которых собственность может быть приобретена, например, по давности, путем передачи и наследования; и в нем содержатся необходимые положения для обеспечения безопасности владения собственностью.

Помимо жадности, есть и другие мотивы, по которым люди несправедливы; такие как гордыня, злоба, зависть и месть. Закон уничтожил бы сами принципы или, по крайней мере, предотвратил бы их последствия.

По каким бы мотивам ни совершались правонарушения, пострадавший может страдать по разным причинам. Он может пострадать в отношении своего имущества, своей личности или свободы своего поведения. Природа сделала его хозяином любого действия, которое не причиняет вреда другим. Законы его конкретного общества, возможно, дают ему право на определенное положение и наделяют определенной долей участия в управлении своей страной. Следовательно, травма, которая в этом отношении подвергает его каким-либо несправедливым ограничениям, может быть названа нарушением его политических прав.

Там, где предполагается, что гражданин имеет права собственности и положения и защищен при их осуществлении, говорят, что он свободен; и сами ограничения, с помощью которых он удерживается от совершения преступлений, являются частью его свободы. Ни один человек не свободен там, где ему позволяют безнаказанно творить зло. Даже деспотичный принц на своем троне не является исключением из этого общего правила. Он сам становится рабом в тот момент, когда делает вид, что любое ссужение должно решаться силой. Пренебрежение, которое он проявляет к правам своего народа, отражается и на нем самом; и в условиях общей неопределенности всех условий нет более ненадежного положения, чем его собственное.

Различные особенности, на которые ссылаются люди, говоря о свободе, будь то безопасность личности и имущества, достоинство ранга или участие в политической жизни, а также различные методы, с помощью которых обеспечиваются их права, приводят их к различному толкованию самого термина; и каждая свободная нация склонна полагать, что свободу можно обрести только среди них самих; они измеряют ее своими особыми привычками и системой манер.

Некоторые, посчитав, что неравномерное распределение богатства является поводом для недовольства, потребовали нового раздела собственности как основы общественной

справедливости. Эта схема подходит для демократического правления, и только в таком случае она была допущена с какой-либо степенью эффективности.

Новые поселения, подобные поселению народа Израиля, и особые учреждения, подобные Спарте и Криту, предоставили примеры его реального исполнения; но в большинстве других государств даже демократический дух не мог достичь ничего большего, чем продолжать борьбу за аграрные законы; обеспечивать, при случае, списание долгов; и держать людей в уме, несмотря на все различия в судьбе, что у них все еще есть притязания на равенство.

Гражданин в Риме, в Афинах и во многих республиках боролся за себя и свой порядок. Аграрный закон волновал и обсуждался веками: он служил пробуждению разума; он питал дух равенства и предоставлял поле для приложения его силы; но никогда не был закреплен ни одним из его других, более формальных последствий.

Многие учреждения, служащие защите слабых от угнетения, способствуют, обеспечивая владение собственностью, ее неравному разделу и усиливая влияние тех, от кого можно опасаться злоупотреблений властью. Эти злоупотребления очень рано ощутились как в Афинах, так и в Риме. [Примечание: Плутарх в "Жизни Солона". Ливий.]

Было предложено предотвратить чрезмерное накопление богатства в определенных руках, ограничив увеличение частного состояния, запретив наследование и отказав в праве первородства при наследовании наследников. Было предложено предотвратить разорение поместий средней руки и ограничить использование, а следовательно, и стремление знатных людей, законами о роскоши. Эти различные методы более или менее согласуются с интересами торговли и могут быть в разной степени приняты народами, национальной целью которых является богатство; и они оказывают определенное воздействие, внушая умеренность или чувство равенства, а также подавляя страсти, которые побуждают человечество к взаимным обидам.

По-видимому, особым образом целью законов о роскоши и равном разделе богатства является предотвращение удовлетворения тщеславия, сдерживание демонстрации превосходства и, таким образом, ослабление стремления к богатству и сохранение в сердце гражданина той умеренности и справедливости, которые должны регулировать его поведение.

Эта цель никогда не достигается в совершенстве ни в одном государстве, где допускается неравный раздел собственности и где фортуне позволено даровать отличия и звания. Действительно, трудно любыми методами заткнуть этот источник коррупции. Из всех народов, история которых достоверно известна, сам замысел и способ его исполнения, по-видимому, были поняты только в Спарте.

Там собственность действительно признавалась законом; но вследствие определенных правил и практик, наиболее эффективных, по-видимому, из всех, которые человечество до сих пор знало. Нравы, господствовавшие среди простых народов до установления собственности, в какой-то мере сохранились; [Сноска: см. Часть II. Раздел 2.] страсть к богатству на протяжении многих веков подавлялась; и гражданина заставляли считать себя собственностью своей страны, а не владельцем частного поместья.

Считалось позорным покупать или продавать имущество гражданина. В каждой семье заботу о ее имуществе поручали рабам, а свободные люди были чужды прибыльных ремесел;

правосудие основывалось на презрении к обычному соблазнению преступлениями; и меры по защите гражданских свобод, применяемые государством, были теми установками, которые должны были преобладать в сердцах ее членов.

Человек был освобожден от всех забот, которые могли возникнуть из-за его состояния; он получил образование и всю жизнь служил обществу; его кормили в обычном месте, где он не мог отличиться ничем, кроме своих талантов и добродетелей; его дети были подопечными и учениками государства; он сам считался родителем и наставником молодежи своей страны, а не озабоченным отцом отдельного семейства.

Нам говорят, что этот народ уделял некоторое внимание украшению своей личности и был известен издавна по красному или пурпурному цвету, который они носили; но не мог сделать свой экипаж, свои здания или свою мебель предметом фантазии или того, что мы называем вкусом. Плотник и домостроитель были ограничены в использовании топора и пилы: их мастерство, должно быть, было простым и, вероятно, в отношении своей формы оставалось неизменным на протяжении веков. Изобретательность художника была направлена на то, чтобы культивировать свою собственную природу, а не на то, чтобы украшать жилища своих сограждан.

По этому плану у них были сенаторы, магистраты, командующие армиями и государственные министры, но не было людей состоятельных. Подобно героям Гомера, они распределяли почести по размеру чаши и блюда. Гражданин, который в своем политическом качестве был арбитром Греции, считал для себя честью получить за ужином двойную порцию незамысловатых угощений. Он был деятельным, проникательным, храбрым, бескорыстным и щедрым; но его поместье, его стол и мебель могли, по нашему мнению, омрачить блеск всех его добродетелей. Соседние народы, однако, обращались за военачальниками в этот питомник государственных деятелей и воинов, как мы обращаемся за мастерами любого искусства к странам, в которых они преуспели; за поварами - во Францию, а за музыкантами - в Италию.

В конце концов, мы, возможно, недостаточно осведомлены о природе спартанских законов и институтов, чтобы понять, каким образом достигались все цели этого уникального государства; но восхищение, которое уделялось его народу, и постоянные ссылки современных историков на их общепризнанное превосходство не позволят нам подвергать сомнению факты. "Когда я заметил, - говорит Ксенофонт, - что эта нация, хотя и не самая густонаселенная, была самым могущественным государством Греции, я был охвачен удивлением и искренним желанием узнать, с помощью каких искусств она достигла своего превосходства; но когда я познакомился с ее учреждениями, мое удивление прекратилось. Как один человек превосходит другого и как тот, кто прилагает усилия к развитию своего ума, должен превзойти человека, который пренебрегает им; так и спартанцы должны превзойти любую нацию, будучи единственным государством, в котором добродетель изучается как объект управления".

Вопросы собственности, рассматриваемые с целью обеспечения существования или даже наслаждения, мало влияют на развращение человечества или пробуждение духа соперничества и ревности; но рассматриваемые с точки зрения отличия и чести, когда богатство составляет ранг, они возбуждают самые неистовые страсти и поглощают все чувства человеческой души: они примиряют скупость и низость с честолубием и тщеславием и ведут людей через занятия низменными и корыстолюбивыми искусствами к обладанию предполагаемым возвышением и достоинством.

Напротив, там, где этот источник коррупции эффективно пресечен, гражданин исполнитель, а магистрат честен; любая форма правления может управляться мудро; места доверия, вероятно, будут хорошо обеспечены; и по какому бы правилу ни были предоставлены должности и власть, вполне вероятно, что все способности и сила, имеющиеся в государстве, будут использованы на службе: ибо, исходя из этого предположения, опыт и способности являются единственными ориентирами и единственными правами на общественное доверие; и если граждане разделены на отдельные классы, они становятся взаимной проверкой из-за разницы в возрасте. своим мнением, а не противодействием их заинтересованным замыслам.

Мы можем легко объяснить порицания, высказанные правительству Спарты теми, кто рассматривал его лишь со стороны его форм. Оно было рассчитано не на то, чтобы предотвращать совершение преступлений, уравнивая друг с другом эгоистичные и пристрастные наклонности людей; но на то, чтобы вдохновлять добродетели души, обеспечивать невинность отсутствием преступных наклонностей и черпать внутренний мир в безразличии своих членов к обычным мотивам борьбы и беспорядка. Было бы несерьезно искать его аналогию с каким-либо другим государственным устройством, в котором нельзя найти его главную характеристику и отличительную черту. Коллегиальная власть, сенат и эфоры, имели свои аналоги в других республиках, и было обнаружено сходство, в частности, с правительством Карфагена: [Сноска: Аристотель.] но какое важное сходство можно найти между государством, единственной целью которого была добродетель, и другим государством, главной целью которого было богатство; между народом, цари-единомышленники которого, проживая в одном коттедже, не имели состояния, кроме ежедневной пищи; и торговой республикой, в которой надлежащее состояние требовалось как необходимое условие для занятия высших государственных должностей?

Другие мелкие государства изгоняли королей, когда те завидовали их замыслам или после того, как испытали на себе их тиранию; здесь сохранялась наследственная преемственность королей: другие государства опасались интриг и заговоров своих членов в борьбе за высокие посты; здесь требовалось ходатайство как единственное условие получения места в сенате. Верховная инквизиторская власть в лице эфоров была надежно передана нескольким людям, которые были выбраны по жребию и без различия из всех слоев населения; и если потребуется противопоставление этому, а также многим другим статьям спартанской политики, его можно найти в общей истории человечества.

Но Спарта, несмотря на все предполагаемые ошибки в ее форме, процветала веками благодаря честности своих нравов и характеру своих граждан. Когда эта целостность была нарушена, этот народ не страдал от слабости наций, погрязших в изнеженности. Они попали в тот поток, по которому другие государства были унесены потоком неистовых страстей и неистовством варварских времен. Они прошли путь других народов, после того как с древней Спартой было покончено, они построили стены и начали улучшать свои владения, после того как они перестали улучшать свой народ; и по этому новому плану, в своей борьбе за политическую жизнь, они пережили систему государств, погибшую под владычеством Македонии: они жили, чтобы действовать вместе с другой, которая возникла в Ахейском союзе; и были последней общиной Греции, которая стала деревней в Римской империи.

Если кому-то покажется, что мы слишком долго останавливались на истории этого необычного народа, то в оправдание можно вспомнить, что только они, выражаясь языком Ксенофонта, сделали добродетель государственной целью.

Мы должны довольствоваться тем, что черпаем нашу свободу из другого источника: ожидать справедливости от ограничений, установленных для полномочий магистрата, и полагаться в поисках защиты на законы, которые приняты для защиты имущества и личности подданного. Мы живем в обществах, где люди должны быть богаты, чтобы быть великими; где за самими удовольствиями часто гонятся из тщеславия; где желание предполагаемого счастья разжигает худшие из страстей и само по себе является основой несчастья; где общественное правосудие, подобно оковам, наложенным на тело, может, не вызывая чувства искренности и справедливости, предотвращать фактическое совершение преступлений.

Человечество подпадает под это описание в тот момент, когда им овладевает страсть к богатству и власти. Но их описание в каждом случае неоднозначно: в лучшем случае присутствует сплав зла; в худшем - смесь добра. Не имея никаких учреждений для сохранения своих манер, кроме уголовных законов и ограничений полиции, они черпают из инстинктивных чувств любовь к честности и прямоте, а из самой заразительности общества - уважение к тому, что является почетным и достойным похвалы. Благодаря своему союзу и совместному противостоянию внешним врагам они черпают рвение к своему собственному сообществу и мужество отстаивать его права. Если частое пренебрежение добродетелью как политической целью имеет тенденцию дискредитировать понимание людей, то ее блеск и частота, как спонтанное порождение сердца, восстановят почести нашей природы.

При любом случайном и неоднозначном состоянии национальных нравов безопасность каждого человека и его политическое влияние во многом зависят от него самого, но еще больше от партии, к которой он примыкает. По этой причине все, кто чувствует общий интерес, склонны объединяться в партии; и, насколько этого требуют интересы, взаимно поддерживают друг друга.

Там, где граждане любого свободного сообщества принадлежат к разным классам, каждый класс имеет особый набор претензий: по отношению к другим членам государства он является партией; по отношению к различиям в интересах своих собственных членов он может допускать бесчисленные подразделения. Но в каждом государстве очень легко понять два интереса: интересы князя и его приверженцев, интересы знати или какой-либо временной фракции, противостоящей народу.

Там, где суверенная власть принадлежит собранию, представляется излишним думать о дополнительных учреждениях для обеспечения прав гражданина. Но коллективному органу трудно, если не невозможно, осуществлять эти полномочия таким образом, который отменяет необходимость любой другой политической осторожности.

Если народные собрания возьмут на себя все функции правительства; и если в той же шумной манере, в какой они могут с большим достоинством выражать свои чувства, осознание своих прав и свою враждебность к внешним или внутренним врагам, они будут делать вид, что обсуждают вопросы национального поведения или решают вопросы равенства и справедливости, общественность подвергнется многочисленным неудобствам; и народные

правительства из всех других будут наиболее подвержены ошибкам в управлении и слабости в осуществлении государственных мер.

Чтобы избежать этих недостатков, люди всегда довольствуются делегированием части своей власти. Они создают сенат для обсуждения и подготовки, если не для определения, вопросов, которые выносятся на рассмотрение коллективного органа для окончательного решения. Они передают исполнительную власть какому-нибудь совету такого рода или магистрату, который председательствует на их заседаниях. При использовании этого необходимого и распространенного средства, даже в то время, когда демократические формы наиболее тщательно охраняются, существует одна партия из немногих, другая - из многих. Один атакует, другой защищается; и они оба готовы действовать в свою очередь. Но хотя в действительности большая опасность для свободы возникает со стороны самих людей, которые во времена коррупции легко становятся инструментами узурпации и тирании, все же в обычном аспекте правления исполнительная власть несет на себе печать превосходства, и права людей, кажется, всегда подвержены посягательствам.

Хотя в день, когда был собран римский народ, сенаторы смешались с толпой, и консул был не более чем слугой толпы; однако, когда это ужасное собрание было распущено, сенаторы собрались, чтобы поручить своему государю дела, а консул пошел, вооруженный топором и розгами, чтобы научить каждого римлянина, в его личном качестве, подчинению, которым он обязан государству.

Таким образом, даже там, где коллективное тело является суверенным, они собираются лишь изредка; и хотя в таких случаях они решают каждый вопрос, касающийся их прав и интересов как народа, и могут отстаивать свою свободу с непреодолимой силой; все же они не считают себя в безопасности, да и в действительности не находятся в безопасности без более постоянной и более единообразной власти, действующей в их пользу.

Толпа везде сильна; но для безопасности ее членов, как в отдельности, так и в сборе, требуется голова, которая направляла бы ее силу и использовала бы ее. Для этой цели, как нам говорят, были учреждены эфоры в Спарте, совет ста в Карфагене и трибуны в Риме. Подготовленная таким образом, народная партия во многих случаях была в состоянии справиться со своими противниками и даже попирала власти, будь то аристократические или монархические, с которыми в противном случае она была бы неспособна бороться. Государство в таких случаях обычно страдало от задержек, перерывов и неразберихи, которые популярные лидеры из-за личной зависти или преобладающей ревности к великим редко не допускали в деятельность правительства.

Там, где народ, как в некоторых более крупных сообществах, имеет лишь долю в законодательной власти, он не может подавить побочные власти, которые, имея такую же долю, в состоянии защитить себя: там, где они действуют только через своих представителей, их сила может применяться единообразно. И они могут сыграть более длительную роль в создании правительства, чем любое из тех, при которых люди, обладающие всей законодательной властью или претендующие на нее, являются, когда собраны, тиранами, а когда рассеяны, рабами охваченного смутой государства. При должным образом смешанных правительствах интересы народа находят противовес в интересах принца или знати, между ними фактически

устанавливается равновесие, в котором заключаются общественная свобода и общественный порядок.

Из некоторого такого случайного согласования различных интересов возникают все разновидности смешанного правления; и от той степени учета, которую может обеспечить себе каждый отдельный интерес, зависит справедливость законов, которые они принимают, и необходимость, которую они могут навязать, строгого соблюдения условий закона при его исполнении. Соответственно, государства обладают неодинаковой квалификацией для ведения законодательной деятельности и неодинаково удачливы в плане полноты и регулярного соблюдения своего гражданского кодекса.

В демократических учреждениях граждане, чувствуя себя обладателями суверенитета, не стремятся в равной степени, как подданные других правительств, к тому, чтобы их права были разъяснены или гарантированы действующим законом. Они полагаются на личную энергию, на поддержку партии и на здравый смысл общества.

Если коллективный орган выполняет функции судьи, а также законодателя, он редко думает о разработке правил для своего собственного руководства и еще реже следует какому-либо определенному правилу после того, как оно принято. В одно время они обходятся без того, что принимали в другое; и в своих судебных, возможно, даже в большей степени, чем в законодательных, возможностях руководствуются страстями и пристрастиями, которые вытекают из обстоятельств рассматриваемого ими дела.

Но при самых простых правительствах иного типа, будь то аристократия или монархия, существует необходимость в законе, и при разработке каждого статута необходимо учитывать множество интересов. Суверен желает обеспечить стабильность и порядок в управлении с помощью четко сформулированных и обнародованных правил. Подданный желает знать условия и пределы своих обязанностей. Он соглашается или бунтует, в зависимости от того, соответствуют или не соответствуют его правам условия, на которых его заставляют жить с сувереном или со своими братьями-подданными.

Ни монарх, ни совет знати, если кто-либо из них обладает суверенитетом, не могут претендовать на то, чтобы управлять или судить по своему усмотрению. Ни один магистрат, будь то временный или наследственный, не может безопасно пренебрегать той репутацией сторонника справедливости, из которой в значительной степени проистекают его авторитет и уважение, оказываемое его личности. Нации, однако, были удачливы в плане содержания и исполнения своих законов, в той мере, в какой они допускали каждое распоряжение народа, посредством представительства или иным образом, к фактической доле в законодательном органе. Согласно учреждениям такого рода, закон буквально является международным договором, с которым заинтересованные стороны согласились и высказали свое мнение при установлении его условий. При его принятии также учитываются интересы, которые должны быть затронуты законом. Каждый класс выдвигает возражение, предлагает свое собственное дополнение или поправку. Они продолжают регулировать законом каждый предмет спора: и пока они продолжают пользоваться своей свободой, они продолжают множить законы и накапливать тома, как если бы они могли устранить все возможные основания для спора и были уверены в своих правах, просто изложив их в письменной форме.

Рим и Англия при их смешанных правительствах, одно из которых склонялось к демократии, а другое - к монархии, проявили себя великими законодателями среди наций. Первая оставила фундамент и значительную часть надстройки своего гражданского кодекса европейскому континенту; другая, на своем острове, довела авторитет закона и управление им до такой степени совершенства, которой они никогда прежде не достигали в истории человечества.

При таких благоприятных установлениях известные обычаи, практика и решения судов, а также позитивные статуты приобретают силу законов; и каждое судебное разбирательство ведется по какому-либо установленному и детерминированному правилу. Для беспристрастного применения правил к конкретным делам принимаются наилучшие и наиболее эффективные меры предосторожности; и примечательно, что в двух упомянутых нами примерах обнаруживается удивительное совпадение в необычных методах их юрисдикции. И в том, и в другом случае люди в какой-то мере оставляли за собой право вершить суд и передавали решение гражданских прав или уголовных вопросов в суд пэров, которые, судя своих сограждан, предписывали себе условия жизни.

В конце концов, мы должны искать гарантии справедливости не в простых законах, а в силах, благодаря которым эти законы были приняты и без чьей постоянной поддержки они должны выйти из употребления. Статуты служат для того, чтобы фиксировать права народа и выражать намерение сторон защищать то, что выражено буквой закона; но без решимости отстаивать то, что признано правом, простая запись или слабое намерение мало что дают.

Население, возбужденное угнетением, или группа людей, обладающих временным преимуществом, получили множество хартий, уступок и положений в поддержку своих притязаний; но там, где не было сделано надлежащей подготовки для их сохранения, написанные статьи часто забывались вместе с поводом, по которому они были составлены.

История Англии и каждой свободной страны изобилует примерами законов, принятых, когда народ или его представители собирались вместе, но никогда не приводившихся в исполнение, когда корона или исполнительная власть были предоставлены самим себе. Самые справедливые законы на бумаге согласуются с предельным деспотизмом в управлении. Даже форма суда присяжных в Англии имела свою юридическую силу, в то время как судебные разбирательства были произвольными и репрессивными.

Мы должны восхищаться, как ключевым камнем гражданской свободы, законом, который обязывает раскрывать секреты каждой тюрьмы, объявлять причину каждого взятого на себя обязательства и предъявлять личность обвиняемого, чтобы он мог потребовать продления срока или суда над ним в течение ограниченного времени. Ни одна более мудрая форма никогда не выступала против злоупотреблений властью. Но для обеспечения его результатов требуется структура не меньшая, чем вся политическая конституция Великобритании, дух не меньший, чем непокорное и неистовое рвение этого счастливого народа.

Если даже безопасность личности и владение собственностью, которые могут быть так хорошо определены словами закона, зависят в плане их сохранения от энергии и ревности свободных людей и от степени уважения, которое каждый государственный строй поддерживает сам по себе, то еще более очевидно, что то, что мы называли политической свободой или правом индивида действовать в соответствии со своим положением в интересах себя и общества, не может покоиться ни на каком другом основании. Имущество может быть спасено, а лицо

освобождено с помощью форм гражданского судопроизводства; но права разума не могут быть поддержаны никакой другой силой, кроме его собственной.

РАЗДЕЛ VII.

ИЗ ИСТОРИИ ИСКУССТВ.

Мы уже отмечали, что искусство естественно для человека; и что умение, которое он приобретает после многих веков практики, является лишь развитием таланта, которым он обладал вначале. Витрувий находит зачатки архитектуры в виде скифской хижины. Оружейник может найти первые плоды своего призвания в праще и луке, а корабельный мастер - в каное дикаря. Даже историк и поэт могут найти оригинальные образцы своего искусства в сказках и песнях, прославляющих войны, любовь и приключения людей в их самом грубом состоянии.

Предназначенный развивать свою собственную природу или исправлять свое положение, человек находит постоянный объект внимания, изобретательности и труда. Даже там, где он не предлагает никаких личных улучшений, его способности укрепляются теми самыми упражнениями, в которых он, кажется, забывает о себе: его разум и его привязанности, таким образом, с пользой вовлекаются в дела общества; его изобретательность и его мастерство проявляются в обеспечении его жилья и пропитания; его конкретные занятия предписываются ему обстоятельствами эпохи и страны, в которой он живет: в одной ситуации он занят войнами и политическими дискуссиями; в другой - заботой о своих интересах, о своем личном покое или удобстве. Он приспособливает свои средства к поставленным перед ним целям и, умножая изобретения, постепенно достигает совершенства в своем искусстве. На каждом этапе его продвижения, если его мастерство возрастает, его желание также должно иметь время расширяться; и было бы столь же тщетно предлагать изобретение, которым он пренебрегал, как и рассказывать ему о благословениях, которыми он не мог воспользоваться.

Обычно предполагается, что эпохи заимствовали у тех, кто был до них, а нации получали свою долю знаний или искусства из-за границы. Считается, что римляне учились у греков, а современные европейцы - и у тех, и у других. На нескольких примерах такого рода мы учимся рассматривать каждую науку или искусство как производные и не допускаем ничего оригинального в практике или манерах какого-либо народа. Грек был копией египтянина, и даже египтянин был подражателем, хотя мы упустили из виду модель, по которой он был сформирован.

Известно, что люди совершенствуются примером и общением; но в случае наций, члены которых возбуждают и направляют друг друга, зачем искать за границей происхождения искусств, для которых каждое общество, имея в себе принципы, нуждается только в благоприятном случае, чтобы выявить их? Когда такой случай представляется какому-либо народу, они обычно хватаются за него; и пока он продолжается, они совершенствуют изобретения, к которым он привел, между собой или охотно копируют у других; но они никогда не применяют свое собственное изобретение и не ищут за границей наставлений по предметам, которые не лежат на пути их общих занятий; они никогда не перенимают усовершенствование, которому не открыли применения.

Изобретения, как мы часто наблюдаем, случайны; но вполне вероятно, что случайность, ускользнувшая от художника в одну эпоху, может быть схвачена тем, кто придет ему на смену и кто лучше осведомлен о ее применении. Там, где обстоятельства благоприятствуют и где народ

неравнодушен к предметам какого-либо искусства, каждое изобретение сохраняется, внедряясь во всеобщую практику; изучается каждая модель и учитывается каждая случайность. Если нации действительно заимствуют у своих соседей, они, вероятно, заимствуют только то, что они почти в состоянии изобрести сами.

Следовательно, любая особая практика одной страны редко переносится в другую, пока для этого не будут подготовлены аналогичные обстоятельства. Отсюда наши частые жалобы на тупость или упрямство человечества и на замедленную передачу искусств из одного места в другое. В то время как римляне перенимали искусство Греции, фракийцы и иллирийцы продолжали относиться к нему с безразличием. Эти искусства в один период были ограничены греческими колониями, а в другой - римскими. Даже там, где они распространялись путем видимых контактов, они все еще воспринимались независимыми нациями с медлительностью изобретения. В Риме они добились прогресса не более быстрого, чем в Афинах; и они добрались до окраин Римской империи только вместе с новыми колониями и присоединились к итальянской политике.

Современная раса, пришедшая за границу и овладевшая возделанными провинциями, сохранила искусства, которыми они занимались дома: новый хозяин охотился на кабана или пас свои стада там, где он мог бы собрать обильный урожай; он построил хижину, похожую на дворец; он похоронил в общих руинах здания, скульптуры, картины и библиотеки прежнего обитателя; он основал поселение по собственному плану, и можно с уверенностью сказать, что, хотя римская и современная литература в равной степени напоминают греческий оригинал, все же человечество в целом сохранило свои корни. и в том, и в другом случае они не стали бы пить из этого источника, если бы не поспешили открыть свои собственные источники.

Чувство и фантазия, использование рук или головы не являются изобретениями отдельных людей; и расцвет искусств, зависящий от них, для любого народа является доказательством скорее политического благополучия внутри страны, чем каких-либо наставлений, полученных из-за границы, или какого-либо естественного превосходства в трудолюбии или талантах.

Когда внимание людей обращено к конкретным предметам, когда достижения одной эпохи целиком передаются следующей, когда каждый индивидуум защищен на своем месте и предоставлен самому удовлетворять свои потребности, изобретения накапливаются; и трудно найти оригинал какого-либо искусства. Ступеней, ведущих к совершенству, много, и мы не знаем, кому отдать наибольшую долю нашей похвалы: первому или последнему, кто, возможно, внес свой вклад в этот прогресс.

РАЗДЕЛ VIII.

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.

Если мы можем полагаться на общие наблюдения, содержащиеся в последнем разделе, литературные искусства, так же как и механические, будучи естественным продуктом человеческого разума, будут возникать спонтанно везде, где люди находятся в счастливом положении; и в некоторых нациях искать истоки литературы за границей не более необходимо, чем предлагать какие-либо удовольствия или занятия, которым человечество, находящееся в состоянии процветания и свободы, достаточно склонно предаваться.

Мы склонны рассматривать искусства как нечто чуждое и сопутствующее природе человека; но нет такого искусства, которое не нашло бы своего применения в человеческой жизни и которое в той или иной ситуации, в которой находится наш вид, не предлагалось бы в качестве средства для достижения какой-либо полезной цели. Ремесло механика и коммерция возникли из любви к собственности и были воодушевлены перспективами безопасности и наживы; литература и свободные искусства возникли из понимания, фантазии и сердца. Это просто упражнения ума в поисках присущих ему удовольствий и занятий; и им способствуют обстоятельства, которые позволяют уму наслаждаться самому.

Мужчины в равной степени вовлечены в прошлое, настоящее и будущее и готовы к любому занятию, которое дает простор их силам. Таким образом, произведения, будь то повествование, художественная литература или рассуждения, которые, как правило, задействуют воображение или трогают сердце, веками остаются предметом внимания и источником восторга. Память о человеческих поступках, сохраняемая в традиции или письменных источниках, является естественным удовлетворением страсти, которая состоит из любопытства, восхищения и любви к развлечениям.

Прежде чем было написано много книг и наука значительно продвинулась вперед, произведения простого гения иногда были завершены: исполнителю не требовалась помощь ученого там, где его описание истории относится к близким и смежным объектам; там, где оно касалось поведения и характеров людей, с которыми он сам действовал, и в занятиях и судьбах которых он сам принимал участие.

Обладая этим преимуществом, поэт является первым, кто предлагает плоды своего гения и возглавляет развитие тех искусств, с помощью которых уму суждено проявлять свое воображение и выражать свои страсти. У каждого племени варваров есть свои страстные или исторические стихи, содержащие суеверие, энтузиазм и преклонение перед славой, которыми обладали груди людей на самом раннем этапе развития общества. Они наслаждаются стихосложением либо потому, что чередование цифр естественно для языка чувств, либо потому, что, не имея преимущества письма, они вынуждены использовать слух в помощь памяти, чтобы облегчить повторение и обеспечить сохранность своих произведений.

Когда мы обращаем внимание на язык, которым пользуются дикари по любому торжественному случаю, оказывается, что человек - поэт по натуре. То ли поначалу вынужденный простыми недостатками своего языка и скудостью надлежащих выражений, то ли соблазненный удовольствием воображения от проведения аналогий с его объектами, он облекает каждую концепцию в образы и метафоры. "Мы посадили дерево мира, - говорит американский оратор, - мы зарыли топор под его корнями: отныне мы будем отдыхать в его тени; мы присоединимся, чтобы скрасить цепь, которая связывает наши нации воедино". Таковы наборы метафор, которые эти нации используют в своих публичных выступлениях. Они также уже усвоили те живые образы и ту смелую свободу языка, которые впоследствии ученые люди сочли столь подходящими для выражения быстрых переходов воображения и пылкости пылкого ума.

Если от нас требуется объяснить, то как люди могли быть поэтами или ораторами до того, как им помогли знания ученого и критика? мы, в свою очередь, можем спросить, как тела могли падать под действием своего веса до того, как законы всемирного тяготения были записаны в книгах? Разум, так же как и тело, обладает законами, которые проявляются на примерах в ходе природы, и критик оценивает их только после того, как пример покажет, что это такое.

Вызванный, вероятно, упомянутой нами физической связью между эмоциями разгоряченного воображения и впечатлениями, получаемыми от музыки и патетических звуков, каждый рассказ у грубых народов повторяется в стихах и облекается в форму песни. Ранняя история всех народов в этом отношении едина. Священники, государственные деятели и философы в первые века существования Греции передавали свои наставления в стихах и общались с торговцами музыкой и героическими баснями.

Однако не так удивительно, что поэзия должна быть первым видом сочинения у каждой нации, как то, что стиль, кажущийся таким сложным и столь далеким от обычного употребления, почти столь же повсеместно первым достигает своей зрелости. Самый почитаемый из всех поэтов жил вне досягаемости истории, почти вне традиций. Бесхитростная песня дикаря, героическая легенда барда иногда обладают великолепной красотой, которую не может улучшить никакая смена языка и никакие уточнения критики. [Сноска: смотрите Переводы галльской поэзии Джеймса Макферсона.]

Несмотря на предполагаемый недостаток ограниченных знаний и грубого восприятия, простой поэт производит впечатления, которые с лихвой компенсируют недостатки его мастерства. Лучшие сюжеты поэзии, характеры жестоких и храбрых, великодушных и бесстрашных, великие опасности, испытания силы духа и верности представлены в его представлении или переданы в традициях, которые одушевляют, как истина, потому что в них одинаково верят. Он не занят воспоминаниями, подобно Вергилию или Тассо, о чувствах или пейзажах эпохи, далекой от его собственной; ему не нужно, чтобы критик подсказывал ему [Сноска: см. Лонгин.] вспомнить, что подумал бы другой или каким образом другой выразил бы свою концепцию. Простые страсти, дружба, негодование и любовь - это движения его собственного ума, и у него нет возможности копировать их. Простой и пылкий в своих концепциях и чувствах, он не знает разнообразия мыслей или стиля, которые могли бы ввести в заблуждение или использовать его суждения. Он выражает эмоции сердца словами, подсказанными сердцем, ибо он не знает других. И поэтому, хотя мы восхищаемся суждениями и изобретательностью Вергилия и других более поздних поэтов, эти термины кажутся неправильно примененными к Гомеру. Хотя он умен и возвышен в своих концепциях, мы не можем предвидеть ни света его понимания, ни движений его сердца; кажется, что он говорит по вдохновению, а не выдумывая; и в выборе своих мыслей и выражений руководствуется сверхъестественным инстинктом, а не рефлексией.

Язык ранних эпох в одном отношении прост и ограничен; в другом - разнообразен и свободен: он допускает вольности, в которых поэту последующих времен отказано.

В грубые века людей не разделяли по рангу или профессии. Они живут одним образом и говорят на одном диалекте. Бард не должен выбирать свое выражение среди особых акцентов различных условий. Ему не нужно оберегать свой язык от специфических ошибок механика, крестьянина, ученого или придворного, чтобы обрести ту элегантную пристойность и справедливую возвышенность, которые свободны от вульгарности одного класса, педантичности второго или легкомыслия третьего. Название каждого объекта и каждого чувства закреплено; и если его концепция обладает достоинством природы, его выражение будет обладать чистотой, которая не зависит от его выбора.

С этим очевидным ограничением в выборе своих слов он волен нарушить обычные способы построения; и в форме языка, не установленного правилами, может найти для себя интонацию, соответствующую тону его ума. Вольность, которую он допускает, в то время как смысл его слов

поразителен, а язык возвышен, кажется улучшением, а не нарушением грамматики. Он передает стиль последующим эпохам и становится образцом, по которому судят его потомки.

Но какова бы ни была ранняя склонность человечества к поэзии или преимуществу, которыми оно обладает в развитии этого вида литературы; проистекает ли ранняя зрелость поэтических сочинений из того, что их изучают первыми, или из того, что они обладают очарованием привлекать к себе людей самого живого гения, которые лучше всего способны совершенствовать красноречие своего родного языка; примечательным фактом является то, что не только в странах, где каждая композиционная жилка была оригинальной и открывалась в порядке естественной преемственности; но даже в Риме и в современной Европе, где ученые рано начали практиковаться на иностранных образцах, мы знаем, что поэтические произведения были написаны на английском языке. есть поэты всех наций, которых читают с удовольствием, в то время как прозаиками тех же эпох пренебрегают.

Поскольку Софокл и Еврипид предшествовали греческим историкам и моралистам, не только Невий и Энний, написавшие римскую историю в стихах, но и Луцилий, Плавт, Теренций и, мы можем добавить, Лукреций, предшествовали Цицерону, Саллюстию или Цезарю. Данте и Петрарка опередили любого хорошего прозаика в Италии; Корнель и Расин положили начало прекрасному веку прозаических сочинений во Франции; а у нас в Англии были не только Чосер и Спенсер, но и Шекспир и Мильтон, в то время как наши попытки в области истории или науки были еще в зачаточном состоянии; и заслуживают нашего внимания только ради вопроса, который они затрагивают.

Гелланик, который считается одним из первых прозаиков Греции и который непосредственно предшествовал Геродоту или был его современником, заявил о своем намерении удалить из истории дикие представления и экстравагантные вымыслы, которыми ее опозорили поэты. [Сноска: Цитируется Деметрием Фалерием.] Отсутствие записей или авторитетных источников, относящихся к каким-либо отдаленным сделкам, возможно, помешало ему, как и его непосредственному преемнику, дать правде все преимущества, которые она могла бы извлечь из этого перехода к прозе. Однако в развитии общества бывают эпохи, когда такое предложение должно быть воспринято благосклонно. Когда мужчины занимаются вопросами политики или коммерции, они хотят, чтобы их информировали и инструктировали, а также перемещали. Их интересует то, что было реальным в прошлых сделках. Они строят на этом фундаменте размышления и рассуждения, которые они применяют к текущим делам, и желают получать информацию о различных занятиях и проектах, в которых они начинают участвовать. Нравы людей, обычаи обычной жизни и форма общества дают свои сюжеты писателю, пишущему о морали и политике. Простая изобретательность, справедливость чувства и правильное изображение, хотя и переданные обычным языком, считаются литературными достоинствами и, применяясь к разуму в большей степени, чем к воображению и страстям, встречают прием, который обусловлен наставлениями, которые они несут.

Таланты людей находят применение в самых разных делах, и их запросы направлены на разные предметы. Знания важны во всех сферах гражданского общества и необходимы для занятий любым искусством. Наука о природе, морали, политике и истории находит своих почитателей; и даже сама поэзия, которая сохраняет свое прежнее положение в области горячего воображения и восторженной страсти, проявляется во все большем разнообразии форм.

До сих пор дело шло без помощи иностранных примеров или руководства школ. Повозка Теспиды была превращена в театр не для того, чтобы ублажать ученых, а для того, чтобы понравиться афинскому населению; и приз за поэтические заслуги определялся этим населением в равной степени до и после изобретения правил. Греки не знали ни одного языка, кроме своего собственного; и если они стали учеными, то только благодаря изучению того, что создали сами: детская мифология, которую они, как говорят, скопировали из Азии, также мало способствовала развитию их любви к искусствам или их успеху в их практике.

Когда историк поражен событиями, свидетелем которых он был или слышал; когда он взволнован, чтобы рассказать о них своими размышлениями или своими страстями; когда государственный деятель, от которого требуется выступать публично, обязан готовиться к каждому примечательному выступлению в заученных речах; когда беседа становится пространной и утонченной; и когда общественные чувства и размышления людей передаются в письменном виде, из суеты активной жизни может возникнуть система обучения. Общество само по себе является школой, и его уроки преподаются на практике реальных дел. Автор пишет на основе наблюдений, которые он сделал по своему предмету, а не по рекомендации книг; и каждое произведение несет на себе отпечаток его характера как человека, а не просто его мастерства как студента или ученого. Может возникнуть вопрос, не могли ли трудности с поиском отдаленных образцов и поисками наставлений через темные аллюзии и неизвестные языки погасить его пыл и превратить его в писателя очень низкого класса.

Если общество, таким образом, можно рассматривать как школу литературы, то вполне вероятно, что его уроки различны в каждом отдельном штате и в каждую эпоху. В течение определенного периода суровое применение римского народа к политике и войне подавляло литературное искусство и, по-видимому, подавляло гений даже историка и поэта. Институты Спарты выражали явное презрение ко всему, что не было связано с практическими достоинствами энергичного и решительного духа: очарование воображения и красноречие были у этого народа приравнены к искусству повара и парфюмера; некоторые авторы упоминают их песни, восхваляющие силу духа; и до сих пор сохранились подборки их остроумных высказываний и остроумных реплик: они указывают на добродетели и способности активного народа, а не на их познания в науке или литературный вкус. Обладая тем, что было существенно для счастья в добродетелях сердца, они понимали его ценность, не смущаясь бесчисленных объектов, на которые человечество в целом так затрудняется повлиять в своем отношении: заиклившись на своих собственных опасениях, они остро смотрели на безрассудства человечества. "Когда ты начнешь практиковать это?" - таков был вопрос спартамца человеку, который в преклонном возрасте все еще был занят вопросами о природе добродетели.

В то время как этот народ ограничивал свои исследования одним вопросом, как улучшить и сохранить мужество и бескорыстные привязанности человеческого сердца, их соперники, афиняне, давали простор для совершенствования каждого объекта размышлений или страсти. Вознаграждением в виде прибыли или репутации, которым они награждали за каждое проявление изобретательности, употребленное на служение удовольствиям, украшению или удобству жизни; разнообразием условий, в которые были поставлены их граждане; неравенством их состояния и различными занятиями в войне, политике, торговле и прибыльных искусствах, они пробуждали все хорошее или дурное в естественных склонностях людей. Были открыты все пути к возвышению: красноречие, сила духа, военное мастерство, зависть, клевета,

фракции и измены, даже сама муза, за которой ухаживали, чтобы придать значимость занятому, проницательному и беспокойному народу.

Из этого примера мы можем с уверенностью заключить, что, хотя бизнес иногда соперничает с учебой, уединение и досуг не являются главными условиями для совершенствования, возможно, даже для проявления литературных талантов. Самые поразительные проявления воображения и чувств имеют отношение к человечеству: они возбуждаются присутствием людей и общением с ними; они обладают наибольшей силой, когда приводятся в действие в уме его главными пружинами, соперничеством, дружбой и противостоянием, которые существуют среди передовых и устремленных людей. Среди великих событий, приводящих в движение свободное и даже распущенное общество, его члены становятся способными на любое усилие; и те же сцены, которые дали работу Фемистоклу и Фрасибулу, вдохновили, благодаря заражению, гений Софокла и Платона. Взорные и изобретательные находят равный простор для своих талантов, а литературные памятники становятся хранилищами зависти и глупости, а также мудрости и добродетели.

Греция, разделенная на множество маленьких государств и взбудораженная за пределами любой точки земного шара внутренними раздорами и внешними войнами, подавала пример во всех видах литературы. Огонь был передан Риму; не тогда, когда государство перестало быть воинственным и прекратило свою политическую агитацию, но когда оно смешало любовь к утонченности и удовольствиям со своими национальными устремлениями и потворствовало склонности к учебе в разгар брожений, вызванных войнами и притязаниями противоположных фракций. Она возродилась в современной Европе, среди беспокойных государств Италии, и распространилась на север вместе с духом, который сотрясал саму структуру готской политики: она росла, когда люди разделялись на партии, подчинявшиеся гражданским или религиозным конфессиям, и когда они расходились во мнениях по вопросам, считавшимся наиболее важными и священными.

На примере многих эпох мы можем убедиться, что щедрые пожертвования, которыми наделялись ученые общества, и досуг, которым они располагали для учебы, не являются наиболее вероятными средствами для стимулирования усилий гения: даже сама наука, предполагаемый порождеие досуга, чахла в тени монашеского уединения. Люди, далекие от объектов полезного знания, незатронутые мотивами, которые движут активным и энергичным умом, могли создавать только жаргон технического языка и накапливать дерзость академических форм.

Чтобы говорить или писать справедливо, исходя из наблюдения за природой, необходимо чувствовать чувства природы. Тот, кто проницателен и пылок в образе жизни, вероятно, проявит соответствующую силу и изобретательность в применении своих литературных талантов: и хотя писательство может стать ремеслом и потребовать всего применения и изучения, которые присущи любому другому призванию; тем не менее, основными предпосылками для этого призвания являются дух и чувствительность энергичного ума.

В один период школа может черпать свой свет и направление из активной жизни; в другой, это правда, остатки активного духа в значительной степени поддерживаются литературными памятниками и историей сделок, которые сохраняют примеры и опыт прежних и лучших времен. Но каким бы образом ни были созданы люди для больших усилий в ораторском искусстве или поведении, это кажется самым вопиющим из всех обманов - искать достоинства человеческого

характера в простых достижениях спекуляции, в то время как мы пренебрегаем такими качествами, как сила духа и любовь общества, которые так необходимы, чтобы сделать наши знания предметом счастья или пользы.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О ПОСЛЕДСТВИЯХ, КОТОРЫЕ ВОЗНИКАЮТ В РЕЗУЛЬТАТЕ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО И КОММЕРЧЕСКОГО ИСКУССТВА.

* * * * *

РАЗДЕЛ I.

О РАЗДЕЛЕНИИ ИСКУССТВ И ПРОФЕССИЙ.

Очевидно, что, какими бы ни были побуждаемые чувством необходимости и желанием удобства люди или пользующиеся какими-либо преимуществами ситуации и политики, они не могут добиться большого прогресса в развитии жизненных искусств, пока они не разделят и не поручат разным лицам несколько задач, требующих особого умения и внимания. Дикарь или варвар, который должен сам строить, сажать и изготавливать продукцию, предпочитает в периоды больших тревог и переутомления наслаждения ленью улучшению своего состояния: возможно, разнообразие его потребностей отбивает у него охоту к трудолюбию или же его рассеянное внимание мешает ему приобрести навык в управлении каким-либо конкретным предметом.

Однако наслаждение миром и перспектива возможности обменять один товар на другой постепенно превращают охотника и воина в торговца. Случайности, которые неравномерно распределяют средства существования, склонности и благоприятные возможности, распределяют различные занятия людей; и чувство полезности без конца побуждает их разделять свои профессии.

Художник обнаруживает, что чем больше он может сосредоточить свое внимание на определенной части любой работы, тем совершеннее становятся его произведения и растут под его руками в большем количестве. Каждый предприниматель в мануфактуре обнаруживает, что чем больше он может распределять задачи своих рабочих и чем больше рук он может использовать для изготовления отдельных изделий, тем больше уменьшаются его расходы и увеличивается его прибыль. Потребитель также требует от каждого вида товара более совершенной работы, чем могут произвести руки, занятые различными предметами; и прогресс торговли - это всего лишь продолжающееся подразделение механических искусств.

Каждое ремесло может полностью завладеть вниманием человека и таит в себе тайну, которую необходимо изучать путем регулярного ученичества. Нации торговцев состоят из членов, которые, помимо своей конкретной профессии, ничего не знают обо всех человеческих делах и которые могут внести свой вклад в сохранение и расширение своего содружества, не делая его интересы объектом своего внимания. Каждый человек отличается своим призванием и имеет место, к которому он подходит. Дикарь, который не знает различий, кроме своих достоинств, своего пола или своего вида, и для которого его сообщество является высшим объектом привязанности, с удивлением обнаруживает, что в подобной обстановке то, что он мужчина, не дает ему права занимать какое-либо положение вообще: он убегает в лес с изумлением, отвращением и брезгливостью.

Благодаря разделению искусств и профессий открываются источники богатства; каждый вид материала обрабатывается до величайшего совершенства, и каждый товар производится в величайшем изобилии. Государство может оценивать свою прибыль и свои доходы по количеству своего населения. Своими сокровищами она может обеспечить себе то национальное уважение и могущество, которые дикарь поддерживает ценой своей крови.

Преимущества, получаемые в низших отраслях производства за счет разделения их частей, по-видимому, равны тем, которые возникают в результате аналогичного устройства в высших областях политики и войны. Солдат освобожден от всех забот, кроме забот о своей службе; государственные деятели разделяют обязанности гражданского управления на доли; и служащие общества на всех должностях, не будучи искусными в государственных делах, могут преуспеть, соблюдая формы, которые уже установлены опытом других. Они созданы, подобно частям двигателя, для достижения определенной цели без какого-либо собственного согласия: и, столь же слепые, как и торговец, к любой общей комбинации, они объединяются с ним, предоставляя государству его ресурсы, его поведение и его силу.

Хитрости бобра, муравья и пчелы приписываются мудрости природы. Эти качества утонченных наций приписываются самим себе и, как предполагается, указывают на способности, превосходящие способности грубых умов. Но устройство людей, как и каждого животного, подсказано природой и является результатом инстинкта, направляемого разнообразием ситуаций, в которых находится человечество. Эти учреждения возникли в результате последовательных улучшений, которые производились без какого-либо представления об их общем эффекте; и они приводят человеческие дела в такое состояние усложнения, которое не могли бы спроецировать величайшие способности, которыми когда-либо была украшена человеческая природа; и даже когда все это приведено в исполнение, это невозможно постичь в полном объеме.

Кто мог бы предвидеть или хотя бы перечислить отдельные занятия, которыми отличаются члены любого коммерческого государства; разнообразие приемов, которые практикуются в отдельных камерах и которые художник, внимательный к своему собственному делу, изобрел, чтобы сократить или облегчить свою отдельную задачу? В достижении этой великой цели каждое поколение по сравнению со своими предшественниками могло показаться изобретательным; по сравнению со своими последователями оно могло показаться скучным; и человеческая изобретательность, каких бы высот она ни достигла за череду веков, продолжает двигаться с одинаковой скоростью и постепенно делает как последний, так и первый шаг к коммерческому или гражданскому совершенствованию.

Можно даже усомниться в том, увеличивается ли мера национального потенциала с развитием искусств. Многие механические искусства, действительно, не требуют способностей; они лучше всего достигают успеха при полном подавлении чувств и разума; а невежество - мать промышленности, так же как и суеверий. Размышление и фантазия подвержены ошибкам, но привычка двигать рукой или ногой не зависит ни от того, ни от другого. Соответственно, мануфактуры процветают больше всего там, где меньше всего обращаются к разуму и где мастерскую можно без особых усилий воображения рассматривать как двигатель, частями которого являются люди.

Лес был срублен дикарем без использования топора, и тяжести поднимались без помощи механических сил. Заслуги изобретателя в любой отрасли, вероятно, заслуживают

предпочтения перед заслугами исполнителя; и тот, кто изобрел инструмент или мог работать без его помощи, заслуживает похвалы изобретательности в гораздо большей степени, чем простой художник, который с его помощью создает превосходную работу.

Но если многие аспекты в практике каждого искусства и в деталях каждой области не требуют никаких способностей или на самом деле имеют тенденцию сужать и ограничивать взгляды ума, то есть и другие, которые приводят к общим размышлениям и расширению мышления. Даже на производстве, возможно, культивируется гений мастера, в то время как гений низшего работника тратится впустую. Государственный деятель может обладать широким пониманием человеческих дел, в то время как инструменты, которые он использует, не имеют представления о системе, в которой они сами объединены. Генерал-офицер может быть большим знатоком войны, в то время как мастерство солдата ограничивается несколькими движениями рук и ног. Первый, возможно, приобрел то, что потерял второй, и, будучи занят командованием дисциплинированными армиями, может в большем масштабе практиковать все искусства самосохранения, обмана и военной хитрости, к которым прибегает дикарь, руководя небольшим отрядом или просто защищая себя.

Человек, практикующий любое искусство и профессию, может предоставить человеку науки материал для общих размышлений; и само мышление в наш век разделений может стать особым ремеслом. В суегражданских занятиях люди предстают в самом разном свете и наводят на размышления и фантазии, благодаря которым беседа оживает и значительно расширяется. Продукты изобретательности поступают на рынок, и люди готовы платить за все, что имеет тенденцию информировать или развлекать. Таким образом, как праздные, так и занятые люди способствуют прогрессу искусств и придают утонченным нациям вид высшей изобретательности, под которым они, по-видимому, достигли целей, которых добивался дикарь в своем лесу, - знаний, порядка и богатства.

РАЗДЕЛ II.

О ПОДЧИНЕНИИ, ВЫТЕКАЮЩЕМ ИЗ РАЗДЕЛЕНИЯ ИСКУССТВ И ПРОФЕССИЙ.

Одно основание подчинения кроется в различии природных талантов и склонностей; второе - в неравном разделе имущества; и третье, не менее разумное, - в привычках, которые приобретаются в результате занятий различными искусствами.

Некоторые профессии являются либеральными, другие - механическими. Они требуют разных талантов и внушают разные чувства; и независимо от того, является ли это причиной того предпочтения, которое мы на самом деле отдаем, безусловно, разумно составить свое мнение о ранге, который подобает людям определенных профессий и положений, исходя из влияния их образа жизни на развитие способностей ума или сохранение чувств сердца.

Человеку свойственно возвышение, благодаря которому можно было бы подумать, что в самом грубом своем состоянии он, как бы его ни побуждала необходимость, поднимается над соображениями простого существования и соображениями интереса: казалось бы, он действует только от сердца, проявляя дружеские чувства или противодействие; он показывался бы только в случаях опасности или затруднения и оставлял обычные заботы слабым или раболепствующим.

Одни и те же опасения в любой ситуации регулируют его представления о подлости или достоинстве. В аристократическом обществе его желание избежать репутации грязного человека заставляет его скрывать свое отношение к тому, что относится просто к его сохранению или средствам к существованию. По его мнению, нищий, зависящий от благотворительности; рабочий, который трудится, чтобы прокормиться; механик, чье искусство не требует напряжения гения, унижены целью, которую они преследуют, и средствами, которые они используют для ее достижения. Профессии, требующие больших знаний и учебы; продолжающие упражнять фантазию и любовь к совершенству; ведущие к аплодисментам, а также к прибыли, помещают художника в высший класс и приближают его к тому положению, на котором люди, поскольку они не связаны никакими обязанностями, поскольку им предоставлено следовать настроению ума и принимать ту роль в обществе, к которой их приводят чувства сердца или призывы публики, считаются наивысшими.

Это последнее было положением, которое граждане каждой древней республики стремились завоевать и сохранить для себя при различии между свободными и рабами. Женщины, или рабыни, в древнейшие века были отделены для ведения домашнего хозяйства или физического труда; а с развитием прибыльных искусств последние были приучены к механическим профессиям, и им даже доверяли торговлю товарами в пользу их хозяев. Следует понимать, что у свободных людей нет других целей, кроме политики и войны. Таким образом, почести одной половины вида были принесены в жертву почестям другой; подобно тому, как камни из того же карьера закапываются в фундамент, чтобы поддерживать блоки, которые были обтесаны для верхних частей груды. Посреди наших восхвалений греков и римлян это обстоятельство заставляет нас вспомнить, что ни одно человеческое учреждение не является совершенным.

Во многих греческих государствах преимущества, вытекающие для свободных от этого жестокого различия, не предоставлялись в равной степени всем гражданам. Поскольку богатство было поделено неравномерно, только богатые были освобождены от труда; бедные были вынуждены работать ради собственного пропитания: процент был господствующей страстью у обоих, и владение рабами, как и обладание любой другой прибыльной собственностью, стало предметом алчности, а не освобождением от низменного внимания. Весь эффект этого института был получен или продолжал действовать в течение сколь-нибудь значительного времени только в Спарте. Мы чувствуем его несправедливость; мы страдаем за илота из-за суровости и неравного обращения, которому он подвергался; но когда мы думаем только о высшем сословии людей в этом государстве; когда мы обращаем внимание на ту возвышенность и великодушие духа, которых опасность не страшила, не интересовала средствами развращения; когда мы рассматриваем их как друзей или как граждан, мы склонны забывать, как и они сами, что рабы имеют право на то, чтобы с ними обращались как с людьми.

Мы ищем возвышения чувств и щедрости ума среди тех категорий граждан, которые в силу своего положения и своего состояния избавлены от низменных забот и внимания. Таково было описание свободного человека в Спарте; и если участь раба у древних была действительно более жалкой, чем участь неимущего рабочего и механика у современных, то можно усомниться в том, что высшие сословия, пользующиеся уважением и почестями, пропорционально не теряют достоинства, приличествующего их положению. Если претензии на равную справедливость и свободу приведут к тому, что все классы станут одинаково раболепными и корыстолюбивыми, мы создадим нацию илотов и не будем иметь свободных граждан.

В любом коммерческом государстве, несмотря на любые претензии на равные права, возвышение немногих должно угнетать многих. При таком раскладе мы думаем, что крайняя скудость некоторых классов должна проистекать главным образом из недостатка знаний и гуманитарного образования; и мы ссылаемся на такие классы как на образ того, чем, должно быть, был наш вид в его грубом и некультурном состоянии. Но мы забываем, как много обстоятельств, особенно в густонаселенных городах, склонны развращать низшие слои населения. Невежество - наименьший из их недостатков. Восхищение несвободным богатством, становящееся принципом зависти или раболепия; привычка постоянно действовать с целью наживы и под влиянием чувства подчинения; преступления, к которым они склоняются, чтобы подпитывать свой разврат или удовлетворять свою алчность, являются примерами не невежества, а развращенности и низости. Если дикарь не получил наших наставлений, он также не знаком с нашими пороками. Он не знает превосходства и не может быть раболепным; он не знает различий в судьбе и не может быть завистливым; он действует, исходя из своих талантов, занимая самое высокое положение, которое может предложить человеческое общество, - положение советника и солдата своей страны. Что касается формирования своих чувств, он знает все, чего требует сердце; он может отличить друга, которого любит, и общественный интерес, который пробуждает его рвение.

Основные возражения против демократического или народного правления исходят из неравенства, возникающего среди людей в результате коммерческого искусства. И следует признать, что народные собрания, когда они состоят из людей, чьи нравы низки, а обычные дела нелиберальны, как бы они ни были доверены выбору своих хозяев и лидеров, сами по себе, безусловно, непригодны для руководства. Как может тот, кто ограничил свои взгляды собственным пропитанием или сохранением, быть доверен руководством нациями? Такие люди, когда их допускают к обсуждению государственных вопросов, вносят в его советы замешательство и суматоху, или раболепие и коррупцию; и они редко позволяют ему отдыхать из-за разорительных фракций или последствий плохо составленных или плохо проводимых решений.

Афиняне сохранили свое народное правление, несмотря на все эти недостатки. Механик был обязан, под страхом наказания, появиться на публичной рыночной площади и послушать дебаты на темы войны и мира. Он соблазнился денежным вознаграждением, чтобы присутствовать на судебном процессе погражданским и уголовным делам. Но, несмотря на упражнения, столь способствующие развитию их талантов, неимущие всегда приходили с умом, нацеленным на получение прибыли, или с привычками нелиберального призвания. Охваченные сознанием своего личного неравенства и слабости, они были готовы полностью подчиниться влиянию какого-нибудь популярного лидера, который льстил их страстям и разжигал их страхи; или, движимые завистью, они были готовы изгнать из государства любого, кто был респектабелен и виден в высших слоях граждан; и будь то из-за их пренебрежения к обществу в одно время или из-за их плохого управления в другое, суверенитет в любой момент был готов упасть из их рук.

В данном случае людьми, по сути, часто управляет один или несколько человек, которые знают, как ими управлять. Перикл обладал в Афинах своего рода княжеской властью; Красс, Помпей и Цезарь, совместно или последовательно, в течение значительного периода времени осуществляли верховное руководство в Риме.

Будь то в больших или в малых государствах, демократия сохраняется с трудом из-за неравенства условий и неодинакового развития ума, которые сопровождают разнообразие занятий и приложений, разделяющих человечество на передовом уровне коммерческого искусства. В этом, однако, мы всего лишь выступаем против формы демократии после устранения этого принципа; и видим абсурдность претензий на равное влияние и внимание после того, как характеры людей перестали быть похожими.

РАЗДЕЛ III.

О ПРАВАХ УТОНЧЕННЫХ И КОММЕРЧЕСКИХ НАЦИЙ.

Человечество, когда находится в своем грубом состоянии, имеет большое единообразие манер; но когда оно цивилизовано, оно занято разнообразными занятиями; они действуют на более обширном поле и удаляются на большее расстояние. Однако, если ими руководят сходные склонности и сходные внушения природы, они, вероятно, в конце концов, так же как и в начале своего прогресса, будут продолжать соглашаться во многих деталях; и хотя сообщества допускают в своих членах то разнообразие рангов и профессий, которое мы уже описали как следствие или основу коммерции, они будут походить друг на друга во многих последствиях этого распределения и в других обстоятельствах, в которых они почти совпадают.

При любой форме правления государственные деятели стремятся устранить опасности, которые угрожают им из-за границы, и беспорядки, которые досаждают им дома. Таким поведением, в случае успеха, они за несколько веков добиваются возвышения своей страны; устанавливают границу на расстоянии от ее столицы; они находят во взаимном стремлении к спокойствию, которое овладевает человечеством, и в тех общественных учреждениях, которые стремятся сохранить мир в обществе, отсрочку от внешних войн и облегчение от внутренних беспорядков. Они учатся решать все споры без шума и обеспечивать авторитетом закона соблюдение каждым гражданином его личных прав.

В этом состоянии, к которому стремятся процветающие нации и которого они в какой-то мере достигают, человечество, заложив основу безопасности, приступает к возведению надстройки, соответствующей их взглядам. Последствия различны в разных состояниях; даже у разных категорий людей одного и того же сообщества; и последствия для каждого индивида соответствуют его положению. Это позволяет государственному деятелю и солдату устанавливать формы своих различных процедур; это позволяет практикующему в каждой профессии преследовать свою отдельную выгоду; это дает человеку удовольствий время для утонченности, а спекулятивному - досуг для литературных бесед или учебы.

В этой сцене вопросы, которые имеют мало отношения к активным занятиям человечества, становятся предметом исследования, а проявление чувств и разума само по себе становится профессией. Песни барда, речи государственного деятеля и воина, традиции и истории древних времен считаются образцами или самыми ранними произведениями стольких видов искусства, копирование или усовершенствование которых становится предметом различных профессий. Произведения воображения, подобно предметам естественной истории, подразделяются на классы и виды; правила каждого конкретного вида четко собраны; и в библиотеке, подобно складу, хранятся готовые изделия различных художников, которые с помощью грамматика и критика стремятся, каждый по-своему, наставить разум или тронуть сердце.

Каждая нация представляет собой пестрое собрание различных характеров и при любой политической форме содержит в себе несколько примеров того разнообразия, которое, вероятно, дают настроения и опасения людей, столь по-разному занятых. У каждой профессии есть свое дело чести и своя система манер; у торговца - пунктуальность и честность в сделках; у государственного деятеля - способности и обходительность; у светского человека - хорошее воспитание и остроумие. У каждой станции есть экипаж, платье, церемониал, с помощью которых она выделяется и с помощью которых она подавляет национальный характер под влиянием ранга или личности.

Это описание в равной степени можно применить к Афинам и Риму, Лондону и Парижу. Грубый или простой наблюдатель отметил бы разнообразие, которое он видел в жилищах и занятиях разных людей, а не в облике разных наций. Он обнаружил бы на улицах одного и того же города столь же большое разнообразие, как и на территории отдельного народа. Он не мог ни проникнуть сквозь облако, сгустившееся перед ним, ни увидеть, чем торговец, механик или ученый в одной стране должен отличаться от таковых в другой. Но уроженец любой провинции может отличить иностранца; и когда он сам путешествует, его поражает вид незнакомой страны, как только он пересекает границы своей собственной. Вид человека, тон голоса, языковые обороты и напряжение разговора, будь то патетический или вялый, веселый или суровый, уже не те.

Многие подобные различия могут возникать между утонченными нациями из-за воздействия климата или из-за источников моды, которые еще более скрыты или ненаблюдаемы; но основные различия, на которые мы можем опереться, проистекают из той части, которую люди вынуждены выполнять в своем национальном качестве; из целей, которые ставит перед ними государство; или из конституции правительства, которая, предписывая условия жизни общества своим подданным, оказала большое влияние на формирование их представлений и привычек.

Римский народ, которому было предназначено приобретать богатство путем завоеваний и разграбления провинций; карфагеняне, озабоченные возвратом товаров и продукцией торговых поселений, должно быть, заполнили улицы своих столиц людьми иного склада и облика. Римлянин брался за свой меч, когда хотел быть великим, и государство обнаруживало свои армии подготовленными в жилищах своего народа. Карфагенянин удалился за свой прилавок с аналогичным проектом; и, когда государство было встревожено или решилось на войну, ссудил часть своей прибыли на покупку армии за границей.

Член республики и подданный монархии должны отличаться друг от друга, потому что у них разные роли, назначенные им особенностями их страны: одному суждено жить с равными себе или бороться, благодаря своим личным талантам и характеру, за превосходство; другой, рожденный в определенном положении, где любая претензия на равенство создает путаницу, и где не изучается ничего, кроме приоритета. Каждый, когда институты его страны станут зрелыми, может найти в законах защиту своих личных прав; но сами эти права понимаются по-разному, и люди, придерживающиеся другого набора мнений, проявляют различный склад ума. Республиканец должен действовать в государстве, чтобы поддержать свои притязания; он должен вступить в партию, чтобы быть в безопасности; он должен возглавить ее, чтобы быть великим. Подданный монархии ссылается на свое происхождение ради почестей, на которые

он претендует; он прислуживает при дворе, чтобы продемонстрировать свою значимость; и выставляет напоказ знаки зависимости и благосклонности, чтобы завоевать уважение публики.

Если бы национальные институты, рассчитанные на сохранение свободы, вместо того, чтобы призывать гражданина действовать самостоятельно и отстаивать свои права, обеспечивали безопасность, не требующую, с его стороны, личного внимания или усилий, это кажущееся совершенство правления могло бы ослабить узы общества и, исходя из принципов независимости, разъединить различные слои, которые оно должно было примирить. Ни партии, образованные в республиках, ни придворные собрания, которые собираются при монархических правительствах, не могли бы иметь места там, где чувство взаимной зависимости перестало бы собирать их членов вместе. Можно было часто посещать коммерческие курорты и просто развлекаться в толпе, в то время как частное жилище становилось убежищем для сдержанных, избегающих неприятностей, возникающих из-за почтения, которое могло быть частью политического кредо - считать несущественным, и делом чести - презирать.

Этот юмор вряд ли возрастет ни в республиках, ни в монархиях: он скорее присущ сочетанию того и другого; где отправление правосудия может быть лучше обеспечено; где субъект испытывает искушение искать равенства, но вместо него находит только независимость; и где он учится в духе равенства ненавидеть те самые различия, которым из-за их реальной важности он уделяет замечательное уважение.

В любой из отдельных форм республики или монархии, или действуя по принципам любой из них, люди обязаны ухаживать за своими согражданами и использовать части и адреса, чтобы улучшить свое состояние или даже быть в безопасности. Они находят в обоих школах пронизательность; но в одном их учат не обращать внимания на достоинства личного характера ради способностей, которые имеют вес в глазах общественности; а в другом - не обращать внимания на великие и респектабельные таланты ради качеств, привлекающих или приятных в сфере развлечений и частного общества. И в том, и в другом случае они обязаны тщательно приспосабливаться к моде и манерам своей страны. Они не находят места капризам или своеобразному чувству юмора. Республиканец должен быть популярен, а придворный вежлив. Первый должен считать себя на хорошем месте в любом обществе; другой должен выбирать себе пристанище и желать выделиться только там, где уважают само общество. Со своими подчиненными он чувствует себя защищенным и, в свою очередь, терпит, чтобы с ним самим поступали так же. Возможно, спартанцу, который не боялся ничего, кроме невыполнения своего долга, который не любил ничего, кроме своего друга и государства, не требовалось так постоянно следить за собой, чтобы поддержать свой характер, как это часто бывает у подданных монархии, приспосабливать свои расходы и свое состояние к желаниям своего тщеславия и занимать положение настолько высокое, насколько только могут достичь его происхождение или честолюбие.

Между тем, нет ничего более несправедливого, чем то, что мы применяем к отдельному человеку предполагаемый характер его страны; или что нас чаще вводят в заблуждение; чем то, что мы берем наше представление о народе на примере одного или нескольких его представителей. Афинская конституция обязывала произвести на свет Клеона и Перикла; но, следовательно, не все афиняне были похожи на Клеона или Перикла. Фемистокл и Аристид жили в одну эпоху; один советовал, что выгодно, другой говорил своей стране, что справедливо.

РАЗДЕЛ IV.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОЙ ЖЕ ТЕМЫ.

Закон природы по отношению к нациям тот же, что и по отношению к отдельным людям: он дает коллективному телу право сохранять себя; беспрепятственно использовать средства к жизни; сохранять плоды труда; требовать соблюдения условий и контрактов. В случае насилия он осуждает агрессора и устанавливает со стороны потерпевшего право на защиту и требование возмездия. Однако его применение допускает споры и порождает разнообразие в восприятии, а также в практике человечества.

Страны пришли к всеобщему согласию в проведении различия между добром и злом; в требовании возмещения ущерба с согласия или силой. Они всегда в известной степени полагались на международные договоры; но действовали так, как будто сила была высшим арбитром во всех их спорах, а способность защищать себя - самым надежным залогом их безопасности. Руководствуясь этими общими представлениями, они отличались друг от друга не только в вопросах формы, но и в вопросах величайшей важности, касающихся ведения войны, последствий пленения и прав на завоевание и победу.

Когда ряд независимых сообществ часто были вовлечены в войны и вступали в официальные союзы и противостояния, они перенимают обычаи, которые они делают основой правил или законов, которые должны соблюдаться или предполагаться во всех их взаимных сделках. Даже на самой войне они будут следовать системе и призывать к соблюдению форм в самих своих операциях по взаимному уничтожению.

Древние государства Греции и Италии унаследовали свои военные манеры от природы своего республиканского правления; государства современной Европы - от влияния монархии, которая, благодаря своему преобладанию в этой части света, оказывает большое влияние на нации, даже там, где эта форма правления не установлена. Исходя из принципов этого правительства, мы понимаем различие между государством и его членами, как между королем и народом, которое превращает войну в политическое действие, а не в народную вражду. В то время как мы наносим удар по общественным интересам, мы щадим частные; и мы относимся с уважением к отдельным людям, что часто останавливает кровопролитие в пылу победы и обеспечивает военнопленному гостеприимный прием в том самом городе, который он пришел разрушить. Эти обычаи настолько прочно укоренились, что едва ли какая-либо провокация со стороны врага или какая-либо служебная необходимость могут оправдать нарушение предполагаемых правил гуманности или спасти лидера, совершающего их, от превращения в объект отвращения и ужаса.

Этому была противоположна общая практика греков и римлян. Они пытались нанести ущерб государству, уничтожая его членов, опустошая его территорию и разоряя имущество его подданных. Они даровали пощаду только за то, чтобы обратить пленника в рабство или привести на более торжественную казнь; а обезоруженного врага по большей части либо продавали на рынке, либо убивали, чтобы он никогда не смог вернуться и укрепить свой отряд. Когда речь шла о войне, неудивительно, что сражения велись с отчаянием и что каждая крепость защищалась до последней крайности. В игре с человеческой жизнью ставка была высока, и в нее играли с соответствующим рвением.

Термин *варвар* при таком состоянии нравов ни греки, ни римляне не могли использовать в том смысле, в каком используем его мы: для характеристики народа, не занимающегося коммерческими искусствами; заботящегося о своей собственной жизни и жизни других; страстного в своей привязанности к одному обществу и непримиримого в своей антипатии к другому. Таков был их собственный характер в великую и блестящую часть их истории, а также характер некоторых других народов, которых именно по этой причине мы называем *варварскими* или *грубыми*.

Было замечено, что эти знаменитые нации в значительной степени обязаны своей оценкой не сути своей истории, а способу, в котором она была подана, и способностям их историков и других авторов. Их история была рассказана людьми, которые знали, как привлечь наше внимание к действиям разума и сердца больше, чем к внешним эффектам; и которые могли показать характеры, вызывающие восхищение и любовь, посреди действий, которые мы сейчас должны повсеместно ненавидеть или осуждать. Подобно Гомеру, образцу греческой литературы, они могли заставить нас забыть ужасы мстительного, жестокого и безжалостного обращения с врагом, ради стойкого поведения, мужества и неистовой привязанности, с которыми герой защищал дело своего друга и своей страны.

Наши манеры настолько различны, а система, которой мы руководствуемся в своих представлениях, во многих вещах настолько противоположна, что ничто иное не могло заставить нас терпеть практику древних народов. Если бы этот обычай был зафиксирован простым журналистом, который сохраняет только детали событий, не проливая никакого света на характер действующих лиц; который, подобно татарскому историку, сообщает нам только о том, какая кровь была пролита на поле боя и сколько жителей было убито в городе, мы бы никогда не отличили греков от их варварских соседей и не подумали, что характер цивилизованности присущ даже римлянам до самого конца их истории и упадка их империи.

Без сомнения, было бы приятно ознакомиться с замечаниями такого путешественника, каких мы иногда посылаем за границу, чтобы изучить нравы человечества, оставшегося без помощи истории, чтобы составить представление о характере греков по состоянию их страны или по их военному опыту. "Эта страна, - мог бы сказать он, - по сравнению с нашей, производит впечатление бесплодия и запустения. Я видел по дороге отряды рабочих, которые были заняты в полях; но нигде не было жилищ хозяина и землевладелицы. Мне сказали, что жить в сельской местности небезопасно, и жители всех округов стекались в города, чтобы найти место для обороны. Действительно, невозможно, чтобы они могли быть более цивилизованными, пока у них не будет создано какое-то регулярное правительство и пока у них не появятся суды справедливости для рассмотрения их жалоб. В настоящее время каждый город, нет, я мог бы сказать, каждая деревня, действует сама по себе, и царят величайшие беспорядки. На самом деле ко мне никто не приставал, ибо вы должны знать, что они называют себя нациями и творят все свои злодеяния под предлогом войны.

Я не собираюсь пользоваться никакими вольностями путешественников или соперничать со знаменитым автором "Путешествия в Лилипутию"; но не могу удержаться от попытки передать то, что я почувствовал, услышав, как они говорят о своей территории, своих армиях, своих доходах, договорах и союзах. Только представьте, что церковные старосты и констебли Хайгейта или Хэмпстеда превратились в государственных деятелей и генералов, и у вас сложится сносное представление об этой необычной стране. Я проезжал через одно

государство, где в лучшем доме столицы не поселили бы самого ничтожного из ваших работников, и где даже ваши нищие не захотели бы обедать с королем; и все же они считаются великой нацией, и у них не менее двух королей. Я видел одного из них; но какой властелин! На нем почти не было одежды, и, чтобы сесть за стол его величества, он был вынужден идти в столовую со своими подданными. У них нет ни единого фартинга денег, и я был вынужден добывать еду за государственный счет, поскольку на рынке ее не было. Вы можете себе представить, что прислуживать знаменитому незнакомцу должны были сервированные тарелки и большое количество гостей; но моей пищей была жалкая похлебка, принесенная мне голым рабом, который предоставил мне разделяться с ней так, как я считал нужным; и даже это я постоянно подвергался опасности быть украденным у меня детьми, которые так же бдительно используют возможности и так же ловко хватают пищу, как любая изголодавшаяся борзая, которую вы когда-либо видели. Короче говоря, страдания всего народа, а также мои собственные, пока я находился там, были неописуемы. Можно подумать, что все их внимание сосредоточено на том, чтобы мучить себя как можно больше: они даже недовольны одним из своих королей за то, что его все любят. Пока я был там, он подарил корову одному фавориту и жилет другому; [Примечание: Плутарх в "Жизни Агесилая"] и было публично заявлено, что такой метод приобретения друзей обкрадывает публику. Мой домовладелец очень серьезно сказал мне, что человек не должен брать на себя никаких обязательств, которые могли бы ослабить любовь, которой он обязан своей стране; и не должен формировать никаких личных привязанностей, кроме простой привычки жить со своим другом и делать ему добро, когда он может.

- Я как-то спросил его, почему они ради себя самих не позволили своим королям стать чуть более государственными? Потому что, говорит он, мы желаем им счастья жить с мужчинами. Когда я придрался к их домам и сказал, в частности, что меня удивляет, что они не строят церкви получше: "Кем бы вы были тогда, - говорит он, - если бы нашли религию в каменных стенах?" Этого будет достаточно для примера нашей беседы; и, как бы ни была она поучительна, вы можете поверить, что я не задержался надолго, чтобы извлечь из нее пользу.

- Люди в этом месте не такие уж глупые. Там есть довольно большая рыночная площадь и несколько сносных зданий; и, как мне сказали, у них есть несколько барков и лихтеров, используемых в торговле, которые они также, при случае, собирают во флот, как на выставке милорда мэра. Но что радует меня больше всего, так это то, что я, вероятно, получу отсюда путевку и попрощаюсь с этой несчастной страной. Я приложил немало усилий, чтобы понаблюдать за их религиозными церемониями и подобрать диковинки. Я скопировал некоторые надписи, как вы увидите, когда прочтете мой дневник, и тогда будете судить, достаточно ли я повстречался, чтобы компенсировать усталость и плохие развлечения, которым я подвергся. Что касается людей, то из приведенного мною примера вы поймете, что они не могли бы быть очень привлекательной компанией: хотя они бедны и грязны, они все же притворяются гордыми; а человек, который гроша ломаного не стоит, выше того, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Они выходят за границу босиком, без всякого покрывала на голове, закутанные в покрывала, под которыми, как вы могли бы подумать, они спали. Они сбрасывают с себя все и выглядят как множество обнаженных каннибалов, когда предаются жестоким видам спорта и упражнениям, в которых они высоко ценят ловкость и силу. Мускулистые конечности и руки, способность спать всю ночь, долго голодать и мириться с любым видом пищи считаются благородными достижениями. Насколько я мог судить, у них нет устоявшегося правительства; иногда чернь, а иногда и люди получше, делают то, что им

заблагорассудится: они собираются большими толпами на открытом воздухе и редко в чем соглашаются. Если у парня достаточно самонадеянности и громкий голос, из него может получиться отличная фигура. Некоторое время назад здесь жил кожевник, который какое-то время все носил перед собой. Он так громко осуждал то, что сделали другие, и так много говорил о том, что можно было бы сделать, что в конце концов его отослали подтвердить свои слова и облагодетельствовать врага, а не свою шкуру. [Сноска: Фукидид, lib. 4. Аристофан] Возможно, вы вообразите, что на него оказывали давление, требуя рекрута; нет; его послали командовать армией. Они действительно редко бывают единодушны, за исключением своей готовности беспокоить своих соседей. Они выходят целыми телами и грабят, мародерствуют и убивают, куда бы ни пришли ". Итак, мы можем предположить, что наш путешественник написал; и, вспомнив о репутации, которую эти народы приобрели на расстоянии, он, возможно, добавил бы, "Что он не мог понять, как ученые, благородные джентльмены и даже женщины могут объединяться, чтобы восхищаться народом, который так мало похож на них самих".

Чтобы составить представление о характере, с которым они действовали на поле боя и в их состязаниях с соседними народами, мы должны понаблюдать за ними дома. Они были смелы и бесстрашны в своих гражданских разногласиях, готовые пойти на крайние меры и довести свои дебаты до силового решения. Отдельные люди выделялись своим личным духом и энергией, а не оценкой своего состояния или рангом своего рождения. Их личное возвышение основывалось на чувстве равенства, а не превосходства. Генерал одной кампании был во время следующей рядовым и служил в рядах. Они заботились о приобретении физической силы, потому что при использовании их оружия сражения были испытанием силы солдата, а также поведения вождя. Остатки их скульптур демонстрируют мужественную грацию, атмосферу простоты и непринужденности, которые, будучи частыми в природе, были знакомы художнику. Ум, возможно, позаимствовал уверенность и силу у бодрости и обаяния тела; их красноречие и стиль имели сходство с осанкой человека. Это понимание в основном культивировалось в ходе практической деятельности. Наиболее респектабельные личности были вынуждены смешиваться с толпой и обретали свое влияние только благодаря своему поведению, своему красноречию и личной энергии. У них не было форм выражения, чтобы обозначить церемонное и сдержанное уважение. Брань перешла в ругань, и самые грубые выражения часто использовались самыми уважаемыми и опытными ораторами. В ссорах не было правил, кроме непосредственного диктата страсти, которые заканчивались словами упреков, насилием и ударами. К счастью, они всегда ходили безоружными, и ношение меча в мирное время было у них признаком варвара. Когда они брались за оружие при разделении фракций, господствующая партия поддерживала себя изгнанием своих противников, проскрипциями и кровопролитием. Узурпатор пытался сохранить свое положение с помощью самых жестоких и быстрых казней. Ему, в свою очередь, противостояли заговоры и покушения, в которых самые добропорядочные граждане были готовы пустить в ход кинжал.

Таков был характер их духа, время от времени проявлявшегося дома; и обычно он прорывался с подходящей силой против их иностранных соперников. В ходе военных действий они мало обращали внимания на дружеские призывы человечества. Города были разрушены или обращены в рабство; пленников продавали, калечили или приговаривали к смерти.

Если смотреть с этой стороны, древние нации вызывают лишь прискорбное уважение у жителей современной Европы, которые заявляют, что привносят мирную вежливость в практику ведения войны; и которые ценят похвалу за неизбирательную снисходительность выше, чем даже похвалу за военную доблесть или любовь к своей стране. И все же в других отношениях они заслужили нашу похвалу изаслужили ее. Их горячая привязанность к своей стране; их презрение к страданиям и смерти за ее правое дело; их мужественное представление о личной независимости, которое делало каждого человека, даже при шатких учреждениях и несовершенных законах, защитником свободы для своих сограждан; их активность ума; короче говоря, их пронизательность, умение вести себя и сила их духа вывели их на первое место среди наций.

Если их враждебность была велика, их привязанности были пропорциональны; они, возможно, любили там, где мы только жалуем; и были суровы и неумолимы там, где мы не милосердны, а только нерешительны. В конце концов, заслуги человека определяются его искренностью и великодушием по отношению к своим окружающим, его рвением к национальным целям и его энергией в отстаивании политических прав; не только умеренностью, которая часто проистекает из безразличия к национальным и общественным интересам и которая служит для расслабления нервов, от которых зависит сила как частного, так и общественного характера.

Когда при македонской и римской монархиях нация стала рассматриваться как поместье князя, а жители провинции - как прибыльная собственность, объектом завоевания стало владение территорией, а не уничтожение ее народа. Тихоокеанского гражданина мало волновали ссоры монархов; буйство солдата сдерживалось дисциплиной. Он сражался, потому что его учили носить оружие и повиноваться; иногда он проливал ненужную кровь в пылу победы; но, за исключением случаев гражданских войн, у него не было страстей, которые возбуждали бы его враждебность за пределами поля и дня битвы. Лидеры судили о целях предприятия, и они арестовывали меч, когда они были получены.

В современных странах Европы, где протяженность территории допускает различие между государством и его подданными, мы привыкли думать о личности с состраданием, редко с рвением - об обществе. Мы усовершенствовали законы войны и те снисходительные меры, которые были изобретены для смягчения ее суровости; мы соединили вежливость с использованием меча; мы научились вести войну в соответствии с условиями договоров и картелей и полагаться на веру врага, гибели которого мы желаем. Слава более успешно достигается спасением и защитой, чем уничтожением побежденных; и, по-видимому, достигается самая приятная из всех целей - применение силы только для достижения справедливости и сохранения национальных прав.

Это, пожалуй, главная характеристика, которой среди современных наций мы наделяем эпитеты *цивилизованной* или *изысканной*. Но мы видели, что это не сопровождало определенного рода прогресс среди греков и не шло в ногу с развитием политики, литературы и философии. Она не ждала возвращения образованности и вежливости среди современных людей; она была обнаружена в ранний период нашей истории и отличалась, возможно, больше, чем в настоящее время; нравы тех веков в остальном были грубыми и недисциплинированными. Около четырехсот лет назад с королем Франции, попавшим в плен к своим врагам, обращались с таким почетом и вежливостью, каких только коронованный глава при подобных обстоятельствах мог ожидать в наш век вежливости. [Примечание: "История

Англии" Юма.] Принц Конде, побежденный и взятый в плен в битве при Дре, спал ночью в одной постели со своим врагом герцогом де Гизом. [Примечание: Давила.]

Если мораль народных традиций и вкус сказочных легенд, которые являются произведениями или развлечением определенных эпох, также являются верными указаниями на их понятия и характеры, мы можем предположить, что основа того, что сейчас считается законом войны, и народов, была заложена в нравах Европы вместе с чувствами, которые выражены в рассказах о рыцарстве и отваге. Наша система ведения войны отличается от греческой не больше, чем любимые персонажи наших ранних романов отличались от персонажей "Илиады" и любой другой древней поэмы. Герой греческой басни, наделенный превосходящей силой, отвагой и ловкостью, использует любое преимущество врага, чтобы убивать с безопасностью для себя; и, движимый желанием наживы или принципом мести, никогда не останавливается в своем продвижении, если его прерывают угрызения совести или сострадание. Гомер, который из всех поэтов лучше всех умел выражать эмоции неистовой привязанности, редко пытается вызвать сочувствие. Гектор остается без жалости, и каждый грек оскорбляет его тело.

Напротив, в наших современных баснях или романах объект жалости, слабый, угнетенный и незащитный, обычно соединяется с объектом восхищения, храбрым, великодушным и победоносным; или герой отправляется за границу в поисках простой опасности и случая доказать свою доблесть. Обвиненный в принципах утонченной вежливости, которую следует соблюдать даже по отношению к врагу; и в безупречной чести, которая не позволит ему извлекать какие-либо преимущества хитростью или неожиданностью; равнодушный к добыче, он борется только за славу и использует свою доблесть, чтобы спасти попавших в беду и защитить невинных. Одержав победу, он возвышается над природой как в своей щедрости и мягкости, так и в своей военной доблести.

Возможно, будет трудно, констатируя этот контраст между системой древних и современных басен, определить у народов, одинаково грубых, одинаково склонных к войне и одинаково любящих военную славу, происхождение представлений о чести, столь различных и противоположных. Герой греческой поэзии исходит из принципов вражды и враждебной страсти. Его принципы на войне подобны тем, которые преобладают в лесах Америки. Они требуют от него храбрости, но позволяют ему применять против своего врага всевозможные уловки. Герой современного романа исповедует презрение к хитрости, равно как и к опасности, и объединяет в одном человеке, казалось бы, противоположные характеры и склонности: свирепость с мягкостью, а любовь к крови с чувствами нежности и жалости.

Система рыцарства, когда она была полностью сформирована, основывалась на удивительном уважении и почитании прекрасного пола, на установленных формах ведения боя и на предполагаемом соединении героического и освященного характера. Формальности дуэли и своего рода судебного вызова были известны среди древних кельтских народов Европы. [Сноска: Liv., lib. 28. c. 21.] Немцы, даже в своих родных лесах, отдавали своего рода дань уважения женскому полу. Христианская религия предписывала кротость и сострадание варварским векам. Эти различные принципы, объединенные вместе, возможно, послужили основой системы, в которой мужеством руководили религия и любовь, а воинственные и кроткие были объединены воедино. Когда характеры героя и святого смешивались, мягкий дух христианства, хотя и часто превращавшийся в яд из-за фанатизма противоположных сторон, хотя он не всегда мог подавить свирепость воина или подавить восхищение мужеством и силой,

возможно, подтверждал опасения людей относительно того, что должно было считаться достойным и великолепным в ведении их ссор.

В ранней и традиционной истории греков и римлян изнасилования считались наиболее частыми случаями войн; и полы, без сомнения, во все времена были одинаково важны друг для друга. Энтузиазм любви наиболее силен по соседству с Азией и Африкой; и соотечественники Гомера, вероятно, ценили красоту как достояние больше, чем соотечественники Амадиса де Галля или авторы современных романов о галантности. "Что удивительного, - говорит старый Приам, когда появляется Елена, - что народы соперничают за обладание такой красотой?" Этой красотой, действительно, обладали разные любовники; тема, в которой современный герой имел множество уточнений и, казалось, витал в облаках. Он поклонялся на почтительном расстоянии и использовал свою доблесть, чтобы вызвать восхищение, а не для того, чтобы овладеть своей возлюбленной. Холодное и непобедимое целомудрие было воздвигнуто, как идол, которому следовало поклоняться, в трудах, страданиях и битвах героя и возлюбленной.

Феодальные учреждения, благодаря высокому положению, до которого они возвысили определенные семьи, без сомнения, в значительной степени благоприятствовали этой романтической системе. Не только блеск благородного происхождения, но и величественный замок, окруженный зубчатыми стенами и башнями, разжигал воображение и вызывал почитание дочери и сестры доблестных вождей, чьим делом чести было быть недоступной и целомудренной, и которые не могли усматривать никаких достоинств, кроме благородства и храбрости, и к которым нельзя было приблизиться ни по каким иным ступеням, кроме как по мягкости и уважению.

То, что изначально было необычным в этих опасениях, было обращено автором романа в экстравагантность; и под названием рыцарства предлагалось в качестве образца поведения даже в обычных делах: судьбами народов управляла доблесть; и человеческая жизнь, в ее величайших проявлениях, становилась ареной притворства и безумия. Воины отправлялись воплощать в жизнь легенды, которые они изучали; принцы и предводители армий посвящали свои самые серьезные подвиги реальной или воображаемой любовнице.

Но каково бы ни было происхождение понятий, часто столь возвышенных и столь нелепых, мы не можем сомневаться в их долговременном воздействии на наши манеры. Вопрос чести, преобладание галантности в наших разговорах и на наших театрах военных действий, многие мнения, которые чернь применяет даже к ведению войны; их представление о том, что предводитель армии, которому предлагается сражение на равных условиях, обесчещен отказом от него, несомненно, являются остатками этой устаревшей системы; и рыцарство, соединяясь с гениальностью нашей политики, вероятно, натолкнуло на те особенности в праве наций, которыми современные государства отличаются от древних. И если наше правило в измерении степени вежливости и цивилизованности исходить отсюда или из развития коммерческого искусства, то окажется, что мы значительно превзошли любую из знаменитых наций древности.

ОЧЕРК ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА.

* * * * *

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ОБ УПАДКЕ НАЦИЙ.

* * * * *

РАЗДЕЛ I.

О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ВЕЛИЧИИ И ПРЕВРАТНОСТЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СУДЕБ.

Ни одна нация не является настолько несчастной, чтобы считать себя ниже остального человечества: немногие даже готовы мириться с претензией на равенство. Большая часть, избравшая себя, как когда-то, судьями и образцами того, что является превосходным в их роде, стоит на первом месте в своем собственном мнении и уделяет внимание другим или возвышает их, лишь постольку, поскольку они приближаются к своему собственному положению. Одна нация тщеславится личным характером или ученостью нескольких своих членов; другая - своей политикой, своим богатством, своими торговцами, своими садами и своими зданиями; а те, кому нечем похвастаться, тщеславны, потому что они невежественны. Русские до правления Петра Великого считали себя обладателями всех национальных почестей и относились к *немцам*, или *немым нациям*, название, которым они наградили тогдашних западных соседей Европы, с пропорциональной степенью презрения. [Сноска: Страленберг.] Карта мира в Китае представляла собой квадратную пластину, большую часть которой занимали провинции этой великой империи, оставляя на ее краях несколько темных уголков, в которые, как предполагалось, были загнаны жалкие остатки человечества. "Если вы не умеете пользоваться нашей литературой и не разбираетесь в наших книгах, - сказал ученый китаец европейскому миссионеру, - то какой литературой или наукой вы можете владеть?" [Примечание: Джемелли Карчери.]

Термин *отполированный*, если мы можем судить по его этимологии, первоначально относился к состоянию наций в отношении их законов и правительства; а цивилизованные люди были людьми, опытными в исполнении гражданских обязанностей. В своих более поздних приложениях это в не меньшей степени относится к знаниям народов в области свободных искусств и техники, литературы и коммерции; а цивилизованные люди - это ученые, светские люди и торговцы. Но каким бы ни было его применение, оказывается, что, если бы существовало название, еще более респектабельное, чем это, каждая нация, даже самая варварская или наиболее развращенная, приняла бы его; и присваивала бы его обратную сторону там, где они испытывали неприязнь или предчувствовали разницу. Имена *иностранца* или *иностранки* редко произносятся без некоторой степени намеренного упрека. Слово *варвар*, употребляемое у одного высокомерного народа, и *словоязычнику* другого, служили только для того, чтобы отличать чужеземцев, чей язык и родословная отличались от их собственных.

Даже там, где мы претендуем на то, что основываем свое мнение на разуме и оправдываем предпочтение одной нации другой, мы часто отдаем должное обстоятельствам, которые не имеют отношения к национальному характеру и которые мало способствуют благосостоянию человечества. Завоевание или обширная территория, как бы населена она ни была, и огромное богатство, как бы распределено или использовано ни было, - это титулы, которыми мы тешим свое собственное тщеславие и тщеславие других наций, так же как мы тешим тщеславие

частных лиц из-за их богатства и почестей. Мы даже иногда спорим, чья столица больше разрослась; чей король обладает самой абсолютной властью; и при чьем дворе хлеб подданных потребляется в самом бессмысленном буйстве. Это действительно представления вульгарных умов; но невозможно определить, как далеко представления вульгарных умов могут завести человечество.

Безусловно, было очень мало примеров государств, которые с помощью искусства политики улучшали изначальные свойства человеческой природы или пытались с помощью мудрых и эффективных мер предосторожности предотвратить ее разложение. Привязанность и сила ума, которые являются основой и опорой сообществ, были вдохновением Бога и изначальными качествами в природе человека. Мы можем подозревать, что самая мудрая политика наций, за исключением нескольких случаев, имела тенденцию скорее поддерживать мир в обществе и подавлять внешние проявления дурных страстей, чем укреплять расположение сердца к справедливости и добру. Оно имело тенденцию, внедряя различные искусства, проявлять изобретательность людей и вовлекая их в различные занятия, расспросы и исследования, информировать, но часто и развращать разум. Это имело тенденцию создавать предмет отличия и тщеславия; и, возлагая на индивида новые предметы личной заботы, заменять беспокойство, которое он испытывает из-за отдельного состояния, доверием и привязанностью, с которыми он должен объединяться со своими собратьями, для их совместного сохранения.

Справедливо это подозрение или нет, мы подошли к тому, чтобы указать на обстоятельства, имеющие тенденцию подтверждать или опровергать его: и если для понимания истинного благополучия наций важно, то, безусловно, так же важно знать, каковы те слабости и те пороки, из-за которых люди не только портят это счастье, но и в один век утрачивают все внешние преимущества, которые они приобрели в прежний.

Богатство, возвышение и могущество наций обычно являются следствием добродетели; потеря этих преимуществ часто является следствием порока. Если бы мы предположили, что люди преуспели в открытии и применении всех искусств, с помощью которых сохраняются государства и управляются ими; что они достигли усилиями мудрости и великодушия вызывающих восхищение учреждений и преимуществ цивилизованного и процветающего народа; что последующая часть их истории, содержащая, согласно вульгарному пониманию, полную демонстрацию тех зрелых плодов, от которых они до сих пор носили только цвет и первое формирование, должна была бы еще больше, чем первая, заслуживать нашего внимания и вызывать наше восхищение.

Событие, однако, не соответствовало этим ожиданиям. Добродетели людей проявились больше всего во время их борьбы, а не после достижения своих целей. Сами эти цели, хотя и достигаются добродетелью, часто являются причинами разврата и порока. Человечество, стремясь к национальному благополучию, заменило искусства, увеличивающие его богатство, искусствами, улучшающими его природу. Они восхищались самими собой, прикрываясь титулами *цивилизованных* и *изысканных* людей там, где им следовало бы испытывать стыд; и даже там, где они какое-то время действовали в соответствии с принципами, направленными на повышение, ободрение и сохранение национального характера, они рано или поздно отклонялись от своей цели и становились жертвой несчастья или пренебрежения, которое поощрялось самим процветанием.

Война, которая дает человечеству главное занятие для его беспокойного духа, разнообразием своих событий разнообразит их судьбу. В то время как одному племени или обществу это открывает путь к возвышению и ведет к господству, другое оно приводит к подчинению и закрывает арену их национальных усилий. Знаменитое соперничество Карфагена и Рима было для обеих сторон естественным проявлением честолюбивого духа, нетерпимого к противостоянию или даже к равенству. Поведение и удача вождей некоторое время удерживали равновесие в напряжении; но на чью бы сторону оно ни склонилось, великая нация должна была пасть; центр империи и политики должен был быть смещен со своего места; и тогда предстояло определить, сирийский или латинский языки будут содержать в себе эрудицию, которая в будущие века станет предметом изучения ученых.

Таким образом, государства были завоеваны извне, прежде чем они подали какие-либо признаки внутреннего упадка, даже в разгар процветания и в период их наибольшего рвения к национальным целям. Афины, находившиеся на пике своего честолюбия и своей славы, получили смертельную рану, стремясь распространить свое морское могущество за пределы греческих морей. И народы всех мастей, грозные своей грубой свирепостью, уважаемые за свою дисциплину и военный опыт, как при наступлении, так и при упадке своей силы, поочередно становились жертвой честолюбия и высокомерного духа римлян. Такие примеры могут возбудить и встревожить ревность и осторожность государств; наличие подобных опасностей может проявить таланты политиков и государственных деятелей; но простые превратности судьбы являются обычным явлением в истории и, должно быть, давно перестали вызывать у нас удивление.

Обнаружили ли мы, что нации, начавшие с малого и достигшие овладения искусствами, ведущими к господству, обрели уверенность в своих преимуществах пропорционально тому, насколько они были способны их получить; что они шли по пути непрерывного счастья, пока их не сломили внешние бедствия; и что они сохраняли свою силу до тех пор, пока не возникла более удачливая или могущественная сила, способная подавить их? Рассматриваемый предмет не мог быть сопряжен со многими трудностями и не давать повода для многих размышлений. Но когда мы наблюдаем среди многих народов своего рода спонтанный возврат к безвестности и слабости; когда, несмотря на постоянные предупреждения об опасности, которой они подвергаются, они в какой-то период времени терпят поражение от сил, которые не могли бы вступить с ними в соперничество раньше, и от сил, которые они часто ставили в тупик и презирали, предмет становится более любопытным, а его объяснение - более трудным.

(Сам факт известен на множестве различных примеров. Азиатская империя не раз переходила от великой державы к низшей. Государства Греции, некогда столь воинственные, почувствовали ослабление своей мощи и уступили господство, которое они оспаривали у монархов востока, силам малоизвестного княжества, ставшего за несколько лет грозным и вознесшегося на вершину под руководством одного человека. Римская империя, которая веками стояла особняком, которая подчинила себе всех соперников и не видела силы, соперничества с которой можно было бы опасаться, наконец пала перед бесхитростным и презренным врагом. Брошенная на произвол судьбы, на грабеж и, наконец, на завоевание своих границ, она пришла в упадок во всех своих проявлениях и съезжилась со всех сторон. Ее территория была расчленена, и целые провинции уступили место, подобно ветвям, опавшим с возрастом, а не жестоко вырванным превосходящей силой. Духа, с которым Марий в прежние времена отражал нападения варваров, гражданской и военной силы, с помощью которой

консул и его легионы расширили эту империю, теперь больше не было. Римское величие, обреченное постепенно угасать по мере того, как оно поднималось, ослабевало в каждой стычке. Он был уменьшен до своих первоначальных размеров в пределах одного города; и в зависимости от его сохранности при удачной осаде он был потушен одним ударом; и головня, наполнившая мир своим пламенем, погасла, как свеча в розетке.

Такие явления породили общее опасение, что прогресс обществ к тому, что мы называем высотами национального величия, не более естествен, чем их возвращение к слабости и безвестности необходимо и неизбежно. Образы юности и старости применяются к нациям; и предполагается, что сообщества, подобно одиночкам, имеют определенный период жизни и длину нити, которая прядется судьбой в одной части однородной и прочной, в другой ослабленной и раздробленной в результате использования; чтобы быть обрезанной, когда наступит предначертанная эра, и освободить место для обновления эмблемы в случае тех, кто возникает последовательно. Карфаген, будучи намного старше Рима, тем раньше почувствовал свой упадок, говорит Полибий; и к тому же выжившая, как он предвидел, носила в своей груди семена смертности.

Образ действительно уместен, и история человечества делает его применение привычным. Но должно быть очевидно, что случай наций и случай отдельных людей очень различны. Человеческий организм имеет общий ход: у каждого индивидуума хрупкий контекст и ограниченная продолжительность жизни; он изнашивается физическими упражнениями и истощается повторением своих функций; но в обществе, составные члены которого обновляются в каждом поколении, где раса, по-видимому, наслаждается вечной молодостью и накапливает преимущества, мы не можем, при любом разумном соотношении, ожидать найти слабоумие, связанное просто с возрастом и продолжительностью дней.

Тема не нова, и размышления придутся по душе каждому читателю. Представления, которыми мы в настоящее время руководствуемся, даже в размышлениях, о столь важном предмете, не могут быть совершенно бесплодными для человечества; и как бы мало ни влияли труды спекулянтов на поведение людей, одна из самых простительных ошибок, которые может совершить писатель, - это поверить, что он собирается принести много добра. Но, оставляя заботу о результатах другим, мы переходим к рассмотрению причин непостоянства человечества, источников внутреннего разложения и губительной коррупции, которым подвержены нации, в предполагаемых условиях совершенной цивилизованности.

РАЗДЕЛ II.

О ВРЕМЕННЫХ УСИЛИЯХ И ОСЛАБЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ДУХА.

Из того, что мы уже наблюдали относительно общих характеристик человеческой природы, следует, что человек не создан для отдыха. В нем каждое приятное и респектабельное качество является активной силой, а каждый предмет похвалы - усилием. Если его ошибки и преступления являются движениями активного существа, то его добродетели и его счастье также заключаются в использовании его ума; и весь блеск, который он излучает вокруг себя, чтобы увлечь или привлечь внимание своих собратьев, подобно пламени метеора, сияет только пока продолжается его движение; моменты покоя и безвестности одинаковы. Мы знаем, что задачи, которые ему часто поручают, могут как превышать, так и не соответствовать его силам; что он может быть возбужден как слишком сильно, так и слишком мало; но не можем установить

точную границу между ситуациями, в которых его будут беспокоить, и теми, в которых он впадет в апатию. Мы знаем, что он может быть занят самыми разнообразными предметами, вызывающими разные страсти, и что в силу привычки он привыкает к самым разным сценам. Все, что мы можем определить в общих чертах, это то, что какими бы ни были предметы, которыми он занимается, структура его натуры требует, чтобы он был занят, а его счастье требует, чтобы он был справедлив.

Теперь нам предстоит выяснить, почему нации перестают быть выдающимися; и почему общества, которые привлекли внимание человечества великими примерами великодушия, поведения и национального успеха, должны скатиться с высоты своих почестей и уступить в одну эпоху пальму первенства, которую они завоевали в предыдущую. Вероятно, возникнет множество причин. Одно может быть вызвано непостоянством человечества, которое устаёт от своих занятий и усилий, даже когда обстоятельства, послужившие поводом к этим занятиям, в какой-то мере продолжают; другое - сменой ситуаций и удалением предметов, которые возбуждали их дух.

Общественная безопасность и относительные интересы государств; политические учреждения, притязания партий, торговля и искусство - вот темы, которые привлекают внимание наций. Преимущества, достигнутые в некоторых из этих аспектов, определяют степень национального процветания. Пыл и энергичность, с которыми они осуществляются в любой момент времени, являются показателем национального духа. Когда эти объекты перестают оживлять, можно сказать, что нации чахнут; когда ими долгое время пренебрегают, государства должны приходить в упадок, а их народы вырождаться.

В самых передовых, предприимчивых, изобретательных и трудолюбивых нациях этот дух непостоянен; и у тех, кто дольше всех продолжает добиваться преимуществ или сохранять их, бывают периоды упадка сил, равно как и энтузиазма. Стремление к общественной безопасности во все времена было мощным мотивом поведения; но оно действует сильнее всего в сочетании со случайными страстями, когда разгораются провокации, когда успехи воодушевляют или унижения выводят из себя.

Целый народ, как и отдельные личности, из которых он состоит, действует под влиянием временного настроения, оптимистичных надежд или яростной вражды. В одно время они склонны яростно вступать в национальную борьбу, в другое - отказываться от нее из простой усталости и отвращения. В своих гражданских дебатах и раздорах дома они иногда бывают пылкими или неосторожными. Эпидемические страсти возникают или утихают как по тривиальным, так и по важным причинам. Партии готовы, в одно время, присвоить свои имена и видимость своей оппозиции из простого каприза или случайности; в другое время они терпят, чтобы самые серьезные события проходили в молчании. Если случайно вскрыть жилу литературного гения или начать новый предмет для исследования, реальных или мнимых открытий внезапно становится больше, и каждая беседа становится любопытной и оживленной. Если обнаруживается новый источник богатства или открывается перспектива завоевания, воображение людей воспламеняется, и целые кварталы земного шара внезапно оказываются вовлеченными в разорительные или успешные авантюры.

Если бы мы могли вспомнить дух, который был проявлен, или проникнуться взглядами, которых придерживались наши предки, когда они, подобно потоку, вырвались из своих древних насиженных мест и хлынули в Римскую империю, мы, вероятно, по крайней мере после их

первого успеха, обнаружили бы брожение в умах людей, для которого ни одна попытка не была бы слишком трудной, ни одна трудность непреодолимой.

Последующие века предприимчивости в Европе были такими, когда бил набат энтузиазма, и последователи креста вторгались на восток, чтобы разграбить страну и вернуть могилу; такими, когда люди в разных штатах боролись за свободу и нападали на систему гражданской или религиозной узурпации; такими, когда, найдя средства пересечь Атлантику и обогнуть мыс Доброй Надежды, жители одной половины мира были выпущены на свободу в другой, и партии со всех сторон, утопая в крови и за счет жертв. все преступления и все опасности обошли землю в поисках золота.

Даже слабые и беспечные побуждаются к предприимчивости под влиянием заразы таких замечательных эпох; и государства, которые не имеют в своей форме принципов постоянного напряжения сил, благоприятных или неблагоприятных для благополучия человечества, могут испытывать пароксизмы пыла и временную видимость национальной мощи. В случае с такими нациями, действительно, возвращение умеренности - это всего лишь возврат к безвестности, и презумпция единственности эпохи оборачивается унынием в том, что приходит на смену.

Но в случае государств, которым повезло в их внутренней политике, даже само безумие может в результате жестоких конвульсий смениться мудростью; и народ возвращается к своему обычному настроению, излеченный от своих безумств и более мудрый опытом; или, развив таланты в проведении тех самых сцен, которые открыло безумие, он может тогда показаться наиболее подготовленным для успешного достижения цели наций. Подобно древним республикам сразу после какого-нибудь тревожного мятежа или подобно королевству Великобритании по окончании гражданских войн, они сохраняют недавно пробудившийся дух активности и одинаково энергичны во всем, будь то политика, образование или искусство. Оказавшись на грани разорения, они переходят к величайшему процветанию.)

Мужчины предаются занятиям со страстью, несоизмеримой с важностью их объекта. Когда они выступают против или объединяются в конфедерацию, они желают только предлогов для действий. В пылу своей вражды они забывают о предмете своего спора; или они ищут в своих формальных рассуждениях по этому поводу лишь прикрытия для своих страстей. Когда сердце воспламенено, никакие соображения не могут подавить его пыл; когда его пыл утихает, никакие рассуждения не могут возбудить, и никакое красноречие не пробудит его прежних эмоций.

Продолжение соперничества между государствами должно зависеть от степени равенства, с помощью которого уравниваются их силы; или от стимулов, с помощью которых любая из сторон или все они побуждаются продолжать свою борьбу. Длительные перерывы в войне в равной степени приводят к ослаблению воинского духа в любой период существования гражданского общества. (Взятие Афин Лисандром нанесло смертельный удар учреждениям Ликурга, а спокойное владение Италией, к счастью, быть может, для человечества, почти положило конец военному прогрессу римлян. После нескольких лет отдыха Ганнибал обнаружил, что Италия не готова к его наступлению, а римляне склонны были оставить на берегах По это воинственное честолюбие, которое, будучи возбуждено ощущением новой опасности, впоследствии привело их к Евфрату и Рейну.)

Государства, даже отличающиеся военной доблестью, иногда складывают оружие от усталости и утомляются бесплодными раздорами; но если они сохраняют статус независимых сообществ, у

них будут частые поводы вспомнить о себе и проявить свою энергию. Даже при народных правительствах люди иногда забывают о своих политических правах и временами проявляют небрежность или бездействие; но если они оставили за собой право защищать себя, перерыв в его осуществлении не может быть длительным. Политические права, когда ими пренебрегают, всегда нарушаются; и сигналы тревоги с этой стороны должны часто поступать, чтобы вновь привлечь внимание партий. Любовь к знаниям и искусствам может менять свои занятия или ослабевать на какое-то время; но пока люди обладают свободой и пока упражнения в изобретательности не вытеснены, общественность может действовать в разное время с неодинаковым рвением; но ее прогресс редко прекращается совсем, или преимущества, достигнутые в одну эпоху, редко полностью утрачиваются в следующую. Если мы хотим найти причины окончательного разложения, мы должны исследовать те государственные перевороты, которые устраняют или удерживают объекты любого остроумного исследования или либерального стремления; которые лишают гражданина возможности действовать как член общества; которые сокрушают его дух; которые унижают его чувства и не позволяют ему уму заниматься делами.

РАЗДЕЛ III.

ОБ ОСЛАБЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ДУХА, СВОЙСТВЕННОМ УТОНЧЕННЫМ НАЦИЯМ.

Совершенствующиеся нации в ходе своего развития вынуждены бороться с внешними врагами, к которым они питают крайнюю враждебность и с которыми во многих конфликтах они борются за свое существование как народа. В определенные периоды они также ощущают неудобства и обиды в своей внутренней политике, которые порождают сильное нетерпение; и они предвкушают реформы и новые учреждения, от которых у них появляются радужные надежды на национальное счастье. В ранние века любое искусство было несовершенным и нуждалось во многих усовершенствованиях. Первые принципы любой науки - это еще не раскрытые секреты, которые будут последовательно опубликованы с аплодисментами и триумфом.

Мы можем вообразить себе, что в эпоху прогресса человечество, подобно разведчикам, отправляющимся за границу для открытия плодородных земель, имея перед собой открытый мир, на каждом шагу сталкивается с видимостью новизны. Они вступают на каждую новую землю с ожиданием и радостью: они берутся за каждое предприятие с пылом людей, которые верят, что достигнут национального благополучия и вечной славы; и забывают прошлые разочарования среди надежд на будущий успех. Из простого невежества грубые умы опьянены всеми страстями; и, равнодушные к своему собственному состоянию и своим собственным занятиям, они думают, что каждая сцена ниже той, в которую они попали. Воодушевленные одинаково успехом и неудачей, они жизнерадостны, пылки и стремительны; и оставляют более образованным эпохам, которые придут им на смену, памятники несовершенного мастерства и грубого исполнения всякого искусства; но они оставляют также следы энергичного и пылкого духа, которые их преемники не всегда способны поддерживать или подражать.

Возможно, это можно признать справедливым описанием процветающих обществ, по крайней мере, в определенные периоды их развития. Дух, с которым они продвигаются вперед, может быть неодинаковым в разные эпохи и может иметь свои пароксизмы и перерывы, возникающие из-за непостоянства человеческих страстей и из-за случайного появления или удаления поводов, которые их возбуждают. Но находит ли этот дух, который какое-то время продолжает осуществлять проект гражданского и коммерческого искусства, естественную паузу в

прекращении своих собственных занятий? Может ли быть завершено дело гражданского общества и может ли быть устранен повод для дальнейших усилий? Уменьшают ли продолжающиеся разочарования оптимистические надежды, а знакомство с объектами притупляет остроту новизны? Охлаждает ли пыл ума опыт сам по себе? Можно ли общество снова сравнить с индивидуумом? И можно ли подозревать, что, хотя энергия нации, подобно энергии естественного организма, не истощается в результате физического разложения, все же она может заболеть от недостатка физических упражнений и умереть в конце своих собственных усилий? Могут ли общества, завершив все свои замыслы, подобно пожилым людям, которые пренебрегают развлечениями и нечувствительны к страстям юности, стать холодными и безразличными к предметам, которые раньше оживляли в более грубый век? И можно ли сравнить образованное сообщество с человеком, который, выполнив свой план, построив свой дом и основав поселение; который, короче говоря, исчерпав прелести каждого предмета и растратив весь свой пыл, погружается в вялость и безразличие? Если это так, то мы нашли по крайней мере еще одно сравнение для нашей цели. Но вполне вероятно, что и здесь сходство несовершенно; и вывод, который мог бы последовать, подобно выводу большинства аргументов, основанных на аналогии, скорее забавляет воображение, чем дает какую-либо реальную информацию по предмету, к которому он относится.

Материалы человеческого искусства никогда полностью не исчерпываются, а применение промышленности никогда не заканчивается. Ни в одно конкретное время национальный пыл не соответствует случаю для деятельности, равно как и любопытство образованных людей к объему предмета, который еще предстоит изучить.

Невежественные и бесхитростные люди, для которых объекты науки новы и чей образ жизни наиболее прост, вместо того чтобы быть более активными и любознательными, обычно более пассивны и менее любознательны, чем те, кто лучше всего обеспечен знаниями и жизненными удобствами. Когда мы сравним те особенности, которыми занималось человечество в начале и в преклонный век коммерческих искусств, то обнаружим, что эти особенности значительно умножились и расширились в последний. Вопросы, которые мы поставили, однако, заслуживают ответа; и если в результате коммерции мы не обнаружим, что цели человеческих поисков удалены или значительно уменьшены, мы можем обнаружить, что они, по крайней мере, изменились; и при оценке национального духа мы можем обнаружить небрежность в одной части, но плохо компенсируемую растущим вниманием, уделяемым другой.

В целом верно, что во всех наших занятиях есть прекращение неприятностей и точка покоя, к которой мы стремимся. Мы устранили бы это неудобство или получили бы такое преимущество, чтобы наши труды могли прекратиться. "Когда я завоюю Италию и Сицилию, - говорит Пирр, - тогда я буду наслаждаться покоем". Это прекращение предлагается как в наших национальных, так и в наших личных усилиях; и, несмотря на частый опыт обратного, на расстоянии считается верхом счастья. Но природа мудро поступила, в большинстве случаев поставив в тупик наш проект; и нигде в пределах нашей досягаемости не поместила это призрачное благословение абсолютной легкости. Достижение одной цели - это всего лишь начало нового поиска; а открытие одного искусства - это всего лишь продолжение нити, которая ведет нас к дальнейшим исследованиям, и хотя мы надеемся выбраться из лабиринта, нас ведут по его самым запутанным тропам.

Среди занятий, которые могут быть перечислены как имеющие тенденцию к применению изобретательства и развитию талантов людей, есть стремление к приспособлению и богатству, включая все различные приспособления, которые служат для увеличения производства и совершенствования механических искусств. Но следует признать, что поскольку материалы торговли могут продолжать накапливаться без какого-либо определенного предела, то и искусства, которые применяются для их улучшения, могут допускать постоянные усовершенствования. Никакая мера богатства или степень мастерства не могут уменьшить предполагаемые потребности человеческой жизни; утонченность и изобилие порождают новые желания, в то время как они предоставляют средства или практикуют методы для их удовлетворения.

В результате коммерческого искусства неравенство в благосостоянии значительно увеличивается, и большинство каждого народа вынуждено по необходимости или, по крайней мере, сильно подстрекаемое честолюбием и алчностью, использовать каждый талант, которым они обладают. После нескольких тысячелетий, проведенных в производстве и торговле, жители Китая по-прежнему остаются самыми трудолюбивыми из всех народов на земле.

Часть этого наблюдения может быть распространена на изящные искусства и литературу. У них тоже есть свои материалы, которые невозможно исчерпать, и они проистекают из желаний, которые невозможно удовлетворить. Но уважение, оказываемое литературным достоинствам, непостоянно и является предметом преходящей моды. Когда накапливаются научные произведения, приобретение знаний занимает время, которое можно было бы потратить на изобретение. Цель простого обучения достигается умеренными или неполноценными талантами, и растущий список претендентов уменьшает блеск тех немногих, кто является выдающимся. Когда мы хотим научиться только тому, чему научили другие, вполне вероятно, что даже наши знания будут меньше, чем у наших учителей. Великие имена продолжают повторяться с восхищением после того, как мы перестали исследовать основания для нашей похвалы; и новые претенденты отвергаются не потому, что они отстают от своих предшественников, а потому, что они не превосходят их; или потому, что на самом деле мы, не изучая, приняли как должное достоинства первых и не можем судить ни о тех, ни о других.

После того, как библиотеки будут оборудованы и все возможности изобретательности будут задействованы, мы, пропорционально нашему восхищению тем, что уже сделано, будем предрасположены к дальнейшим попыткам. Мы становимся учениками и почитателями, а не соперниками; и заменяем знание книгами, а не любознательным или одушевленным духом, в котором они были написаны.

Коммерческие и приносящие доход искусства могут продолжать процветать, но они приобретают все большее значение за счет других занятий. Жажда наживы подавляет любовь к совершенству. Интерес охлаждает воображение и ожесточает сердце; и, рекомендуя занятия в той мере, в какой они прибыльны и верны в своей выгоде, он подталкивает изобретательность и само честолюбие к прилавку и мастерской. Но, помимо этих соображений, разделение профессий, хотя и кажется, что оно обещает повышение квалификации и на самом деле является причиной того, что произведения любого искусства становятся более совершенными по мере развития торговли, все же по своему завершению и конечным результатам служит, в некоторой степени, разрыву общественных уз, замене изобретательности простыми формами и

правилами искусства и удалению индивидов с общей сцены занятий, на которой чувства сердца и разума находят наиболее удачное применение.

В соответствии с *различием* профессий, которым члены утонченного общества отделены друг от друга, предполагается, что каждый индивид обладает талантом своего рода или своим особым умением, в котором другие, по общему признанию, ничего не смыслят; и общество состоит из частей, ни одна из которых не одушевлена духом, который должен преобладать в поведении наций. "Мы видим у одних и тех же людей, - сказал Перикл, - равное внимание к частным и общественным делам; а у людей, обратившихся к отдельным профессиям, компетентное знание того, что относится к обществу; ибо мы одни считаем совершенно незначительными тех, кто невнимателен к государству". Это восхваление афинян, вероятно, было произнесено с опасением, что их враги, вероятно, обвинят их в обратном или это может вскоре произойти. Соответственно, случилось так, что государственными делами, так же как и военными, стали хуже управлять в Афинах, когда эти, а также другие сферы применения стали предметом отдельных профессий; и история этого народа в изобилии показывает, что люди перестали быть гражданами, даже хорошими поэтами и ораторами, по мере того, как они стали выделяться благодаря занятиям этими и другими отдельными ремеслами.

Животные, менее почитаемые, чем мы, обладают достаточной проницательностью, чтобы добывать себе пищу и находить средства для своих уединенных удовольствий; но человеку предоставлено советоваться, убеждать, противодействовать, разжигать огонь в обществе своих собратьев и терять чувство своей личной заинтересованности или безопасности в пылу дружбы и противостояния.

Когда мы вовлечены в какое-либо из подразделений, на которые разделено человечество в соответствии с наименованиями страны, племени или категории людей, так или иначе затронутых общими интересами и ведомых общающимися страстями, разум осознает свое естественное положение; чувства сердца и таланты понимания находят свое естественное применение. Мудрость, бдительность, верность и стойкость - вот персонажи, необходимые в такой сцене, и качества, которые она стремится улучшить.

В простые или варварские века, когда нации слабы и окружены врагами, любовь к стране, партии или фракции одинакова. Общество - это группа друзей, а его враги - остальное человечество. Смерть или рабство - это обычное зло, которое они стремятся предотвратить; победа и господство - цели, к которым они стремятся. Исходя из того, что они могут пострадать от иностранных вторжений, в каждом процветающем обществе одной из целей является увеличение своей силы и расширение своих пределов. По мере достижения этой цели повышается безопасность. Те, кто владеет внутренними районами, удаленными от границы, не привыкли к тревогам из-за границы. Те, кто находится на окраинах, вдали от мест правления, не привыкли слышать о политических интересах; и общественность становится объектом, возможно, слишком обширным для представлений ни о том, ни о другом. Они пользуются защитой его законов или его армий; и они хвастаются его великолепием и его мощью; но пылкие чувства общественной привязанности, которые в маленьких государствах смешиваются с нежностью родителя и возлюбленного, друга и компаньона, просто из-за расширения их объекта теряют значительную часть своей силы.

Нравы грубых народов нуждаются в исправлении. Их ссоры за границей и внутренние разногласия являются следствием крайних и кровавых страстей. Состояние большего

спокойствия имеет много приятных последствий. Но если нации будут следовать плану расширения и умиротворения до тех пор, пока их члены не перестанут понимать общие узы общества или проявлять привязанность к делу своей страны, они должны будут ошибиться в противоположную сторону и, оставляя слишком мало для возбуждения духа людей, навлекут на себя века вялости, если не упадка.

Таким образом, члены сообщества могут, подобно жителям завоеванной провинции, утратить чувство всякой связи, кроме родства или соседства; и у них не будет общих дел для ведения, кроме торговых: связей или сделок, в которых все еще могут иметь место честность и дружба, но в которых не может проявиться национальный дух, приливы и отливы которого мы сейчас рассматриваем.

Однако то, что мы наблюдаем в тенденции расширения ослаблять узы политического союза, не может быть применено к нациям, которые, будучи изначально узкими, никогда сильно не расширяли свои границы; ни к тем, которые в примитивном состоянии уже имели размеры великого королевства.

На территориях значительной протяженности, подвластных одному правительству и обладающих свободой, национальный союз в ранние века был крайне несовершенен. Каждый округ образует отдельную партию; и потомки различных семейств противостоят друг другу под названием племен или кланов: их редко заставляют действовать согласованно; их распри и вражда чаще создают впечатление множества воюющих наций, чем народа, объединенного политическими узами. Однако они обретают дух в своих частных подразделениях и посреди беспорядка, в противном случае пагубного, сила которого во многих случаях усиливает мощь государства.

Каковы бы ни были масштабы страны, гражданский порядок и регулярное управление являются преимуществами величайшей важности; но из этого не следует, что каждое устройство, принятое для достижения этих целей и способное при создании проявлять и культивировать лучшие качества людей, поэтому по своей природе должно производить постоянные эффекты и обеспечивать сохранение того национального духа, из которого оно возникло.

У нас есть основания опасаться политической утонченности обычных людей, если учесть, что покой или бездействие само по себе в значительной степени является их целью; и что они часто моделируют свои правительства не только для предотвращения несправедливости и ошибок, но и для предотвращения волнений и суеверий; и барьеры, которые они воздвигают против злых действий людей, мешают им действовать вообще. Каждый спор свободного народа, по мнению таких политиков, равнозначен беспорядку и нарушению национального мира. Что сжигает сердца? Что за задержка в делах? Что за недостаток секретности и оперативности? В чем недостаток полиции? Гениальные люди иногда, кажется, воображают, что у вульгарных нет права действовать или думать. Великому князю приятно высмеивать предосторожность, с помощью которой судьи в свободной стране ограничены строгим толкованием закона.
[Примечание: Мемуары Бранденбурга.]

Мы легко учимся придерживаться своего мнения о том, что людям можно безопасно разрешать делать в соответствии с общественным порядком. Волнения республики и распушенность ее членов вызывают у подданных монархии отвращение. Свобода, с которой европейцы позволяют ходить по улицам и полям, китайцу показалась бы верной прелюдией к беспорядку и анархии.

"Могут ли люди видеть своего начальника и не трепетать? Могут ли они вести беседу без точного и письменно оформленного церемониала? Какие надежды на мир, если улицы не забаррикадированы в назначенный час? Что за дикий беспорядок, если людям во всем позволено делать то, что им заблагорассудится?"

Если меры предосторожности, которые люди таким образом принимают друг против друга, необходимы для пресечения их преступлений и не проистекают из порочного честолюбия или жестокой ревности их правителей, то сам процесс следует приветствовать как лучшее средство, которое допускают пороки людей. Гадюку нужно держать на расстоянии, а тигра - на цепи. Но если жесткая политика, применяемая для порабощения, а не для удержания от преступлений, имеет реальную тенденцию к развращению нравов и угасанию духа наций; если ее суровость применяется для прекращения волнений свободных людей, а не для исправления их развращенности; если формам часто аплодируют как благотворным, потому что они имеют тенденцию просто заглушать голос человечества, или осуждают как пагубные, потому что они позволяют этому голосу быть услышанным; мы можем ожидать, что многие из хваленых улучшений гражданского общества окажутся всего лишь средствами для успокоения политического духа, и скует активные добродетели сильнее, чем беспокойные расстройства людей.

Если для какого-либо народа общепризнанной целью политики во всех ее внутренних аспектах является защита только личности и собственности субъекта, без какого-либо учета его политического характера, конституция действительно может быть свободной, но ее члены также могут оказаться недостойными свободы, которой они обладают, и неспособными ее сохранять. Результатом такого устройства может быть погружение всех категорий людей в их отдельные поиски удовольствий, которыми они могут, исходя из этого предположения, наслаждаться без особых помех; или выгоды, которую они могут сохранять, не обращая никакого внимания на государство.

Если это будет концом политической борьбы, то замысел по обеспечению индивиду его имущества и средств к существованию, когда он будет приведен в исполнение, может положить конец проявлению тех самых добродетелей, которые требовались для его осуществления. Человек, который совместно со своими собратьями-подданными борется с узурпацией ради защиты своего имущества или своей личности, может в этой самой борьбе проявить великодушие и силу духа; но тот, кто при политических установлениях, считающихся полностью утвержденными, предоставляет ему, поскольку он в безопасности, простое пользование состоянием, фактически превратил в источник коррупции преимущества, полученные добродетелями другого. Отдельные люди в определенные эпохи черпают свою защиту главным образом в силе партии, к которой они принадлежат; но, жертвуя десятину коррупции, они льстят себе надеждой, что они могут продолжать получать от общества ту безопасность, которой в прежние века они, должно быть, были обязаны своей собственной бдительности и духу, горячей привязанности своих друзей и использованию всех талантов, которые могли бы заставить их уважать, бояться или любить. Следовательно, в один период простые обстоятельства служат для возбуждения духа и сохранения нравов людей; в другой - для тех же целей требуются великая мудрость и рвение к благу человечества со стороны их лидеров.

Можно думать, что Рим умер не от летаргии и не погиб из-за ослабления своего политического пыла внутри страны. Ее расстройство, по-видимому, носило более жестокий и острый характер.

И все же, если добродетели Катона и Брута проявились в последний час республики, то нейтралитет и осторожное отступление Аттика оказались надежными в то же бурное время года, и большая часть народа осталась нетронутой течением бури, в результате которой были уничтожены высшие ряды людей. В умах людей было стерто ощущение общности, и даже вражда фракций утихла: они могли участвовать в суматохе только в том случае, если были солдатами легиона или сторонниками лидера. Но это государство впало в безвестность не из-за недостатка выдающихся людей. Если в то время, о котором мы говорим, мы рассмотрим лишь несколько имен, выдающихся в истории человечества, то нет периода, в который этот список был бы более многочисленным. Но эти имена прославились в борьбе за господство, а не в осуществлении равных прав: народ был развращен; столь великая империя нуждалась в хозяине.

Республиканским правительствам, в целом, грозит крах из-за господства определенных фракций и мятежного духа населения, которое, будучи коррумпированным, больше не годится участвовать в управлении государством. Но при других установлениях, где свобода может быть достигнута более успешно, если люди развращены, национальная мощь снижается из-за злоупотребления той самой безопасностью, которая обеспечивается предполагаемым совершенством общественного порядка.

Распределение власти и должностей; исполнение закона, посредством которого прекращаются взаимные посягательства и домогательства; благодаря которому личность и собственность, без друзей, без интриг, без обязательств, полностью закрепляются за отдельными лицами, делает честь гению нации; и они не могли бы быть полностью установлены без тех усилий понимания и честности, без тех испытаний решительного и энергичного духа, которые украшают летописи народа и оставляют на будущие века предмет справедливого восхищения и аплодисментов. Но если мы предположим, что цель достигнута и что люди больше не действуют, пользуясь свободой из либеральных чувств или с целью сохранения общественных нравов; если люди считают себя в безопасности без какого-либо собственного внимания или усилий, то это хваленое преимущество может быть найдено только для того, чтобы дать им возможность на досуге наслаждаться удобствами и необходимостью жизни; или, говоря языком Катона, научить их ценить свои дома, свои виллы, свои статуи и картины выше, чем республику. Можно обнаружить, что они втайне устают от свободного устройства, которым они никогда не перестают хвастаться в своих разговорах и которым они всегда пренебрегают в своем поведении.

Опасности для свободы не являются предметом нашего настоящего рассмотрения; но они никогда не могут быть более серьезными по какой-либо причине, чем из-за предполагаемой небрежности народа, личной энергии которого каждая конституция, как обязанная своему созданию, так и должна продолжать быть обязана своему сохранению. Это благословение никогда не становится менее надежным, чем в обладании людьми, которые думают, что пользуются им в безопасности, и которые поэтому рассматривают общество только в том смысле, что оно предоставляет их алчности ряд прибыльных занятий; ради которых они могут пожертвовать теми самыми правами, которые делают их объектами управления или рассмотрения.

Таким образом, из тенденции этих размышлений следует, что национальный дух часто преходящ не из-за какого-либо неизлечимого расстройства в природе человечества, а из-за их

добровольного пренебрежения и развращения. Этот дух существовал, возможно, исключительно при выполнении нескольких проектов, предпринятых для приобретения территории или богатства; он приходит, как бесполезное оружие, которое нужно отложить в сторону после достижения своей цели.

Обычные учреждения приводят к ослаблению энергии и неэффективны для сохранения государств; потому что они заставляют человечество полагаться на их искусство, а не на их добродетели; и ошибочно принимать за улучшение человеческой природы простое приобретение жилья или богатства. [Footnote: Adeo in quae laboramus sola crevimus Divitias luxuriamque. Liv. lib. vii.c. 25.] Институты, укрепляющие разум, вселяющие мужество и способствующие национальному счастью, никогда не могут привести к национальной гибели.

Неужели среди нашего восхищения искусствами невозможно найти для них какое-то место? Пусть государственные деятели, которым доверено управление нациями, ответят сами за себя. Их дело показать, достигают ли они высокого положения только для того, чтобы продемонстрировать страсть к интересам, которой им лучше предаваться в безвестности; и способны ли они понять счастье народа, за ведение дел которого они так охотно берутся.

РАЗДЕЛ IV.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОЙ ЖЕ ТЕМЫ

Люди часто, когда они заняты тем, что считается самым эгоистичным из всех занятий, а именно улучшением состояния, в большинстве своем пренебрегают собой; и когда они рассуждают о своей стране, забывают соображения, которые больше всего заслуживают их внимания. Численность, богатство и другие ресурсы войны чрезвычайно важны; но нации состоят из людей; а нация, состоящая из дегенеративных и трусливых людей, слаба; нация, состоящая из энергичных, общественных и решительных людей, сильна. Военные ресурсы при прочих равных преимуществах могут решить исход соревнования; но военные ресурсы в руках тех, кто не может их использовать, бесполезны.

Добродетель является необходимой составляющей национальной мощи: способность и глубокое понимание не менее необходимы для поддержания благосостояния государств. И то, и другое улучшается благодаря дисциплине и упражнениям, которыми занимаются мужчины. Мы презираем или жалеем судьбу человечества, в то время как они жили при ненадежных установлениях и были вынуждены поддерживать в одном и том же человеке характер сенатора, государственного деятеля и солдата. Коммерческие нации обнаруживают, что любого из этих качеств достаточно в одном человеке и что цели каждого из них, когда они не связаны, достигаются легче. Первыми, однако, были обстоятельства, при которых нации развивались и процветали; вторыми были те, при которых дух расслаблялся и нация приходила в упадок.

Мы можем с полным основанием поздравить наш род с тем, что они вырвались из состояния варварского беспорядка и насилия в состояние внутреннего мира и правильной политики; когда они вложили кинжал в ножны и обезоружили вражду гражданских раздоров; когда оружием, с помощью которого они борются, являются рассуждения мудрых и язык красноречивых. Но мы не можем, имея в виду время, не сожалеть о том, что они когда-либо продолжают в поисках совершенства ставить все ветви управления за прилавков и нанимать вместо государственного деятеля и воина простого клерка и бухгалтера.

Доведя эту систему до совершенства, получают образование люди, которые могли бы скопировать для Цезаря его военные инструкции или даже выполнить часть его планов; но нет никого, кто мог бы действовать во всех различных ситуациях, для которых должен быть подготовлен сам лидер, в государстве и на поле боя, во времена порядка или беспорядков, во времена раскола или единодушия; никого, кто мог бы воодушевить совет при обсуждении внутренних дел или когда его встревожили нападения извне.

Политика Китая является наиболее совершенной моделью устройства, на которую направлены обычные усовершенствования правительства; и жители этой империи в высшей степени владеют теми искусствами, от которых вульгарные умы ставят зависимость счастье и величие наций. Государство приобрело в такой мере, какой не было в истории человечества, количество людей и другие ресурсы для ведения войны. Они сделали то, чем мы очень склонны восхищаться: они довели государственные дела до уровня самых ничтожных возможностей; они разбили их на части и распределили по отдельным ведомствам; они облекли каждое судебное разбирательство в великолепные церемонии и величественные формы; и там, где почитание форм не может подавить беспорядок, для достижения этой цели применяется строгая полиция, вооруженная всеми видами телесных наказаний. Кнут и дубинка применяются при любых приказах людей; каждый судья сразу же пускает их в ход и боится их. Мандарин высекают за то, что он приказал карманнику нанести слишком мало или слишком много ударов.

Каждый государственный департамент становится объектом отдельной профессии, и каждый кандидат на должность должен получить регулярное образование; и, как при выпуске из университета, должен получить благодаря своим навыкам или своему положению ту степень, к которой он стремится. Государственными, военными и налоговыми трибуналами, а также литературой руководят выпускники различных учебных заведений; но, хотя учеба - это великий путь к успеху, она заканчивается умением читать и писать; и великая цель правительства состоит в выращивании и потреблении плодов земли. Со всеми этими ресурсами и этой выученной подготовкой, которая делается для того, чтобы использовать эти ресурсы, государство в действительности слабо; оно неоднократно приводило пример, который мы пытаемся объяснить; и среди докторов войны или политики, среди миллионов тех, кто выделен для военной профессии, не может найти никого из своих членов, кто был бы способен противостоять опасностям своей страны или сформировать оборону от повторяющихся вторжений врага, слывущего бесхитростным и подлым.

Трудно сказать, на какой срок можно было бы приостановить распад государств, развивая искусства, от которых зависят их истинное благополучие и сила; развивая в высших чинах те таланты для совета и на поле боя, которые нельзя разделить без большого ущерба; а в массе народа - то рвение к своей стране и тот военный характер, которые позволяют им принимать участие в защите ее прав.

Могут наступить времена, когда каждый собственник должен будет защищать свое собственное имущество, а каждый свободный народ сохранять свою независимость. Мы можем представить, что против такой крайности армия наемных войск является достаточной мерой предосторожности; но их собственные войска - это тот самый враг, с которым народу иногда приходится сражаться. Мы можем льстить себя надеждой, что крайности такого рода в любом конкретном случае далеки; но мы не можем, рассуждая об общей судьбе человечества, не рассматривать этот случай и не ссылаться на примеры, в которых это происходило. Это

случалось во всех случаях, когда утонченные люди становились добычей грубых и когда тихоокеанский житель был подчинен военной силе.

Если защита и управление народом поставлены в зависимость от немногих, кто делает управление государством или войну своей профессией; будь то иностранцы или туземцы; будут ли они отозваны внезапно, как римский легион из Британии; обратятся ли они против своих нанимателей, как карфагенская армия; или будут побеждены и рассеяны удачей; множество трусливых и недисциплинированных людей должны при таком появлении встретить внешнего или внутреннего врага, как чума или землетрясение, с безнадежным изумлением и ужасом, и их численность только увеличивает триумфы и обогащает добычу завоевателя.

Государственные деятели и военачальники, привыкшие к простому соблюдению форм, приходят в замешательство от приостановки действия обычных правил и по незначительным поводам впадают в отчаяние за свою страну. Они были квалифицированы только для прохождения кругов по определенному маршруту; и когда их вынудили покинуть свои посты, на самом деле они не способны действовать вместе с мужчинами. Они принимали участие только в формальностях, тенденции которых не понимали; и вместе с процедурами даже само государство, по их мнению, перестало существовать. Численность, имущество и ресурсы великого народа, по их мнению, служат лишь для того, чтобы представлять собой сцену безнадежного замешательства и ужаса.

В ранние века под названиями *сообщества*, *народа* или *нации* понималось некоторое количество людей; и государство, пока оставались его члены, считалось целостным. Скифы, бежавшие от Дария, насмеялись над его ребяческой попыткой; Афины пережили опустошения Ксеркса; а Рим, в его грубом состоянии, пережил опустошения галлов. В цивилизованных и меркантильных государствах иногда дело обстоит наоборот. Нация - это территория, возделываемая и улучшаемая ее владельцами; уничтожьте владение, даже пока остается хозяин, государству конец.

Слабость и изнеженность, в которых иногда обвиняют утонченные нации, имеют место, вероятно, только в сознании. Сила животных, и человека в частности, зависит от его питания и от вида труда, к которому он привык. Здоровая пища и тяжелый труд, удел многих в каждой образованной и коммерческой нации, обеспечивают обществу множество людей, наделенных физической силой и приученных к лишениям и тяжелому труду.

Установлено, что даже деликатный образ жизни и хорошие условия проживания не приводят к ослаблению организма. Армии Европы были вынуждены провести этот эксперимент, и дети из богатых семей, воспитанные в изнеженности или вскормленные нежной заботой, были вынуждены бороться с дикарями. Подражая его искусству, они научились, подобно ему, бродить по лесу и в любое время года выживать в пустыне. Возможно, они извлекли урок, отучиться от которого цивилизованным нациям стоило многих веков, а именно, что судьба человека неприкосновенна, пока он владеет собой.

Однако можно подумать, что лишь немногие из знаменитых народов древности, судьба которых вызвала столько размышлений о превратностях человеческих дел, достигли сколько-нибудь значительных успехов в тех изнуряющих искусствах, о которых мы упоминали, или предприняли те меры, из-за которых можно было предположить возникновение рассматриваемой опасности. Греки, в частности, в то время, когда они подверглись македонскому игу, определенно не

достигли в коммерческом искусстве такого высокого уровня, как это свойственно наиболее процветающим нациям Европы. Они все еще сохраняли форму независимых республик; народу, как правило, разрешалось участвовать в управлении государством; и, не имея возможности нанять армию, они были вынуждены, по необходимости, принимать участие в защите своей страны. Из-за частых войн и внутренних неурядиц они привыкли к опасности и были знакомы с тревожными ситуациями; соответственно, они по-прежнему считались лучшими солдатами и лучшими государственными деятелями известного мира. Младший Кир пообещал себе с их помощью завоевать Азиатскую империю, и после его падения десятитысячный отряд, хотя и лишившийся своих вождей, при отступлении разбил всю военную мощь персидской империи. Победитель Азии не считал себя готовым к этому завоеванию, пока не сформировал армию из покоренных республик Греции.

Однако верно, что в эпоху Филиппа военный и политический дух этих народов, по-видимому, был значительно ослаблен и, возможно, пострадал из-за разнообразия интересов и занятий, а также удовольствий, которыми были заняты их представители; они даже провели своего рода разделение между гражданским и военным характером. Фокион, как сообщает нам Плутарх, заметив, что ведущие люди его времени следовали разными путями, что одни занимались гражданскими, другие - военными делами, решил, скорее, последовать примерам Фемистокла, Аристиды и Перикла, лидеров прежней эпохи, которые были одинаково подготовлены и к тому, и к другому.

Мы находим в речах Демосфена постоянные ссылки на это состояние нравов. Мы находим, что он призывал афинян не только объявить войну, но и вооружиться для осуществления своих собственных военных планов. Мы находим, что существовал орден военных, которые легко переходили со службы в одном государстве на службу в другом; и которые, когда о них забывали вдали от дома, возвращались к предприятиям за свой счет. Возможно, ни в одну прежнюю эпоху не было лучших воинов; но эти воины не были привязаны ни к какому государству, и оседлые жители каждого города считали себя непригодными к военной службе. Дисциплина в армиях, возможно, и улучшилась, но сила наций пришла в упадок. Когда Филипп, или Александр, разбил греческие армии, которые в основном состояли из солдат удачи, они легко одержали победу над другими жителями; и когда последний, впоследствии поддержанный этими солдатами, вторгся в персидскую империю, он, по-видимому, не оставил после себя большого боевого духа; и, удалив военных, принял достаточные меры предосторожности в свое отсутствие, чтобы обеспечить свое господство над этим мятежным и непокорным народом.

Разделение искусств и профессий, в определенных примерах, имеет тенденцию улучшать их применение и способствовать достижению их целей. Разделив искусство суконщика и кожевенника, мы стали лучше обеспечены обувью и тканью. Но разделять искусства, формирующие гражданина и государственного деятеля, искусства политики и войны, - это попытка расчленивать человеческий характер и уничтожить те самые искусства, которые мы хотим улучшить. Этим разделением мы фактически лишаем свободный народ того, что необходимо для его безопасности; или мы готовим защиту от вторжений из-за границы, которые открывают перспективу узурпации и угрожают установлению военного правительства внутри страны.

Мы можем быть удивлены, обнаружив, что начало некоторых военных инструкций в Риме относится ко времени не ранее Кимбрийской войны. Именно тогда, как сообщает нам Валерий

Максим, римских солдат заставляли учиться у гладиаторов владению мечом; а противники Пирра и Ганнибала, по рассказу этого автора, все еще нуждались в обучении первым азам своего ремесла. Они уже порядком и выбором своих лагерей внушили греческому захватчику благоговейный трепет и уважение; они уже не своими победами, а своей национальной энергией и стойкостью, несмотря на неоднократные поражения, побудили его просить мира. Но надменный римлянин, возможно, знал преимущество порядка и сплоченности, не будучи сломлен низшим искусством солдата-наемника, и имел мужество встретиться лицом к лицу с врагами своей страны, не упражняясь в обращении со своим оружием под страхом быть выпоротым. Его с трудом можно было убедить в том, что может наступить время, когда утонченные и разумные нации сведут военное искусство к нескольким техническим формам; что граждане и солдаты станут выделяться не меньше, чем женщины и мужчины; что гражданин станет обладателем собственности, которую он не сможет или не будет обязан защищать; что солдату будет поручено сохранить для другого то, чего его научат желать, и то, что он один будет способен захватить и сохранить для себя; что, короче говоря, одна группа людей должна быть заинтересована в сохранении гражданских учреждений, без сил защищать их; чтобы другой обладал этой силой, не имея ни склонности, ни интереса.

Однако этот народ постепенно пришел к тому, что поставил свою военную силу именно на ту основу, на которую ссылается это описание. Марий кардинально изменил порядок набора солдат в Риме: он наполнил свои легионы подлыми и неимущими, существование которых зависело от военного жалованья; он создал силы, которые опирались только на дисциплину и мастерство гладиаторов; он научил свои войска использовать мечи вопреки конституции своей страны и подал пример практики, которая вскоре была перенята и усовершенствована его преемниками.

Римляне имели в виду своими армиями только посягательство на свободу других народов, в то время как они сохраняли свою собственную. Они забыли, что, собирая солдат удачи и позволяя любому лидеру быть хозяином дисциплинированной армии, они фактически отказывались от своих политических прав и позволяли господину встать на защиту государства. Короче говоря, этот народ, чьей главной страстью были грабежи и завоевания, погиб от отдачи двигателя, который они сами воздвигли против человечества.

Таким образом, хваленые совершенства изысканного века не лишены опасности. Возможно, они открывают дверь навстречу катастрофе, такую же широкую и доступную, как любая из тех, которые они закрыли. Если они возводят стены и валы, они ослабляют умы тех, кто призван их защищать; если они формируют дисциплинированные армии, они ослабляют воинский дух целых наций; и, направляя меч туда, где они вызвали отвращение к гражданским установлениям, они готовят для человечества правительство силы.

Народы Европы счастливы, что неравенство между солдатом и мирным гражданином никогда не будет таким большим, как это было у греков и римлян. В обращении с современным оружием новичка заставляют изучать и с легкостью применять на практике все, что знает ветеран; и если бы научить его было делом по-настоящему трудным, счастливы те, кого такие трудности не останавливают и кто может открыть для себя искусство, которое укрепляет и сохраняет, а не ослабляет и разоряет их страну.

РАЗДЕЛ V.

НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТХОДОВ.

Сила наций заключается в богатстве, численности и характере их людей. История их продвижения от состояния грубости - это, по большей части, подробности борьбы, которую они вели, и искусств, которые они применяли, чтобы укрепить или обезопасить себя. Их завоевания, их население и их торговля, их гражданское и военное устройство, их мастерство в изготовлении оружия и в методах нападения и защиты; само распределение задач, будь то в частном бизнесе или в государственных делах, либо способствуют, либо обещают использовать с пользой составляющие национальных вооруженных сил и военные ресурсы.

Если мы предположим, что вместе с этими преимуществами военный характер народа сохраняется или совершенствуется, то из этого должно следовать, что то, что достигается в цивилизации, является реальным увеличением силы; и что гибель наций никогда не могла быть вызвана ими самими. Там, где государства остановились в своем развитии или фактически пришли в упадок, мы можем заподозрить, что, какими бы склонными к прогрессу они ни были, они нашли предел, дальше которого не могли двигаться; или из-за упадка национального духа и слабости характера они не смогли максимально использовать свои ресурсы и естественные преимущества. Исходя из этого предположения, из состояния неподвижности они могут начать приходить в упадок и путем постепенного движения назад в течение ряда веков придут к состоянию большей слабости, чем то, из которого они вышли в начале своего прогресса; и с появлением лучших искусств и превосходного поведения подвергнут себя опасности стать добычей варваров, которых они легко сбивали с толку или презирали на пике своей славы.

Каким бы ни было природное богатство народа или каковы бы ни были пределы, за которыми он не может улучшить свои запасы, вполне вероятно, что ни одна нация никогда не достигала этих пределов или не была в состоянии отсрочить свои несчастья и последствия неправильного поведения до тех пор, пока ее материальные запасы и плодородие ее почвы не были исчерпаны, или численность ее населения значительно не сократилась. Те же ошибки в политике и слабость нравов, которые препятствуют надлежащему использованию ресурсов, точно так же препятствуют их увеличению или усовершенствованию. Богатство государства заключается в судьбе его членов. Фактический доход государства - это та доля каждого частного состояния, которую общество привыкло требовать для национальных целей. Этот доход не всегда может быть пропорционален тому, что может считаться избыточным в частном имуществе, но тому, что в какой-то мере таковым считает владелец; и тому, что он может сэкономить, не ограничивая свой образ жизни и не приостанавливая свои проекты расходов или коммерции. Следовательно, должно казаться, что любое неумеренное увеличение частных расходов является прелюдией к национальной слабости: правительство, даже когда каждый из его подданных потребляет княжеское поместье, может быть ограничено в доходах, и парадокс можно объяснить на примере того, что общество бедно, в то время как его члены богаты.

Нас часто вводят в заблуждение, принимая деньги за богатство; мы думаем, что люди не могут обеднеть из-за пустой траты денег, которые тратятся между собой. Дело в том, что люди беднеют только двумя способами: либо из-за приостановки их доходов, либо из-за того, что их имущество расходуется; и деньги, расходуемые дома, будучи обращенными, а не потребленными, не могут, так же как обмен счетами или счетчиками между определенным количеством рук, иметь тенденцию уменьшать богатство компании, среди которой они

передаются. Но пока деньги циркулируют внутри страны, предметы первой необходимости, которые являются реальными составляющими богатства, могут празднично расходоваться; промышленность, которая могла бы использоваться для увеличения численности народа, может быть приостановлена или обращена к злоупотреблениям.

Великие армии, содержащиеся либо дома, либо за границей, без какой-либо национальной цели, представляют собой так много ртов, без необходимости открытых для растраты запасов общества, и так много рук, лишенных искусства, с помощью которого оно получает прибыль. Неудачные предприятия - это множество брошенных предприятий и понесенных убытков, пропорциональных капиталу, затраченному на оказание услуг. Гельветы, чтобы вторгнуться в римскую провинцию Галлию, сожгли свои жилища, побросали свои сельскохозяйственные орудия и за один год израсходовали сбережения многих людей. Предприятие не увенчалось успехом, и нация была уничтожена.

В некоторых случаях государства пытались, закладывая свой кредит, вместо того чтобы использовать свой капитал, скрыть опасности, которым они подвергались. Они нашли в привлеченных ими займах случайный ресурс, который воодушевил их предприятия. Судя по их способу создания переводных фондов, казалось, что они оставляют капитал для целей торговли в руках субъекта, в то время как на самом деле он расходуется правительством. С помощью этих средств они приступили к осуществлению великих национальных проектов, не приостанавливая частную промышленность, и оставили будущим поколениям отвечать, частично, за долги, заключенные с целью получения будущего вознаграждения. Пока что этот способ является правдоподобным и представляется справедливым. Таким образом, постепенно ложится и растущее бремя; и если в какой-то будущей эпохе нация пойдет ко дну, каждый министр надеется, что она все еще сможет удержаться на плаву в его собственной. Но именно по этой причине эта мера, при всех ее преимуществах, чрезвычайно опасна в руках опрометчивой и амбициозной администрации, рассматривающей только текущий случай и воображающей государство неисчерпаемым, в то время как капитал может быть взят в займы, а проценты выплачены.

Нам рассказывают о нации, которая в течение определенного периода соперничала со славой древнего мира, сбросила владычество повелителя, вооруженного против них силами великого королевства, сбросила ярмо, которым они были угнетены, и почти в течение столетия создала благодаря своему трудолюбию и национальной энергии новую и грозную державу, которая внушала бывшим властителям Европы благоговейный страх и тревогу и превратила знаки бедности, с которыми они отправлялись в путь, в знаки войны и господства. Эта цель была достигнута огромными усилиями духа, пробужденного угнетением, успешной погоней за национальным богатством и быстрым предвкушением будущих доходов. Но предполагается, что это прославленное государство не только, выражаясь языком предыдущего раздела, взяло верх в бизнесе; они наложили арест на наследие многих веков вперед.

Однако большие национальные расходы не означают необходимости каких-либо национальных страданий. В то время как доход успешно используется для достижения какой-либо ценной цели, прибыль от каждого предприятия, будучи более чем достаточной для возмещения его затрат, должна приносить пользу обществу, а его ресурсы должны продолжать приумножаться. Но расходы, независимо от того, ведутся ли они дома или за границей, являются ли они пустой

тратой настоящего дохода или ожиданием будущих доходов, если они не приносят должной отдачи, следует причислять к причинам национального разорения.

ОЧЕРК ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

* * * * *

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

О КОРРУПЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКОМ РАБСТВЕ.

* * * * *

РАЗДЕЛ I.

О КОРРУПЦИИ В ЦЕЛОМ.

Если бы состояние наций и их склонность к преумножению или к разорению оценивались простым уравниванием, исходя из принципов последнего раздела, статей прибыли и убытков, каждый политический аргумент основывался бы на сравнении национальных расходов с национальной выгодой; на сравнении числа потребляющих с числом производящих или накапливающих предметы первой необходимости. В колонны трудолюбивых и праздных входили бы все категории людей; и само государство, поскольку ему разрешено иметь столько магистратов, политиков и воинов, сколько едва хватает для его обороны и управления, должно было бы за вычетом своих потерь включить каждое имя, которое является нештатным в гражданском или военном списке; все те категории людей, которые благодаря обладанию состоянием существуют за счет доходов других и благодаря тщательности своего выбора требуют больших затрат времени и труда для обеспечения своего потребления; все те, кто празднично занят в кругу высокопоставленных лиц; все те, кто занимается юриспруденцией, медициной или богословием, вместе со всеми образованными людьми, которые своими исследованиями не продвигают и не совершенствуют практику какого-либо прибыльного ремесла. Короче говоря, ценность каждого человека должна определяться исходя из его труда; а ценность самого труда - из его тенденции добывать и накапливать средства к существованию. Искусства, используемые просто ради излишеств, должны быть запрещены, за исключением случаев, когда их продукты могут быть обменены с иностранными государствами на товары, которые могут быть использованы для содержания полезных людей на благо общества.

Таковы, по-видимому, правила, по которым скряга оценивал бы состояние своих собственных дел или дел своей страны; но схемы совершенной коррупции, по крайней мере, столь же невыполнимы, как схемы совершенной добродетели. Люди не всегда скупы; они не будут удовлетворены удовольствием от накопления; им нужно позволить наслаждаться своим богатством, чтобы они могли взять на себя труд разбогатеть. Собственность в обычном ходе человеческих дел разделена неравномерно: поэтому мы вынуждены терпеть, чтобы богатые расточали, чтобы бедные могли существовать; мы обязаны терпеть определенные категории людей, которые выше необходимости труда, для того, чтобы в их положении могли быть объект честолюбия и положение, к которому стремятся занятые. Мы не только обязаны допускать числа, которые при строгой экономии могут быть сочтены излишними, в гражданском, военном и политическом списках; но поскольку мы мужчины и предпочитаем занятие, совершенствование и блаженство нашей натуры простому существованию, мы должны даже

желать, чтобы как можно больше членов каждого сообщества могли быть допущены к участию в его обороне и управлении.

На самом деле, люди, преследуя в обществе разные цели или разделяя взгляды, добиваются широкого распределения власти и по какой-то случайности достигают положения для гражданских обязанностей, более благоприятного для человеческой природы, чем то, что человеческая мудрость когда-либо могла спокойно изобрести.

Если сила нации в настоящее время заключается в людях, на которых она может положиться и которые, к счастью или мудрости, объединены для ее сохранения, то отсюда следует, что манеры столь же важны, как численность или богатство, и что коррупцию следует считать главной причиной национального упадка.

Тот, кто понимает, каковы качества человека в его совершенстве, может легко по этому критерию отличить его недостатки или порочность. Если умный, смелый и отзывчивый ум составляет совершенство его натуры, то заметные недостатки в любой из этих особенностей должны пропорционально ухудшать его характер.

Мы заметили, что счастье индивида состоит в том, чтобы сделать правильный выбор своего поведения; что этот выбор приведет его к тому, что он потеряет в обществе чувство личной заинтересованности и, принимая во внимание то, что является долгом перед целым, заглушит те тревоги, которые относятся к нему как к части.

Естественная склонность человека к человечности и теплота его характера могут поднять его характер на эту удачную высоту. Его возвышение в значительной степени зависит от формы его общества; но он может, не навлекая на себя обвинения в коррупции, приспособиться к большим изменениям в структуре правительства. Та же честность и энергичный дух, которые в демократических государствах делают его стойким в своем равенстве, могут при аристократии или монархии побудить его поддерживать установленную субординацию. Он может придерживаться по отношению к различным слоям людей, с которыми он связан в государстве, принципов уважения и искренности; он может в выборе своих действий следовать принципам справедливости и чести, которые не могут быть стерты соображениями безопасности, привилегированного положения или выгоды.

Несмотря на наши жалобы на национальную развращенность, должно показаться, что целые группы людей иногда заражаются эпидемической слабостью головы или развращенностью сердца, из-за чего они становятся непригодными для занимаемого ими положения и угрожают государствам, которые они составляют, какими бы процветающими они ни были, перспективой упадка и разорения.

Изменение национальных нравов к худшему может произойти из-за прекращения сцен, в которых таланты людей счастливо развивались и применялись; или из-за изменения преобладающих мнений, касающихся составляющих чести или счастья. Когда предполагается, что простое богатство или благосклонность двора составляют ранг, разум отвлекается от рассмотрения качеств, на которые он должен полагаться. Великодушие, мужество и любовь к человечеству приносятся в жертву алчности и тщеславию или подавляются чувством зависимости. Индивид рассматривает свое сообщество лишь постольку, поскольку оно может служить его личному продвижению или выгоде: он утверждает себя в соревновании со своими собратьями; и, побуждаемый страстями соперничества, страха и ревности, зависти и злобы, он

следует принципам животного, обреченного сохранять свое отдельное существование и потакать своим прихотям или аппетитам за счет своего вида.

На этой порочной основе люди становятся либо алчными, лживыми и жестокими, готовыми посягать на права других; либо раболепными, корыстолюбивыми и подлыми, готовыми отказаться от своих собственных. Таланты, способности и сила ума, которыми обладает человек, подобный первому описанию, служат для того, чтобы еще глубже ввергнуть его в страдания и обострить агонию жестоких страстей, которые заставляют его причинять своим ближним те же муки, что и ему самому. Для человека второго типа воображение и сам разум служат только для того, чтобы указывать на ложные объекты страха и желания и множить поводы для разочарования и сиюминутной радости. В любом случае, и независимо от того, предполагаем ли мы, что развращенные люди движимы алчностью или преданы страхом, и без указания преступлений, которые по той или иной склонности они готовы совершить, мы можем с уверенностью утверждать вместе с Сократом, "Что каждый хозяин должен молиться, чтобы он не встретился с таким рабом; и каждый такой человек, будучи непригодным для свободы, должен умолять, чтобы он мог встретиться с милосердным хозяином".

Человек, находящийся под такой степенью развращенности, хотя и может быть куплен в рабство теми, кто знает, как обратить свои способности и свой труд на пользу; и хотя, когда его держат в надлежащих условиях, его соседство может быть удобным или полезным; все же, безусловно, непригоден действовать на основе либерального объединения или согласия со своими собратьями: его разум не склонен к дружбе или доверию; он не желает действовать ради сохранения других и не заслуживает того, чтобы кто-либо другой рисковал собственной безопасностью ради него.

Действительный характер человечества, между прочим, как в худшем, так и в лучшем состоянии, несомненно, неоднозначен: и нации наилучшего описания в значительной степени обязаны своим сохранением не только добрым нравам своих членов, но также и тем политическим институтам, с помощью которых буйные удерживаются от совершения преступлений, а трусливые или эгоистичные заставляются вносить свой вклад в общественную оборону или процветание. Посредством таких институтов и мудрых мер предосторожности со стороны правительства нации могут существовать и даже процветать при самых разных степенях коррупции или общественной неподкупности.

До тех пор, пока предполагается, что большинство людей действует в соответствии с принципами честности, пример хороших и даже предостережение плохих создают общее впечатление честности и невинности. Там, где люди являются друг для друга объектами привязанности и доверия, где они обычно не склонны обижать, правительство может быть небрежным; и с каждым человеком можно обращаться как с невиновным, пока он не будет признан виновным. Поскольку субъект в данном случае не слышит о преступлениях, ему не нужно рассказывать о наказаниях, назначенных лицам иного характера. Но там, где нравы народа значительно меняются к худшему, каждый подданный должен быть настороже, а само правительство должно действовать в соответствии с подходящими принципами страха и недоверия. Индивид, более не годный для того, чтобы ему потакали в его претензиях на личное внимание, независимость или свободу, каждым из которых он мог бы злоупотребить, должен быть научен с помощью внешней силы и из побуждений страха имитировать те проявления невинности и долга, к которым он не расположен: его следует отправить к кнуту или виселице за

аргументами в поддержку предостережения, которое государство теперь требует от него принять, исходя из предположения, что он нечувствителен к мотивам, рекомендующим практиковать добродетель.

Правила деспотизма созданы для правления коррумпированных людей. Им действительно следовали в некоторых примечательных случаях даже при римском государстве; и кровавый топор, чтобы устроить гражданина от его преступлений и отразить случайные и временные проявления порока, неоднократно применялся по произволу диктатора. В конце концов они были созданы на руинах самой республики, когда либо народ стал слишком развращенным для свободы, либо когда магистрат стал слишком развращенным, чтобы сложить свою диктаторскую власть. Этот вид правления приходит естественным образом после прекращения продолжающейся и растущей коррупции; но, без сомнения, в некоторых случаях он приходит слишком рано и приносит в жертву остатки добродетели, заслуживавшие лучшей участи, зависти тиранов, которые спешили увеличить свою власть. Этот метод правления не может в таких случаях не привести к той мере коррупции, от внешних последствий которой он желателен в качестве средства правовой защиты. Когда страх предлагается в качестве единственного мотива исполнения долга, любое искусство становится хищническим или низменным. И это лекарство, если его применить к здоровому телу, обязательно вызовет чумку, которую в других случаях ему суждено вылечить.

Это способ правления, к которому алчные и высокомерные, чтобы удовлетворить свои несчастные желания, подталкивают своих ближних: это способ правления, которому робкие и раболепные подчиняются по своему усмотрению; и когда эти хищные и робкие персонажи разделяют человечество, даже добродетели Антонина или Траяна могут сделать не больше, чем честно и энергично применить кнут и меч; и попытаться, надеясь на награду или боясь наказания, найти быстрое и временное лекарство от преступлений. , или о слабости мужчин.

Другие государства могут быть более или менее коррумпированными: в основе этого лежит коррупция. Здесь справедливость может иногда направлять действия деспотического суверена; но имя справедливости чаще всего используется для обозначения интересов или прихотей правящей державы. Человеческое общество, восприимчивое к такому разнообразию форм, находит здесь самую простую из всех. Труды и имущество многих предназначены для утоления страстей одного или немногих; и единственные партии, которые остаются среди человечества, - это угнетатель, который требует, и угнетенные, которые не смеют отказать.

Народы, хотя и имели право на более мягкую участь, как в случае с неоднократно завоеванными греками, были доведены до этого состояния военной силой. Они достигли этого также в зрелости своего собственного разврата; когда, подобно римлянам, вернувшимся после завоевания и нагруженным мирской добычей, они дали волю фракциям и преступлениям, слишком смелым и частым, чтобы исправлять обычное правительство; и когда меч правосудия, обгаемый кровью и постоянно необходимый для подавления накапливающихся беспорядков со всех сторон, не мог больше ждать задержек и предосторожностей администрации, скованной законами. [Примечание: Саллюстий. Колокол. Каталинарий.]

Однако из истории человечества хорошо известно, что коррупция такой или любой другой степени не свойственна нациям в период их упадка или в результате заметного процветания и больших достижений в искусстве торговли. Общественные группы, действительно, в небольших и зарождающихся учреждениях, как правило, сильны; и их подданные либо благодаря горячей

преданности своему собственному племени, либо яростной враждебности к врагам, а также благодаря энергичному мужеству, основанному на том и другом, вполне способны способствовать процветанию растущего сообщества. Но, несмотря на это, дикарь и варвары дали на примере целых народов несколько примеров слабого и робкого характера. [Примечание: Варварские народы Сибири, в целом, раболепны и робки.] Во многих случаях они впадали в тот вид разврата, который мы уже описали в "Трактовке варварских народов"; они сделали грабеж своим ремеслом не просто как вид войны или с целью обогатить свое сообщество, но и для того, чтобы обладать собственностью, которую они научились предпочитать даже узам привязанности или крови.

На самом низком уровне коммерческого искусства страсть к богатству и господству являла собой сцены угнетения или раболепия, которые не могла превзойти самая законченная испорченность высокомерных, трусливых и корыстолюбивых людей, основанная на желании приобрести состояние или на страхе потерять его. В таких случаях пороки людей, не сдерживаемые формами и не сдерживаемые полицией, выливаются в массовый бунт и дают о себе знать во всей полноте. Партии соответственно объединяются или расходятся, руководствуясь принципами банды грабителей; они жертвуют ради интереса самыми нежными чувствами человеческой натуры. Родитель поставляет рабов на рынок, даже продавая своих собственных детей; коттедж перестает быть убежищем для слабого и беззащитного чужака; и права гостеприимства, часто столь священные у народов в их первобытном состоянии, начинают нарушаться, как и все другие узы человечества, без страха и угрызений совести. [Примечание: Путешествие Шардена через Мингрелию в Персию.]

Народы, которые в более поздние периоды своей истории прославились гражданской мудростью и справедливостью, возможно, в прежние века переживали пароксизмы незаконного беспорядка, к которым отчасти можно было бы применить это описание. Сама политика, с помощью которой они достигли своей степени национального благополучия, была разработана как средство от возмутительных злоупотреблений. Установление порядка началось с совершения изнасилований и убийств; возмущение и личная месть были принципами, на которых нации приступили к изгнанию тиранов, освобождению человечества и полному разъяснению его политических прав.

Недостатки правительства и закона в некоторых случаях могут рассматриваться как признак невинности и добродетели. Но там, где власть уже установлена, где сильные не желают терпеть ограничений, а слабые не могут найти защиты, дефекты закона являются признаками самой совершенной коррупции.

У грубых народов правительство часто несовершенно; как потому, что люди еще не знакомы со всеми пороками, от которых утонченные нации пытались найти средство; так и потому, что даже там, где зло самого вопиющего характера уже давно нарушает общественный покой, они еще не смогли применить лекарство. По мере прогресса цивилизации возникают новые смуты и применяются новые средства правовой защиты; но средство правовой защиты не всегда применяется в тот момент, когда появляется смута; и законы, хотя и вызваны совершением преступлений, являются симптомом не недавнего разврата, а желания найти средство, которое, возможно, излечит какое-то застарелое зло, давно поражающее государство.

Однако существуют пороки, при которых люди все еще обладают энергией и решимостью исправиться. Таковы насилие и ярость, которые сопровождают столкновение свирепых и

отважных духов, занятых борьбой, которая иногда предшествует рассвету гражданских и коммерческих улучшений. В таких случаях люди часто находили средство от зла, главными причинами которого были их собственная введенная в заблуждение импульсивность и превосходящая сила ума. Но если к развращенному нраву, как мы предполагаем, присоединяется слабость духа; если к восхищению и жажде богатства присоединяется отвращение к опасности или бизнесу; если те слои людей, в чьей доблести нуждается общество, перестают быть храбрыми; если члены общества в целом не обладают теми личными качествами, которые требуются, чтобы занять положение равенства или чести, к которому их призывают формы государства; они должны опуститься до такой глубины, из которой их глупость, даже в большей степени, чем их порочные наклонности, может помешать им подняться.

РАЗДЕЛ II

РОСКОШИ.

Мы далеки от согласия относительно применения термина *роскошь* или относительно той степени его значения, которая согласуется с национальным процветанием или с моральной прямой нашей натуры. Иногда оно используется для обозначения образа жизни, который мы считаем необходимым для цивилизации и даже для счастья. В нашем панегирике просвещенным векам она является родоначальницей искусств, опорой торговли и служителем национального величия и богатства. В нашем осуждении дегенеративных нравов это источник коррупции и предвестие национального упадка и гибели. Им восхищаются и порицают; к нему относятся как к украшению и пользе, и это запрещено как порок.

При всем этом разнообразии наших суждений мы, как правило, едины в использовании этого термина для обозначения того сложного аппарата, который человечество изобретает для легкости и удобства жизни. Их здания, мебель, экипаж, одежда, свита слуг, изысканность стола и, в общем, все то убранство, которое скорее предназначено для удовлетворения фантазии, чем для удовлетворения реальных потребностей, и которое скорее декоративно, чем полезно.

Следовательно, когда мы склонны под названием *роскошь* причислять наслаждение этими вещами к порокам, мы либо молчаливо имеем в виду привычки к чувственности, разврату, расточительности, тщеславию и высокомерию, которыми иногда сопровождается обладание большим состоянием; либо мы понимаем определенную меру того, что необходимо для человеческой жизни, сверх которой все удовольствия считаются чрезмерными и порочными. Когда, напротив, роскошь становится предметом национального блеска и блаженства, мы думаем о ней только как о невинном следствии неравномерного распределения богатства и как о методе, с помощью которого различные сословия становятся взаимозависимыми и взаимно полезными. Бедных заставляют заниматься искусством, а богатых - вознаграждать их. Само общество выигрывает от того, что, по-видимому, расточает его запасы, и оно получает постоянный прирост богатства под влиянием тех растущих appetitов и утонченных вкусов, которые, по-видимому, угрожают потреблению и разорению.

Несомненно, что мы должны либо, вместе с коммерческими искусствами, позволить наслаждаться их плодами и даже в какой-то мере восхищаться ими; либо, подобно спартамцам, запретить само искусство, пока мы боимся его последствий, или пока мы думаем, что удобства, которые оно приносит, превышают то, что требует природа. Но мы можем предложить

остановить развитие искусств на любой стадии их развития и все равно навлечь на себя порицание роскоши со стороны тех, кто не продвинулся так далеко. Домостроитель и плотник в Спарте ограничивались использованием топора и пилы; но спартанский коттедж мог бы сойти за дворец во Фракии; и если бы спор зашел о знании того, что физически необходимо для сохранения человеческой жизни, как о стандарте того, что морально законно, то способности физики, так же как и нравственности, вероятно, разделились бы по этому вопросу и предоставили каждому индивиду, как и в настоящее время, самому находить какое-то правило. Казуист, по большей части, рассматривает практику своего возраста и состояния как стандарт для человечества. Если в одну эпоху или при других условиях он осуждал использование кареты, то в другую он не менее осуждал бы ношение обуви; и тот самый человек, который выступает против первого, вероятно, не пощадил бы второе, если бы оно не было уже знакомо в века, предшествовавшие его собственному. Цензор, родившийся в хижине и привыкший спать на соломе, не предлагает людям возвращаться в леса и пещеры в поисках убежища; он признает разумность и полезность того, что уже знакомо; и усматривает излишество и испорченность только в новейшей утонченности подрастающего поколения.

Духовенство Европы последовательно выступало против каждой новой моды и каждого новшества в одежде. Обычаи молодости вызывают порицание у стариков; а обычаи последнего века, в свою очередь, вызывают насмешки у легкомысленных и молодых. По этому поводу не всегда можно найти лучшего объяснения, чем то, что старики склонны быть суровыми, а молодые - веселыми.

Аргумент против многих жизненных удобств, приведенный из простого соображения о том, что в них нет необходимости, был одинаково уместен как в устах дикаря, который отговаривал от первых применений трудолюбия, так и в устах моралиста, настаивающего на тщетности последних. "Наши предки, - мог бы сказать он, - нашли свое жилище под этой скалой; они собирали пищу в лесу; они утоляли свою жажду у источника; и они были одеты в добычу зверя, которого они убили. Зачем нам потакать ложному лакомству или требовать от земли плодов, которые она не привыкла давать? Лук нашего отца уже слишком силен для наших рук, и дикий зверь начинает владеть им в лесу".

Таким образом, моралист, возможно, находил в поведении каждого века те темы для порицания, исходя из которых он так склонен осуждать собственные нравы; и наше замешательство по этому поводу, возможно, является лишь частью того общего замешательства, с которым мы сталкиваемся, пытаясь определить моральные качества по внешним обстоятельствам, которые могут сопровождаться, а могут и не сопровождаться недостатками ума и сердца. Один человек находит порок в ношении льняной одежды; другой - нет, если только ткань не тонкая; и если, между тем, верно, что человек может быть одет как грубо, так и изысканно; что он может спать в поле или жить во дворце; ступать по ковру или твердо стоять на земле; в то время как ум либо сохраняет, либо утратил свою проницательность и силу, а сердце - привязанность к человечеству, то при любых таких обстоятельствах тщетно искать различия между добродетелью и пороком или обвинять утонченного гражданина в слабости к какой-либо части тела. из-за его экипировки или из-за того, что он носил меха, в которые, возможно, до него был одет какой-нибудь дикарь. Тщеславие не отличается каким-либо особенным видом одежды. Это проявляется у индейца в фантастическом ассортименте его перьев, раковин, мехов праздничных расцветок, а также во времени, которое он уделяет зеркалу и туалету. Его замыслы в лесу и в городе одинаковы: в первом случае он ищет, с

подкрашенным лицом и искусственно подкрашенными зубами, того восхищения, которое он вызывает в другом золоченом экипаже и парадными ливреями.

Утонченные нации в своем прогрессе часто превосходят грубых в умеренности и строгости манер. "Греки, - говорит Фукидид, - не так давно, подобно варварам, носили золотые блески в волосах и ходили вооруженными в мирное время". Простота одежды у этого народа стала признаком вежливости, и сами по себе материалы, которыми питается или одевается тело, вероятно, не имеют большого значения для любого народа. Мы должны искать характер людей в качествах ума, а не в виде их пищи или в способе одевания. То, что сейчас является украшением серьезного и сурового человека; то, что считается настоящим удобством, когда-то было щегольством юности или было придумано для ублажения изнеженных. Новая мода, действительно, часто является признаком щегольства; но мы часто меняем нашу моду, не умножая щегольства и не увеличивая меру нашего тщеславия и глупости.

Являются ли, следовательно, опасения суровых людей во все века одинаково беспочвенными и необоснованными? Неужели мы никогда не должны опасаться какой-либо ошибки в статье об изысканности, даруемой средствам существования или удобствам жизни? Дело в том, что люди постоянно подвержены совершению ошибок в соответствии с этим пунктом, не только там, где они привыкли к высоким условиям проживания или к какому-либо определенному виду пищи, но и везде, где эти предметы в целом могут оказаться предпочтительнее их характера, их страны или человечества; они действительно совершают такую ошибку, когда их восхищают ничтожные различия или несерьезные преимущества; когда они уклоняются от мелких неудобств и неспособны энергично выполнять свой долг. Применение морали в этом вопросе заключается не в том, чтобы ограничивать людей каким-либо определенным видом жилья, диеты или одежды; но в том, чтобы помешать им рассматривать эти удобства как главные цели человеческой жизни. И если нас спросят, где должна прекратиться погоня за пустяками, чтобы человек мог полностью посвятить себя высшим занятиям жизни? мы можем ответить, что это должно прекратиться там, где оно есть. Таково было правило, которому следовали в Спарте: цель этого правила состояла в том, чтобы сохранить сердце целым для публики и занять людей развитием их собственной натуры, а не накоплением богатства и внешних удобств. Иначе и не ожидалось, что топор или пила будут иметь большее политическое значение, чем рубанок и стамеска. Когда Катон ходил по улицам Рима без одежды и без обуви, он делал это, скорее всего, с презрением к тому, чем егосоотечественники были так склонны восхищаться, а не в надежде найти достоинство в одном виде одежды или порок в другом.

Следовательно, роскошь, рассматриваемая как пристрастие к предметам тщеславия и дорогостоящим материалам для удовольствий, губительна для человеческого характера; рассматриваемая как простое использование приспособлений и удобств, приобретенных веком, скорее зависит от прогресса, достигнутого механическими искусствами, и от степени неравномерного распределения состояния людей, чем от склонности отдельных людей либо к пороку, либо к добродетели.

Однако различные меры роскоши по-разному подходят для разных форм правления. Развитие искусств предполагает неравномерное распределение состояния; и средства различия, которые они приносят, служат для того, чтобы сделать разделение по рангам более разумным. По этой причине роскошь, помимо всех ее моральных последствий, неблагоприятна для формы демократического правления; и в любом состоянии общества она может быть безопасно

допущена только в той степени, в какой предполагается, что члены сообщества имеют неравный ранг и устанавливают общественный порядок посредством отношений вышестоящего и вассального подчинения. Высокие степени этого кажутся полезными и даже необходимыми при монархических и смешанных правительствах; где, помимо поощрения искусств и торговли, это служит для придания блеска тем наследственным или конституционным достоинствам, которые занимают важное место в политической системе. Приводит ли роскошь и здесь к злоупотреблениям, свойственным эпохам высокой утонченности и богатства, мы рассмотрим в следующих разделах.

РАЗДЕЛ III.

ОБ ИНЦИДЕНТЕ С КОРРУПЦИЕЙ В РАЗВИТЫХ СТРАНАХ.

Роскошь и коррупция часто сочетаются друг с другом и даже считаются синонимами. Но, чтобы избежать какого-либо спора о словах, под первым мы можем понимать накопление богатства и утончение способов его использования, которые являются объектами промышленности или плодами механического и коммерческого искусства; а под вторым - действительную слабость или порочность человеческого характера, которая может сопровождать любое состояние этих искусств и обнаруживаться при любых внешних обстоятельствах вообще. Остается выяснить, какие пороки присущи образованным нациям, достигшим определенных пределов роскоши и обладающим определенными преимуществами, в которых они, как обычно предполагается, преуспевают?

Нам нет необходимости прибегать к параллели между нравами целых народов, проявляющимися в крайностях цивилизации и грубости, чтобы убедиться, что пороки людей не пропорциональны их благосостоянию; или что привычки к алчности или чувственности не основаны на каких-либо определенных показателях богатства или определенном виде наслаждений. Там, где положение отдельных людей настолько различно в зависимости от их личного положения, насколько это возможно в зависимости от состояния национальной утонченности, одни и те же страсти к интересу или удовольствию преобладают в любых условиях. Они возникают из-за темперамента или приобретенного восхищения собственностью, а не из-за какого-то определенного образа жизни, в который вовлечены стороны, и не из-за какого-то определенного вида собственности, которая могла занимать их заботы и желания.

Воздержанность и умеренность, по крайней мере, так же распространены среди тех, кого мы называем высшими, как и среди низших классов людей; и как бы мы ни приписывали характер трезвости простой дешевизне рациона питания и другим условиям, которыми, по-видимому, довольны люди любого определенного возраста или ранга, хорошо известно, что дорогостоящие материалы не являются необходимыми для того, чтобы представлять собой разврат, а расточительство под соломенной крышей встречается реже, чем под высоким потолком. Мужчины одинаково привыкают к различным условиям, получают одинаковое удовольствие и одинаково склонны к чувственности во дворце и в пещере. Приобретение ими привычек невоздержанности или лени зависит от отказа от других занятий и от отвращения ума к другим занятиям. Если сердечные привязанности пробуждены и страсти любви, восхищения или гнева разожжены, дорогим убранством дворца, так же как и домашним убранством коттеджа, пренебрегают; и люди, когда пробуждаются, отвергают свой покой; или, когда устают, принимают его одинаково на шелковой кровати или на соломенном ложе.

Однако отсюда мы не можем заключить, что роскошь со всеми сопутствующими ей обстоятельствами, которые либо способствуют ее росту, либо которые в устройстве гражданского общества следуют за ней как следствия, не могут сказаться в ущерб национальным нравам. Если эта передышка от общественных опасностей и тревог, которая дает досуг для занятий коммерческим искусством, будет продолжена или увеличена до отказа от национальных усилий; если индивидууму, не призванному объединяться со своей страной, предоставить преследовать свою личную выгоду; мы можем обнаружить, что он становится женоподобным, корыстолюбивым и чувственным; не потому, что удовольствия и прибыль становятся более заманчивыми, а потому, что у него меньше потребностей уделять внимание другим объектам; и потому, что у него больше стимулов изучать свои личные преимущества и преследовать свои отдельные интересы.

Если различия в ранге и богатстве, которые необходимы для стремления к роскоши или наслаждения ею, создают ложные основания для прецедента и оценки; если просто из соображений богатства или бедности одна категория людей, по их собственному мнению, возвышается, а другая унижается; если один преступно горд, другой подло подавлен; и каждый ранг на своем месте, подобно тирану, который думает, что нации созданы для него, склонен присваивать права человечества, хотя, при сравнении, высшая категория может быть наименее развращенной; или из-за образования и чувства собственного достоинства. люди, обладающие личным достоинством, сохраняют большинство хороших качеств; однако один становится корыстным и раболепствующим; другой властным и высокомерным; оба невзирая на справедливость и заслуги; вся масса развращается, и нравы общества меняются к худшему по мере того, как его члены перестают действовать на принципах равенства, независимости или свободы.

Исходя из этой точки зрения и принимая во внимание достоинства людей абстрактно, простое изменение привычек республики к привычкам монархии; от любви к равенству к чувству подчинения, основанному на рождении, титулах и богатстве, является разновидностью развращения человечества. Но такая степень коррупции все еще совместима с безопасностью и процветанием некоторых наций; она предполагает непоколебимое мужество, благодаря которому права отдельных лиц и королевств могут надолго сохраняться.

При форме монархии, пока она еще в силе, высокое состояние, действительно, является одним из признаков, по которому различаются различные слои людей; но есть некоторые другие составляющие, без которых богатство не признается основой превосходства и в пользу которых им часто пренебрегают и расточают. Таковы происхождение и титулы, репутация храбреца, придворные манеры и определенная возвышенность ума. Если мы предположим, что эти различия забыты, и само благородство будет узнаваемо только по роскошной свите, которую можно приобрести только за деньги, и по щедрым расходам, которые более поздние состояния, как правило, могут лучше поддерживать, то роскоши должно быть позволено развращать монархическое государство в той же степени, что и республиканское, и вносить фатальный упадок нравов, при котором у людей любого положения, хотя они и стремятся приобрести или выставить напоказ свое богатство, не остается и следа истинных амбиций. У них нет ни возвышенности знати, ни верности подданных; они превратили в изнеженное тщеславие то чувство чести, которое придавало правила личному мужеству; и в раболепную низость ту верность, которая привязывала каждого на своем месте к его непосредственному начальнику, а всех - к трону.

Нации наиболее подвержены развращению с этой стороны, когда механические искусства, достигшие большого прогресса, создают бесчисленное количество предметов, которые можно использовать для украшения человека, в качестве мебели, развлечений или экипировки; когда восхищаются такими предметами, которые могут приобрести только богатые; и когда уважение, приоритет и ранг соответственно ставятся в зависимость от состояния.

На более примитивном уровне развития искусства, хотя богатство делится неравномерно, богатые могут накопить только простые средства к существованию: они могут только наполнять житницы и обставлять стойла; собирать урожай с более обширных полей и перегонять свои стада на более обширные пастбища. Чтобы наслаждаться своим великолепием, они должны жить в толпе; а чтобы обезопасить свое имущество, они должны быть окружены друзьями, которые поддерживают их ссоры. Их почести, так же как и их безопасность, заключаются в количестве людей, которые их посещают; а их личные отличия заключаются в их щедрости и предполагаемой возвышенности ума. Таким образом, обладание богатством служит только для того, чтобы заставить владельца проявить великодушие, стать хранителем численности или общественным объектом уважения и привязанности. Но когда громоздкие составляющие богатства и деревенского великолепия могут быть обменены на изысканные вещи; и когда плоды земли могут быть превращены в экипаж и простое украшение; когда сочетание многих из них больше не требуется для личной безопасности; хозяин может стать единственным потребителем своего собственного имущества: он может предоставить пользование каждым предметом самому себе; он может использовать материалы щедрости для удовлетворения личного тщеславия или для потворства болезненной и изнеженной фантазии, которая научилась причислять атрибуты слабости или безумия к предметам первой необходимости.

Персидский сатрап, как нам рассказывают, когда он увидел царя Спарты на месте их совещания, растянувшегося на траве со своими солдатами, покраснел от того, что тот позаботился о размещении его собственной персоны; он приказал убрать меха и ковры; он почувствовал собственную неполноценность и вспомнил, что он должен вести переговоры с мужчиной, а не соперничать с пышным шествием в дорогих нарядах и великолепии.

Когда среди обстоятельств, не подвергающих испытанию добродетели или таланты людей, мы привыкли к ауре превосходства, которую богатые люди создают в своей свите, мы склонны терять всякое чувство отличия, проистекающее из заслуг или даже способностей. Мы оцениваем наших сограждан по тому, сколько они способны заработать; по их зданиям, одежде, экипировке и свите их последователей. Все эти обстоятельства играют определенную роль в нашей оценке того, что является превосходным; и если известно, что сам учитель представляет собой зрелище в разгар своего состояния, мы, тем не менее, отдаем должное его положению и с завистью, подбострастием или унынием смотрим на то, что само по себе едва ли годится для развлечения детей; хотя, когда его носят как знак отличия, оно разжигает честолюбие тех, кого мы называем великими, и внушает толпе благоговейный трепет и уважение.

Мы судим о целых нациях по достижениям нескольких механических искусств и думаем, что говорим о людях, в то время как мы хвастаемся их поместьями, их одеждой и их дворцами. Том смысле, в каком мы применяем термины, *великие и благородные, высокие чины светская жизнь*, показать, что у нас, в таких случаях, передали идею совершенства, от характера до

кареты; и что совершенство само, в наши достоинства, просто конкурс, украсили по отличной счет трудами многих рабочих.

Тем, кто упускает из виду тонкие перемены в воображении, может показаться, что, поскольку богатство не может сделать ничего большего, чем обеспечить средства к существованию и приобрести животные удовольствия, что алчность и продажность сами по себе должны идти в ногу с нашими страхами перед нуждой или с нашим аппетитом к чувственным наслаждениям; и что там, где аппетит удовлетворен и страх нужды устранен, ум должен быть спокоен в отношении удачи. Но это не простые удовольствия, которые доставляет богатство, и не выбор яств, которыми богаты люди, разжигающие страсти алчных и корыстолюбивых. Природа легко удовлетворяется всеми своими удовольствиями. Это мнение о возвышении, связанное с состоянием; это чувство унижения, сопутствующее бедности, которое делает нас слепыми ко всем преимуществам, кроме преимуществ богатых; и нечувствительными ко всякому позору, кроме преимуществ бедных. Именно это печальное предчувствие иногда готовит нас к пренебрежению всеми обязанностями, к подчинению любому унижению и к совершению любого преступления, которое может быть совершено в безопасности.

Ауренгзебе не был более известен трезвостью в своем личном положении и в поведении предполагаемого лицемерия, с помощью которого он стремился к суверенной власти, чем он продолжал быть даже на троне Индостана. Простой, воздержанный, суровый в своем питании и других удовольствиях, он все еще вел жизнь отшельника и тратил свое время на, казалось бы, болезненное участие в делах великой империи. [Сноска: Джемелли Карери.] Он покинул положение, на котором, если бы его целью было удовольствие, он мог бы без стеснения потакать своей чувственности; он направился к сцене беспокойства и забот; он стремился к вершине человеческого величия, к обладанию имперским состоянием, а не к удовлетворению животного аппетита или наслаждению легкостью. Превосходя чувственные удовольствия, а также чувства природы, он сверг своего отца с престола и убил своих братьев, чтобы он мог кататься на колеснице, инкрустированной бриллиантами и жемчугом; чтобы его слоны, верблюды и лошади на марше могли выстраиваться в линию протяженностью во много лиг; чтобы он мог представить солнцу сверкающую сбрую; и, нагруженный сокровищами, явить взору униженной и восхищенной толпы это ужасное величие, в присутствии которого они должны были удариться лбом о землю и быть пораженными сознанием его величия, и чтобы он был поражен. с этим связано их собственное унижение.

Поскольку именно эти объекты вызывают желание господства и побуждают честолюбцев стремиться к господству над своими собратьями; точно так же они внушают обычной расе людей чувство немощи и низости, которое готовит их к тому, чтобы терпеть унижения и становиться собственностью людей, которых они считают по рангу и натуре намного превосходящими их собственные. Соответственно, цепи вечного рабства, по-видимому, скованы на востоке не в меньшей степени зрелищем, сопровождающим обладание властью, чем страхом перед мечом и ужасами военной казни. На западе, так же как и на востоке, мы готовы поклониться великолепному экипажу и держаться на ужасном расстоянии от пышности княжеского поместья. Нас тоже могут напугать хмурые взгляды или завоевать улыбки тех, чья благосклонность - богатство и почести, а недовольство - бедность и пренебрежение. Мы тоже можем не замечать почестей человеческой души, восхищаясь зрелищами, которые сопутствуют удаче. Процессия слонов, украшенных золотом, может ослепить и превратить в рабов людей, которые черпают испорченность и слабость в результате своих собственных искусств и

изобретений, а также тех, кто унаследовал раболепие от своих предков и ослаблен своим природным темпераментом и обессиляющим очарованием своей почвы и климата.

Таким образом, представляется, что, хотя простое использование материалов, составляющих роскошь, можно отличить от действительного порока, все же нации, находящиеся на высоком уровне коммерческого искусства, подвержены коррупции из-за признания ими богатства, не подкрепленного личным возвышением и добродетелью, как великой основой отличия, и из-за того, что их внимание обращено на сторону интересов, как на путь к уважению и почестям.

Таким образом, роскошь может способствовать развращению демократических государств, вводя разновидность монархического подчинения, лишенного того чувства высокого происхождения и наследственных почестей, которые делают границы рангов фиксированными и определяющими и которые учат людей действовать на своем посту с силой и пристойностью. Это может стать причиной политической коррупции даже в монархических правительствах, вызывая уважение к простому богатству; бросая тень на блеск личных качеств или семейных отличий; и заражая все слои людей одинаковой продажностью, раболепием и трусостью.

РАЗДЕЛ IV.

Продолжение той же темы.

Растущее внимание, с которым люди, по мере развития коммерческого искусства, начинают думать о своей прибыли, или деликатность, с которой они изощряются в своих удовольствиях; даже само трудолюбие или привычка заниматься утомительным занятием, при котором не добиваются почестей, могут, возможно, рассматриваться как признаки растущего внимания к интересу или изнеженности, проявляющейся в наслаждении легкостью и удобством. Каждое последующее искусство, с помощью которого индивид учится увеличивать свое состояние, на самом деле является дополнением к его частным занятиям и новым направлением его мышления в обществе.

Коррупция, однако, возникает не только из злоупотребления коммерческими искусствами; она требует помощи политической ситуации; и не вызывается объектами, которые вызывают низменный и корыстный дух, без помощи обстоятельств, которые позволяют людям безопасно предаваться любым низменным наклонностям, которые они приобрели.

Провидение подготовило человечество к более высоким занятиям, которые оно иногда вынуждено выполнять; и именно в разгар таких занятий у них больше всего шансов приобрести или сохранить свои добродетели. Привычки энергичного ума формируются в борьбе с трудностями, а не в наслаждении покоем тихоокеанской станции; проницательность и мудрость - плоды опыта, а не уроки уединения и досуга; пыл и великодушие - качества ума, пробуждающиеся и оживляющиеся при разыгрывании сцен, которые затрагивают сердце, а не дары размышлений или знаний. Простой перерыв в национальных и политических усилиях, несмотря на это, иногда ошибочно принимается за общественное благо; и нет ошибки, которая с большей вероятностью способствовала бы развитию пороков или льстила слабости немощных и заинтересованных людей.

Если обычные политические приемы или, скорее, если растущее безразличие к объектам общественного характера восторжествует и при любой свободной конституции положит конец партийным спорам и заглушит шум разногласий, которые обычно сопровождают

осуществление свободы, мы можем рискнуть предсказать коррупцию в национальных нравах, а также небрежность в национальном духе. Наступает период, когда отсутствие участия со стороны общества, частные интересы и удовольствие животных становятся суверенными объектами заботы. Когда люди, освободившись от давления важных событий, уделяют свое внимание пустякам; и доведя то, что им нравится называть *чувствительностью* и *деликатностью*, в отношении непринужденности или назойливости, насколько это возможно в реальной слабости или безумии, прибегают к притворству, чтобы усилить мнимые требования и накопить тревоги болезненного воображения и ослабленного ума.

В этом состоянии человечество обычно льстит собственной глупости под названием *вежливости*. Они убеждены, что знаменитый пыл, великодушие и стойкость прежних эпох граничили с безумием или были просто следствием необходимости для людей, у которых не было средств наслаждаться своей легкостью или своими удовольствиями. Они поздравляют себя с тем, что избежали бури, потребовавшей проявления таких трудных добродетелей; и с тем тщеславием, которое сопровождает человеческий род в его самом жалком положении, они хвастаются сценой жеманства, вялости или безрассудства как эталоном человеческого счастья и как наиболее подходящим проявлением рациональной натуры.

То, что умы людей становятся сбитыми с толку в определении достоинств, равно как и дух ослабевает в поведении, а сердце вводится в заблуждение при выборе своих объектов, не является ни одним из наименее угрожающих симптомов эпохи, склонной к вырождению. считается, что забота о простом богатстве составляет мудрость; уход от общественных дел и подлинное безразличие к человечеству вызывают аплодисменты умеренности и добродетели.....

Великая сила духа и возвышенность ума, действительно, не всегда использовались для достижения ценных целей; но они всегда достойны уважения и всегда необходимы, когда мы хотим действовать на благо человечества, на любом из наиболее трудных этапов жизни. Поэтому, хотя мы и обвиняем их в неправильном применении, нам следует остерегаться обесценивания их ценности. Люди суровой и нравоучительной морали не всегда в достаточной степени соблюдали это предостережение; они также не осознавали должным образом развращенности, которой они льстили, используя сатиру против того, что является устремленным и заметным в характере человеческой души.

Можно было бы ожидать, что в эпоху безнадежного упадка таланты Демосфена и Туллия, даже плохо управляемое великодушие македонца или смелое предприятие карфагенского вождя могли ускользнуть от язвительности сатирика [Примечание: десятая сатира Ювенала], который, по его мнению, имел так много объектов для исправления и в такой высокой степени владел искусством декламации.

I, demens, et saevos curre per Alpes,
Ut pueris placeas, et declamatio fias,

это часть нелиберального порицания, которое этот поэт бросает личности и действиям лидера, который своим мужеством и поведением на том самом служении, о котором шла речь в сатире, почти спас свою страну от разорения, которому она в конце концов подверглась.

Герои во многом одинаковы, суть сходится,
От македонского безумца до шведа,

- это дистих, в котором другой поэт прекрасного таланта попытался обесценить имя, к которому, вероятно, мало кто из его читателей стремится.

Если людям суждено сбиться с пути, есть выбор между их ошибками, равно как и между их добродетелями. Честолюбие, любовь к личному величию и жажда славы, хотя они иногда и приводят к совершению преступлений, все же всегда увлекают людей в занятия, требующие поддержки некоторых из величайших качеств человеческой души; и если возвышение является главной целью стремления, существует, по крайней мере, вероятность того, что можно изучать те качества, на основе которых достигается реальное возвышение ума. Но когда общественная тревога утихнет и презрение к славе будет рекомендовано как образец мудрости, низменные привычки и корыстолюбивые наклонности, которым при всеобщем безразличии к национальным целям подвержены члены утонченного или коммерческого государства, должны будут сразу же оказаться наиболее эффективным подавлением всякого либерального чувства и самым фатальным обратным действием всех тех принципов, из которых сообщества черпают свою силу и надежды на сохранение.

Благородно обладать счастьем и независимостью либо на пенсии, либо в общественной жизни. Характерной чертой счастливых людей является умение хорошо проявлять себя в любых условиях: при дворе или в деревне, в сенате или в частном убежище. Но если они воздействуют на какую-то конкретную станцию, то, несомненно, именно там их действия могут принести наибольшую пользу. Следовательно, то, что мы рассматриваем простое уединение как признак умеренности и добродетели, является либо пережитком той системы, при которой монахи и отшельники в прежние века были канонизированы, либо проистекает из привычки мыслить, которая, по-видимому, в равной степени чревата моральным разложением, из того, что мы рассматриваем общественную жизнь как арену для удовлетворения простого тщеславия, скупости и честолюбия, никогда не предоставляющую наилучшей возможности для справедливого и счастливого занятия ума и сердца.

Соперничество и жажда власти - всего лишь прискорбные мотивы общественного поведения; но если они в любом случае были главными стимулами, побуждавшими людей принимать участие в служении своей стране, то любое уменьшение их распространенности или силы является действительным разложением национальных нравов; а мнимая умеренность, принятая на вооружение высшими слоями населения, имеет роковые последствия для государства. Бескорыстная любовь к обществу - это принцип, без которого не могут существовать некоторые формы правления; но если мы примем во внимание, как редко эта страсть становится преобладающей, у нас будет мало оснований приписывать процветание или сохранение наций, в каждом конкретном случае, ее влиянию.

Возможно, при одной форме правления достаточно, чтобы люди любили свою независимость; чтобы они были готовы противостоять узурпации и отвергать личные унижения; при другой форме правления достаточно, чтобы они были цепки за свой ранг и свои почести и вместо ревности к обществу проявляли неусыпную ревность к правам, которые принадлежат им самим. Когда большое количество людей сохраняет определенную степень возвышенности и силы духа, они способны взаимно проверять свои многочисленные ошибки и способны действовать в

тех разнообразных ситуациях, которые различные формы правления подготовили для своих членов: но в неблагоприятных условиях слабости духа, как бы она ни направлялась и как бы ни была информирована, ни одна национальная конституция не является безопасной; и никакая степень расширения, к которой пришло государство, не может обеспечить его политическое благополучие.

В государствах, где собственность, отличия и удовольствия используются как приманка для воображения и стимулы для страсти, общественность, по-видимому, полагается для сохранения своей политической жизни на степень соперничества и ревности, с которой партии взаимно противостоят и сдерживают друг друга. Желание привилегии и наживы, живущее в сердце гражданина, является мотивами, побуждающими его вступать в общественные дела, и соображениями, направляющими его политическое поведение. Следовательно, подавление честолюбия, партийной вражды и общественной зависти, вероятно, в каждом таком случае является не реформацией, а симптомом слабости и прелюдией к более грязным занятиям и разорительным развлечениям.

Накануне такой революции в нравах высшие чины в любом смешанном или монархическом правительстве должны позаботиться о себе. Деловые и прилежные люди, находящиеся на низших ступенях жизни, сохраняют свои занятия и в силу своего рода необходимости сохраняют те привычки, на которые они полагаются для обеспечения своего спокойствия и умеренных радостей жизни. Но высшие слои людей, если они отказываются от государства, если они перестают обладать тем мужеством и возвышенностью ума и проявлять те таланты, которые используются для его защиты и управления, в действительности, благодаря кажущимся преимуществам своего положения, становятся отбросами того общества, украшением которого они когда-то были; и из самых респектабельных и счастливых его членов они становятся самыми несчастными и развращенными. Приближаясь к этому состоянию и в отсутствие всякого мужского занятия, они чувствуют неудовлетворенность и вялость, которые не могут объяснить: они изнывают посреди кажущегося наслаждения; или, из-за разнообразия и прихотливости своих различных занятий и забав, проявляют состояние возбуждения, которое, подобно беспокойству при болезни, является доказательством не наслаждения, а страдания и боли. Заботу о своих постройках, экипаже или столе выбирает один; литературные развлечения или какое-нибудь легкомысленное занятие - другой. Сельский спорт и городские развлечения; игорный стол [Примечание: Эти различные занятия отличаются друг от друга в отношении их достоинства и невинности; но ни одно из них не является школой, из которой готовятся люди для поддержания пошатнувшегося состояния наций; они в равной степени являются занятиями, связанными с тем, что должно быть основным занятием человека, благом человечества.] собаки, лошади и вино используются для того, чтобы заполнить пробел в вялой и бесполезной жизни. Они говорят о человеческих занятиях, как будто вся трудность заключается в том, чтобы найти какое-нибудь занятие; они сосредотачиваются на каком-нибудь легкомысленном занятии, как будто нет ничего, что заслуживало бы того, чтобы им занимались; они считают то, что служит благу их ближних, невыгодным для себя; они убегают со всех мест, где требуются какие-либо энергичные усилия или где их могли бы побудить оказать какую-либо услугу своей стране. Мы неправильно применяем наше сострадание, жалея бедных; гораздо справедливее было бы применить его к богатым, которые становятся первыми жертвами того жалкого ничтожества, в которое члены каждого развращенного государства, в силу склонности к своим слабостям и порокам, спешат погрузить себя.

Именно в этом состоянии чувственные люди изобретают все те изощрения в удовольствии и изобретают те стимулы для удовлетворения аппетита, которые, как правило, способствуют развращению распутного века. Последствия зверского аппетита и простого разврата, возможно, более вопиющие и более жестокие в грубые века, чем в более поздние периоды торговли и роскоши; но эта постоянная привычка искать животное наслаждение там, где его нельзя найти, в удовлетворении притворного аппетита и среди руин животного строения, не более губительна для душевных добродетелей, чем даже для наслаждения ленью или удовольствиями; это не более надежное отвлечение от общественных дел или более надежная прелюдия к национальному развитию. распад, чем это является разочарованием для наших надежд на личное счастье.

Целью этих размышлений было не установить точную меру разложения в какой-либо из наций, достигших возвышения или пришедших в упадок; но описать ту упадочность духа, ту слабость души, то состояние национальной слабости, которое, вероятно, закончится политическим рабством; зло, которое остается рассматривать как последний объект предостережения и за пределами которого нет предмета для изучения в гибнущих судьбах наций.

РАЗДЕЛ V.

О КОРРУПЦИИ, ПОСКОЛЬКУ ОНА ВЕДЕТ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ РАБСТВУ.

Свобода, в каком-то смысле, по-видимому, является уделом только образованных наций. Дикарь лично свободен, потому что он живет без ограничений и действует с членами своего племени на условиях равенства. Варвар часто независим благодаря продолжению тех же обстоятельств или потому, что у него есть мужество и меч. Но только хорошая политика может обеспечить регулярное отправление правосудия или создать в государстве силу, готовую при каждом удобном случае защищать права своих членов.

Было обнаружено, что, за исключением нескольких исключительных случаев, коммерческое и политическое искусства развивались вместе. Эти искусства были в современной Европе настолько переплетены, что мы не можем определить, какие из них были предшествующими по времени или извлекали наибольшую выгоду из взаимного влияния, с которым они действуют и реагируют друг на друга. Было замечено, что в некоторых странах дух коммерции, нацеленный на получение прибыли, проложил путь к политической мудрости. Народ, обладающий богатством и ставший ревниво относиться к своей собственности, разработал проект освобождения и, пользуясь недавно приобретенным значением, еще больше расширил свои притязания и оспорил прерогативы, которыми пользовался их суверен. Но напрасно мы ожидаем от обладания богатством в одну эпоху тех плодов, которые, как говорят, оно принесло в прежнюю. Крупное приращение состояния, если оно произошло недавно, если оно сопровождается бережливостью и чувством независимости, может сделать владельца уверенным в своих силах и готовым отвергнуть притеснения. Кошелек, открытый не для личных расходов или потакания тщеславию, а для поддержки интересов фракции, для удовлетворения высших страстей партии, делает богатого гражданина грозным для тех, кто претендует на власть; но из этого не следует, что во времена коррупции равные или более высокие показатели богатства должны действовать с тем же эффектом.

Напротив, когда богатство накапливается только в руках скупца и расточается в отличие от рук расточительного сына; когда наследники семьи оказываются стесненными и бедными посреди

изобилия; когда жажда роскоши заглушает даже голос партии и фракции; когда надежды заслужить вознаграждение за уступчивость или страх потерять то, что находится в свободном распоряжении, держат людей в состоянии неопределенности и беспокойства; когда, короче говоря, удача вместо того, чтобы рассматриваться как инструмент сильного духа, становится идолом алчного человека. или у человека богатого, алчного или робкого ума фундамент, на котором была построена свобода, может служить опорой для тирании; и то, что в одну эпоху вызывало притязания и укрепляло доверие подданного, в другую может склонить его к раболепию и послужить платой за его проституцию. Даже те, кто в энергичный век подавал пример того, что богатство в руках народа становится поводом для свободы, могут во времена упадка аналогичным образом подтвердить максимуму Тацита, что восхищение богатством ведет к деспотическому правлению. [Footnote: Est ápuđ illos et opibus honos; eoque unus imperitat, nullis jamexceptionibus, non precario jure parendi. Nec arms ut apud ceteros Germanos in promiscuo, sed clausa sub custode et quidem servo, &c. TACITUS *de Mor. Ger.* c.44.]

Людей, вкусивших свободы и почувствовавших свои личные права, нелегко научить мириться с посягательствами ни на то, ни на другое, и они не могут без некоторой подготовки смириться с угнетением. Они могут получить эту печальную подготовку при разных формах правления, из разных рук и прийти к одному и тому же результату разными путями. Они следуют в одном направлении в республиках, в другом - в монархиях и при смешанных правительствах. Но везде, где государство средствами, не поддерживающими добродетель подданного, эффективно охраняло его безопасность, вероятно, последуют небрежность и пренебрежение к обществу; и утонченные нации всех мастей, по-видимому, сталкиваются с опасностью с этой стороны, пропорциональной степени, в которой они в течение какого-либо периода времени наслаждались непрерывным миром и процветанием.

Свобода проистекает, как мы говорим, из власти законов; и мы склонны рассматривать статуты не просто как постановления и максимы людей, решивших быть свободными, не как писания, с помощью которых фиксируются их права; но как силу, воздвигнутую для их охраны, и как барьер, который человеческий каприз не может преодолеть.

Когда баша в Азии притворяется, что решает все споры по правилам естественного равенства, мы допускаем, что он обладает дискреционными полномочиями. Когда судье в Европе предоставляется принимать решения в соответствии с его собственной интерпретацией писаных законов, является ли он в каком-либо смысле более сдержанным, чем первый? Оказывают ли умноженные слова закона влияние на совесть и сердце более сильное, чем влияние разума и природы? Пользуется ли сторона в каком-либо судебном разбирательстве меньшей степенью безопасности, когда ее права обсуждаются на основе правила, открытого для понимания всего человечества, чем когда они соотносятся со сложной системой, изучение и объяснение которой стало предметом отдельной профессии?

Если формы судопроизводства, писанные статуты или другие составляющие права перестают применяться самим духом, из которого они возникли; они служат только для прикрытия, а не для ограничения беззакония власти: возможно, их уважает даже коррумпированный магистрат, когда они способствуют его целям; но их презирают или обходят стороной, когда они стоят у него на пути; и влияние законов, когда они оказывают какое-либо реальное воздействие на сохранение свободы, - это не какая-то магическая сила, сходящая с полок, заставленных книгами, но, в действительности, влияние людей, решивших быть свободными. свободен; от

людей, которые, согласовав в письменном виде условия, на которых они должны жить с государством и со своими братьями-подданными, полны решимости, благодаря своей бдительности и духу, обеспечить выполнение этих условий.

Нас учат, при любой форме правления, опасаться узурпации, злоупотреблений или расширения исполнительной власти. В чистых монархиях эта власть обычно передается по наследству и передается по определенной линии. В выборных монархиях она сохраняется пожизненно. В республиках оно осуществляется в течение ограниченного времени. Там, где мужчины или семьи избираются для обладания временными достоинствами, это скорее цель честолюбивых устремлений увековечить, чем расширить их власть. В наследственных монархиях суверенитет уже бессрочен, и цель каждого честолюбивого монарха - расширить свои прерогативы. Республики, а во времена волнений сообщества любой формы подвергаются опасности не только со стороны тех, кто формально занимает должности, пользующиеся доверием, но и со стороны любого человека, движимого амбициями и пользующегося поддержкой фракции.

Для принца или другого должностного лица нет никакой выгоды пользоваться большей властью, чем это согласуется с благом человечества; равно как и для человека нет никакой пользы быть несправедливым; но эти принципы являются слабой защитой от страстей и безумия людей. Те, кому в той или иной степени доверена власть, склонны просто из неприязни к принуждению устранять оппозицию. Не только монарх, носящий наследственную корону, но и магистрат, занимающий свой пост ограниченное время, дорожит своим достоинством. Тот самый министр, чье место зависит от сиюминутной воли своего государя и чьи личные интересы во всех отношениях совпадают с интересами подданного, все еще имеет слабость проявлять интерес к росту прерогатив и считать выгодой для себя посягательства, которые он совершил на права народа, к которому вскоре причислят его самого и его семью.

Даже имея самые благие намерения по отношению к человечеству, мы склонны думать, что их благополучие зависит не от совершенства их собственных склонностей или счастливого применения их собственных талантов, а от их готовности согласиться с тем, что мы придумали для их блага. Соответственно, величайшей добродетелью, пример которой до сих пор демонстрировал любой государь, является не желание лелеять в своем народе дух свободы и независимости, а то, что само по себе является достаточно редким и в высшей степени достойным, а именно неуклонное соблюдение справедливости в вопросах собственности, склонность защищать и обязывать, устранять обиды и продвигать интересы своих подданных. Именно исходя из обращения к этим объектам, Титус подсчитывал ценность своего времени и судил о его применении. Но меч, который в этой благодетельной руке был обнажен для защиты подданного и обеспечения быстрого и действенного отправления правосудия, в руках тирана был также достаточен для того, чтобы проливать кровь невинных и отменять права людей. Временные меры гуманности, хотя и приостановили осуществление угнетения, не разорвали национальных цепей: государю было даже легче добиваться того вида благ, который он изучал, потому что не оставалось свободы и потому что нигде не было силы, которая могла бы оспорить его указы или прервать их исполнение.

Напрасно ли Антонин познакомился с характерами Тразея, Гельвидия, Катона, Диона и Брута? Было ли напрасно то, что он научился понимать форму свободного сообщества, выросшего на основе равенства и справедливости; или монархии, при которой свободы подданных считались самым священным объектом управления?[Примечание: М. Антонин, lib. I.] Ошибся ли он в

способах получения человечеством того, на что он указывает как на благословение? Или абсолютная власть, которой он был наделен в могущественной империи, только мешала ему осуществлять то, что его разум воспринимал как национальное благо? В таком случае было бы напрасно льстить монарху или его народу. Первый не может даровать свободу, не воспитав дух, который при случае может встать в противоречие с его собственными замыслами; и вторые не получают этого благословения, хотя и признают, что в праве учителя давать или отказывать в нем. Требование справедливости является твердым и безапелляционным. Мы принимаем одолжения с чувством долга и доброты; но мы хотели бы отстаивать свои права, и дух свободы в этом усилии не может принять тон мольбы или благодарности, не выдав себя. "Ты убедил Октавия, - говорит Брут Цицерону, - что он пощадит тех, кто стоит на первом месте среди граждан Рима. Что, если он этого не сделает? Неужели мы должны погибнуть? Да, вместо того, чтобы быть обязанным ему нашей безопасностью.

Свобода - это право, которое каждый индивид должен быть готов отстаивать для себя сам, и которое тот, кто претендует на то, чтобы оказать ему услугу, на самом деле отрицает этим самым поступком. Даже на политические учреждения, хотя они кажутся независимыми от воли и арбитража людей, нельзя полагаться в деле сохранения свободы; они могут питать, но не должны вытеснять тот твердый и решительный дух, с которым либеральный ум всегда готов противостоять унижениям и полагаться на свою безопасность.

Таким образом, если бы нация была отдана суверену для вылепления, подобно тому как глина попадает в руки горшечника, этот проект дарования свободы народу, который на самом деле находится в рабстве, был бы, возможно, самым трудным из всех других и требовал бы выполнения в тишине и с глубочайшей сдержанностью. Люди способны получить это благословение только в той мере, в какой их заставляют осознать свои собственные права; и заставляют уважать справедливые притязания человечества; в той мере, в какой они готовы нести в своих личных руках бремя управления и национальной обороны; и готовы предпочесть занятия либерального склада ума наслаждению ленью или обманчивым надеждам на безопасность, купленную покорностью и страхом.

Я говорю с уважением и, если мне будет позволено так выразиться, даже со снисхождением к тем, кому доверены высокие прерогативы в политической системе наций. Действительно, они редко бывают виноваты в том, что государства оказываются поработченными. Чего следует ожидать от них, как не того, что, движимые человеческими желаниями, они должны испытывать отвращение к разочарованию или даже к промедлению; и в пылу, с которым они преследуют свою цель, они должны прорваться через барьеры, которые могли бы помешать их карьере? Если миллионы отступают перед одиночками, а сенаты пассивны, как будто состоят из членов, у которых нет собственного мнения или здравого смысла, то на чьей стороне защита свободы, или кому мы должны приписать их падение? К подданному, который покинул свое положение; или к суверену, который остался только при своем, и который, если побочные или подчиненные члены правительства перестанут сомневаться в его власти, должен продолжать управлять без ограничений?

Хорошо известно, что конституции, созданные для сохранения свободы, должны состоять из многих частей; и что сенаты, народные собрания, суды справедливости, магистраты различных рангов должны объединяться, чтобы уравновешивать друг друга, в то время как они

осуществляют, поддерживают или сдерживают исполнительную власть. Если какая-либо деталь вычеркнута, ткань должна расшататься или упасть; если какая-то деталь неуместна, другие должны вмещаться. В собраниях, состоящих из людей с разными талантами, привычками и опасениями, было нечто большее, чем просто человеческое, что могло заставить их прийти к согласию по каждому важному пункту; имея разные мнения, воздерживаться от споров было бы недостатком честности: поэтому само наше восхваление единодушия следует рассматривать как угрозу свободе. Мы желаем этого, рискуя заменить его небрежностью людей, ставших равнодушными к обществу; продажностью тех, кто продал права своей страны; или раболепием других, которые безоговорочно повинуются лидеру, который подчинил их умы. Любовь к обществу и уважение к его законам - вот пункты, в которых человечество обязано соглашаться; но если в спорных вопросах неизменно руководствоваться чувствами какого-либо человека или партии, дело свободы уже предано.

Тот, в чьи обязанности входит управлять бездеятельным или униженным народом, не может ни на мгновение перестать расширять свои полномочия. Каждое исполнение закона, каждое движение государства, каждая гражданская и военная операция, в которых проявляется его власть, должны служить подтверждению его авторитета и представлять его в глазах общественности как единственный объект внимания, страха и уважения. Те самые учреждения, которые были придуманы в одну эпоху для ограничения или направления осуществления исполнительной власти, в другую будут служить устранению препятствий и расчищению ей пути; они укажут каналы, по которым она может двигаться, не вызывая возмущения или тревоги, и те самые советы, которые были учреждены для сдерживания ее посягательств, во времена коррупции окажут помощь ее узурпации.

Стремление к независимости и любовь к господству часто возникают из общего источника: в обоих случаях присутствует отвращение к контролю; и тот, кто в одной ситуации не может смириться с превосходством, в другой может испытывать неприязнь к равному.

Тем, чем принц при чистой или ограниченной монархии является по конституции своей страны, лидер фракции охотно стал бы в республиканских правительствах. Если он достигает этого вызывающего зависть состояния, его собственная склонность или тенденция человеческих дел, по-видимому, открывают перед ним путь для осуществления королевских амбиций; но обстоятельства, в которых ему суждено действовать, сильно отличаются от обстоятельств короля. Он сталкивается с людьми, которые не привыкли к неравенству; ради собственной безопасности он вынужден постоянно держать кинжал обнаженным. Когда он надеется быть в безопасности, он, возможно, имеет в виду быть справедливым; но с первого момента своей узурпации он спешит к каждому проявлению деспотической власти. Наследнику короны не приходится затевать подобную ссору со своими подданными: его положение лестно; и сердце должно быть необычайно дурным, чтобы не пылать любовью к народу, который одновременно является его почитателем, его опорой и украшением этого правления. У него, возможно, нет явного намерения посягать на права своих подданных; но формы, предназначенные для сохранения их свободы, не всегда безопасны в его руках по этой причине.

Рабство было навязано человечеству в разгуле порочных амбиций, а тиранические жестокости совершались в мрачные часы ревности и ужаса; однако эти демоны не нужны для создания или поддержки деспотической власти. Хотя ни одна политика не была более успешной, чем политика Римской республики, в поддержании национального благосостояния; тем не менее

подданные, так же как и их князья, часто воображают, что свобода мешает работе правительства: они воображают, что деспотическая власть лучше всего подходит для обеспечения оперативности и секретности при исполнении государственных советов; для поддержания того, что им нравится называть *политическим порядком*, [Примечание: Наше представление о порядке в гражданском обществе, взятое из аналогии с предметами неодушевленными и мертвыми, часто ложно; мы считаем волнение и действия противоречащими его природе; мы думаем, что послушание, секретность и безмолвное прохождение дел через руки немногих - вот его реальные составляющие. Правильный порядок камней в стене заключается в том, что они должным образом закреплены в тех местах, для которых они вытесаны; если бы они пошевелились, здание должно было бы рухнуть; но хороший порядок людей в обществе заключается в том, что они размещены там, где они должным образом подготовлены к действию. Первая представляет собой ткань, сделанную из мертвых и неодушевленных частей, вторая - из живых и активных членов. Когда мы ищем в обществе порядок простого бездействия и спокойствия, мы забываем о природе нашего субъекта и находим порядок рабов, а не свободных людей.] и обеспечить скорейшее рассмотрение жалоб. Они даже иногда признают, что, если бы можно было найти преемственность хороших правителей, деспотическое правление было бы наилучшим образом рассчитано на счастье человечества. Рассуждая таким образом, они не могут винить суверена, который, будучи уверен, что он должен использовать свою власть для благих целей, стремится расширить ее пределы; и, по его собственному разумению, стремится только сбросить ограничения, стоящие на пути разума и препятствующие осуществлению его дружественных намерений.

Подготовленный таким образом к узурпации, пусть он, стоя во главе свободного государства, использует силу, которой он вооружен, чтобы раздавить семена кажущегося беспорядка в каждом уголке своих владений; пусть он эффективно обуздает дух раздора и разномыслия среди своего народа; пусть он устранил помехи в управлении государством, возникающие из-за непокорного характера и личных интересов его подданных; пусть он соберет силы государства против его врагов, используя все, что оно может предоставить в виде налогов и личной службы: весьма вероятно, что даже под руководством желаний ради блага человечества он может прорваться через все барьеры свободы и установить деспотизм, льстя себе при этом, что следует только велениям разума и приличий.

Когда мы предполагаем, что правительство даровало некоторую степень спокойствия, которую мы иногда надеемся пожать от него, как лучший из его плодов, и что общественные дела должны продолжаться в нескольких департаментах законодательства и исполнения с наименьшим возможным перерывом в торговле и прибыльных искусствах; такое государство, подобное китайскому, когда дела распределяются по отдельным ведомствам, где поведение заключается в деталях и соблюдении форм, сводя на нет все усилия великого или либерального ума, больше похоже на деспотизм, чем мы склонны себе представлять.

Вопрос о том, являются ли угнетение, несправедливость и жестокость единственными пороками, сопутствующими деспотическому правлению, может быть рассмотрен отдельно. В то же время достаточно заметить, что свобода никогда не находится в большей опасности, чем когда мы измеряем национальное благополучие благословениями, которые может даровать государь, или простым спокойствием, которое может сопутствовать справедливому управлению. Государь может ослеплять своими героическими качествами; он может защищать своих подданных в пользовании всеми преимуществами животного мира или удовольствиями;

но выгоды, проистекающие из свободы, иного рода; это не плоды добродетели и милосердия, которые действуют в груди одного человека, но сообщение самой добродетели многим; и такое распределение функций в гражданском обществе, которое дает многим упражнения и занятия, соответствующие их природе.

Лучшие формы правления сопряжены с неудобствами, и осуществление свободы во многих случаях может стать поводом для жалоб. Когда мы намерены исправить злоупотребления, злоупотребления свободой могут привести нас к посягательству на предмет, из которого они, как предполагается, вытекают. Деспотизм сам по себе имеет определенные преимущества или, по крайней мере, во времена цивилизованности и умеренности может протекать с таким небольшим правонарушением, что не вызывает общественной тревоги. Эти обстоятельства могут привести человечество, в самом духе реформации или просто по невнимательности, к применению или допущению опасных нововведений в своей политике.

Однако рабство не всегда вводится по ошибке; иногда оно навязывается в духе насилия и грабежа. Правители развращаются так же, как и их подданные; и каким бы ни было происхождение деспотического правления, его претензии, когда они полностью заявлены, приводят к соперничеству между сувереном и его подданными, которое может решить только сила. Эти притязания имеют опасный аспект для личности, собственности или жизни каждого субъекта; они будоражат все страсти в человеческой груди; они беспокоят бездельников; они лишают продажных людей их вознаграждения; они объявляют войну как продажным, так и добродетельным; их покорно допускает только трус; но даже ему должна быть оказана поддержка силой, способной воздействовать на его страхи. Эту силу завоеватель привозит из-за границы, а внутренний узурпатор пытается найти в своей фракции у себя дома.

Когда народ привык к оружию, части трудно подчинить целое; или до создания дисциплинированных армий любому узурпатору трудно управлять многими с помощью немногих. Эти трудности, однако, политика цивилизованных и коммерческих наций иногда устраняла; и, проводя различие между гражданскими и военными профессиями, передавая сохранение свободы и пользование ею в разные руки, подготовила путь для опасного союза фракции с военной властью в противовес простым политическим формам и правам человечества.

Народ, разоруженный в соответствии с этим роковым усовершенствованием, положился на доводы разума и справедливости в суде честолюбия и силы. В такой критической ситуации цитируются законы, и напрасно собираются сенаторы. Те, кто составляют законодательный орган или занимают гражданские департаменты государства, могут обсуждать сообщения, которые они получают из лагеря или двора; но если податель, подобно центуриону, который принес петицию Октавия римскому сенату, покажет рукоять своего меча, [Примечание: Светон.] они обнаруживают, что петиции становятся приказами, а сами они становятся театрализованными представлениями, а не хранилищами суверенной власти.

Размышления, изложенные в этом разделе, могут быть неодинаково применены к странам с неодинаковой протяженностью. Маленькие сообщества, какими бы коррумпированными они ни были, не готовы к деспотическому правлению; их члены, скученные вместе и находящиеся рядом с местами власти, никогда не забывают о своем отношении к обществу; они с привычкой к фамильярности и свободе подглядывают за притязаниями тех, кто хотел бы править; и там, где любовь к равенству и чувство справедливости не оправдали себя, они действуют по мотивам

фракции, соперничества и зависти. У изгнанного Тарквиния были сторонники в Риме; но если с их помощью он восстановил свое положение, вполне вероятно, что, осуществляя свою королевскую власть, он должен был вступить в новую конфронтацию с той самой партией, которая вернула ему власть.

По мере расширения территории ее части теряют свое относительное значение по отношению к целому. Его жители перестают осознавать свою связь с государством и редко объединяются в осуществлении каких-либо национальных или даже фракционных замыслов. Удаленность от мест управления и безразличие к лицам, которые борются за преимущество, учат большинство рассматривать себя как субъектов суверенитета, а не как членов политического органа. Примечательно даже, что расширение территории, делающее человека менее значимым для общества и менее способным вмешиваться в его советы, на самом деле имеет тенденцию ограничивать национальные дела в более узких рамках, а также сокращать число тех, с кем консультируются по вопросам законодательства или по другим вопросам управления.

Беспорядки, которым подвергается великая империя, требуют скорейшего предотвращения, бдительности и быстрого исполнения. Отдаленные провинции должны удерживаться в подчинении с помощью военной силы; и диктаторские полномочия, которые в свободных государствах иногда создаются для подавления восстаний или для противодействия другим случайным бедствиям, при определенной степени господства всегда оказываются одинаково необходимыми для приостановления распада организации, части которой были собраны и должны быть скреплены мерами насильственными, решительными и тайными. Следовательно, среди обстоятельств, которые в случае национального процветания и в результате коммерческих ухищрений приводят к установлению деспотизма, пожалуй, нет ни одного, которое приводило бы к этому прекращению с такой надежной целью, как постоянное расширение территории. В каждом государстве свобода его членов зависит от баланса и приспособления его внутренних частей; и существование любой такой свободы среди человечества зависит от баланса наций. Говорят, что в ходе завоеваний покоренные утратили свои свободы; но из истории человечества "завоевывать" или "быть завоеванным", по сути, означало одно и то же.

РАЗДЕЛ VI.

О РАЗВИТИИ И ПРЕКРАЩЕНИИ ДЕСПОТИЗМА.

Человечество, когда оно вырождается и стремится к гибели, а также когда оно совершенствуется и получает реальные преимущества, часто движется медленными и почти незаметными шагами. Если в течение эпох активности и могущества они довели меру национального величия до такой высоты, которую никакая человеческая мудрость не могла бы предвидеть на расстоянии, то в эпохи расслабления и слабости они действительно навлекают на себя многие беды, о которых не подозревали их страхи и которые, возможно, они считали далеко унесенными волной успеха и процветания.

Мы уже отмечали, что там, где люди проявляют небрежность или развращаются, добродетель их лидеров или добрые намерения их должностных лиц не всегда обеспечивают им политическую свободу. Безоговорочное подчинение какому-либо лидеру или бесконтрольное осуществление какой-либо власти, даже когда она направлена на благо человечества, часто может закончиться подрывом правовых институтов. Эта роковая революция, какими бы

средствами она ни совершалась, завершается военным правлением; и это, хотя и самое простое из всех правлений, постепенно становится полным. В первый период своего воздействия на людей, действовавших как члены свободного сообщества, оно могло лишь заложить фундамент, но не завершить структуру деспотической политики. Узурпатор, захвативший с армией центр великой империи, видит вокруг себя, возможно, разрушенные остатки прежней конституции; он может слышать ропот о неохотном подчинении; он может даже видеть опасность со стороны многих, из рук которых он, возможно, вырвал меч, но чьи умы он не подчинил и не примирил со своей властью.

Чувство личных прав или претензия на привилегии и почести, которые сохраняются среди определенных категорий людей, являются столь многочисленными препятствиями на пути недавней узурпации. Если им не будет позволено разрушаться с возрастом и изнашиваться в процессе растущей коррупции, они должны быть разрушены насильем, и вход в каждый новый приход к власти должен быть обагрен кровью. Эффект, даже в этом случае, часто бывает запоздалым. Мы знаем, что римский дух не был полностью угас при смене правителей и неоднократном применении кровопролития и ядов. Благородная и респектабельная семья все еще стремилась к своим первоначальным почестям; история республики, писания прежних времен, памятники прославленным людям и уроки философии, полные героических концепций, продолжали питать душу в уединении и формировали тех выдающихся персонажей, чье возвышение и чья судьба, возможно, являются самыми трогательными сюжетами человеческой истории. Хотя они и не могли противостоять общей склонности к раболепию, из-за своих предполагаемых склонностей они стали объектами недоверия и отвращения и были вынуждены заплатить своей кровью за чувство, которое они молча лелеяли и которое теплилось только в сердце.

В то время как деспотизм продолжает свое развитие, каким принципом руководствуется суверен при выборе мер, направленных на установление его правления? Из-за ошибочного представления о своем собственном благе, иногда даже благе своего народа, и из-за желания, которое он испытывает в каждом конкретном случае, устранить препятствия, препятствующие исполнению его воли. Когда он принял решение, тот, кто рассуждает или протестует против него, является врагом; когда его ум в приподнятом настроении, тот, кто претендует на возвышение и склонен действовать самостоятельно, является соперником. Он не оставил бы государству никакого достоинства, кроме того, что зависит от него самого; никакой активной власти, кроме того, что несет в себе выражение его сиюминутного удовольствия. [Footnote: *Insurgere paulatim munia senatus, magistratuum, legum in se trahere.*] Руководствуясь столь же безошибочным восприятием, как и инстинктом, он никогда не упускает случая выбрать подходящие объекты своей антипатии или благосклонности. Аспект независимости отталкивает его; аспект раболепия привлекает. Тенденция его администрации состоит в том, чтобы утихомирить каждый беспокойный дух и возложить все функции управления на себя. [Примечание: Смешно слышать, как люди с неугомонными амбициями, которые были бы единственными действующими лицами в каждой сцене, иногда жалуются на непокорный дух в человечестве: как будто то же самое расположение духа, из-за которого они желают узурпировать любую должность, не побуждает каждого другого человека рассуждать и действовать, по крайней мере, от своего имени.] Когда власти достаточно для достижения цели, она действует в руках тех, кто не осознает прекращения, в той же степени, что и в руках других, для которых она лучше всего понятна: мандаты тех и других, когда они справедливы, не должны оспариваться; когда они ошибочны или неправомерны, они поддерживаются силой.

Ты должен умереть, - таков был ответ Октавиуса на каждый иск людей, умолявших его о пощаде. Это был приговор, который некоторые из его преемников выносили каждому гражданину, выдающемуся своим происхождением или своими добродетелями. Но ограничивается ли зло деспотизма жестокими и кровожадными методами, с помощью которых устанавливается или поддерживается недавнее господство над непокорным и беспокойным народом? И является ли смерть величайшим бедствием, которое может обрушиться на человечество при правлении, в результате которого они лишены всех своих прав? Действительно, им часто приходится выживать; но недоверие и ревность, чувство личной низости и тревоги, возникающие из-за заботы о ничтожных интересах, овладевают душой; каждый гражданин низводится до раба; и всякое обаяние, с помощью которого сообщество привлекало своих членов, перестало существовать. Повиновение - это единственная оставшаяся обязанность, и она выполняется силой. Если при таком учреждении приходится быть свидетелем сцен унижения и ужаса, рискуя подхватить инфекцию, смерть становится облегчением; и возлияние, которое Тразея заставили вылить из его артерий, следует рассматривать как надлежащую жертву благодарности Юпитеру-Избавителю. [Footnote: Porrectisque utriusque brachii venis, postquam cruorem effudit, humum super spargens, proprius vocato Quaestore, *Libemus*, inquit, *Jovi Liberatori*. Specta juvenis; et omen quidem Dii prohibeant; ceterum in ea tempora natus es, quibus firmare animum deceat constantibus exemplis. *Молчаливый. Энн. либ. 16.*]

Угнетение и жестокость не всегда необходимы деспотическому правительству; и даже когда они присутствуют, они являются лишь частью его пороков. Оно основано на коррупции и подавлении всех гражданских и политических добродетелей; оно требует, чтобы его подданные действовали из побуждений страха; оно успокоило бы страсти нескольких человек за счет всего человечества и воздвигло бы мир в самом обществе на руинах той свободы и уверенности, из которых только и проистекают наслаждение, сила и возвышение человеческого разума.

Во время существования любой свободной конституции и пока каждый индивид обладал своим рангом и своими привилегиями или имел представление о личных правах, члены каждого сообщества были друг для друга объектами внимания и уважительности; каждое дело, которое нужно было отстаивать в гражданском обществе, требовало проявления талантов, мудрости, убеждения и энергии, а также власти. Но это высшая утонченность деспотического правления - править с помощью простых приказов и исключать любое искусство, кроме принуждения. Таким образом, под влиянием этой политики обстоятельства, которые использовали и развивали разум людей, которые пробуждали их чувства и разжигали их воображение, постепенно устраняются; и прогресс, благодаря которому человечество достигло почестей, свойственных его природе, в том, что оно обязано действовать в обществе на либеральной основе, был не более равномерным или менее прерывистым, чем тот, благодаря которому оно вырождается в этом несчастливом состоянии.

Когда мы слышим о тишине, царящей в серале, нас заставляют поверить, что сама речь стала ненужной и что знаков немного достаточно для выполнения самых важных поручений правительства. В самом деле, не требуется никаких искусств, чтобы поддерживать господство там, где только террор противостоит силе, где полномочия суверена полностью делегированы каждому подчиненному офицеру; и ни одно положение не может даровать щедрости духа в обстановке тишины и уныния, где каждая грудь охвачена ревностью и осторожностью, и где не остается другого объекта, кроме животного удовольствия, чтобы уравновесить страдания самого суверена или его подданных.

В других государствах таланты людей иногда совершенствуются упражнениями, соответствующими высокому положению; но здесь сам хозяин, вероятно, самое грубое и наименее культурное животное в стаде; он ниже раба, которого он поднимает с рабской должности на первые места доверия или достоинства при своем дворе. Первобытная простота, которая формировала узы фамиллярности и привязанности между сувереном и хранителем его стад [Примечание: см. "Одиссею".], при отсутствии каких-либо привязанностей, кажется восстановленной или подделанной среди невежества и жестокости, которые в равной степени характеризуют все категории людей, или, скорее, которые выравнивают ранги и уничтожают различие личностей при деспотическом дворе.

Каприз и страсть - вот правила правления принца. Каждому делегату власти предоставлено действовать в одном и том же направлении; наносить удар, когда его провоцируют; оказывать поддержку, когда ему заблагорассудится. В том, что касается доходов, юрисдикции или полиции, каждый губернатор провинции действует как лидер во вражеской стране; приходит вооруженный ужасами огня и меча; и вместо налога взимает контрибуцию силой, которую он разрушает или щадит, поскольку и то, и другое может служить его целям. Когда крики угнетенных или слава о сокозвиздах, накопленных за счет провинции, достигают ушей государя, грабителя действительно заставляют купить безнаказанность, отдавая часть или конфискуя всю свою добычу; но потерпевшему не возмещается ущерб; более того, преступления министра сначала используются для ограбления народа, а затем наказываются, чтобы пополнить казну государя.

В этом полном прекращении любого искусства, имеющего отношение к справедливому правительству и национальной политике, примечательно, что даже ремесло солдата само по себе находится в большом пренебрежении. Недоверие и ревность со стороны принца являются следствием его невежества и неспособности; и эти причины, действуя вместе, разрушают сам фундамент, на котором зиждется его власть. Любое недисциплинированное бегство вооруженных людей считается армией, в то время как слабые, рассеянные и безоружные люди приносятся в жертву военному беспорядку или подвергаются грабежам на границе со стороны врага, которого желание пограбить или надежды на завоевание, возможно, привлекли к их соседству.

Римляне расширили свою империю до тех пор, пока не оставили ни одной цивилизованной нации, которую можно было бы покорить, и установили границу, повсюду окруженную свирепыми и варварскими племенами; они даже прорвались через невозделанные пустыни, чтобы на большее расстояние оградить себя от назойливых соседей и завладеть дорогами, по которым они опасались ихнападений. Но эта политика положила конец внутренней коррупции в государстве. Несколько лет спокойствия было достаточно, чтобы даже правительство забыло об опасности, грозившей ему, и в окультуренной провинции уготовило врагу заманчивую добычу и легкую победу.

Когда благодаря завоеванию и аннексии каждой богатой и возделанной провинции империя становится полной, для понимания человечества достаточно двух партий: миролюбивых и богатых, живущих в черте империи, и бедных, алчных и свирепых, привыкших к грабежам и войнам. Последние относятся к первым почти так же, как волк и лев к стаду; и они, естественно, находятся в состоянии враждебности.

Если бы тем временем деспотическая империя оставалась бы вечно свободной от посягательств извне, сохраняя ту коррупцию, на которой она была основана, она, по-видимому, не имела бы в себе никакого принципа новой жизни и не представляла бы никакой надежды на восстановление свободы и политической силы. То, что посеял деспотический *хозяин*, *не может прорасти, пока не умрет*; оно должно зачахнуть в результате собственного злоупотребления, прежде чем человеческий дух сможет взойти заново или принести те плоды, которые составляют честь и счастье человеческой природы. Во времена величайшего упадка, действительно, ощущаются волнения; но они очень непохожи на волнения свободного народа: это либо агония природы, вызванная страданиями, которым подвергаются люди, либо простые беспорядки, ограниченные горсткой тех, кто с оружием в руках стоит вокруг принца и кто своими заговорами, покушениями и резнями служит только для того, чтобы еще глубже погрузить мирных жителей в ужасы страха или отчаяния. Рассеянные по провинциям, безоружные, незнакомые с чувствами союза и конфедерации, ограниченные привычкой к жалкой экономике и влачащие ненадежную жизнь за счет тех владений, которые остались после правительственных вымогательств; люди нигде не могут при таких обстоятельствах обрести дух сообщества или сформировать какое-либо либеральное объединение для собственной защиты. Пострадавший может жаловаться; и хотя он не может добиться милосердия правительства, он может умолять о сочувствии своих собратьев-подданных. Но этот товарищ-субъект утешается тем, что рука угнетения не коснулась его самого: он изучает свои интересы или получает удовольствие в той степени безопасности, которую даруют темнота и сокрытие.

Коммерческое искусство, которое, по-видимому, не требует никакого основания в умах людей, кроме учета интересов; никакого поощрения, кроме надежды на прибыль и надежное владение собственностью, должно погибнуть из-за ненадежного рабства и из-за опасения опасности, исходящей от репутации богача. Однако национальная бедность и подавление торговли являются средствами, с помощью которых деспотизм достигает своего собственного уничтожения. Там, где больше нет никакой прибыли, которую можно было бы развратить, или страхов, которые можно было бы сдерживать, очарование господства разрушено, и обнаженный раб, словно пробудившись ото сна, с удивлением обнаруживает, что он свободен. Когда изгородь разрушена, открываются дикие места, и стадо вырывается на свободу. Пастбище на возделанном поле больше не является предпочтительным по сравнению с пастбищем в пустыне. Страдалец охотно бежит туда, где правительственные вымогательства не могут его настичь; где даже робкие и раболепные могут вспомнить, что они люди; где тиран может угрожать, но где он известен как не более чем ближний; где он не может отнять ничего, кроме жизни, и даже ее, рискуя своей собственной.

Согласно этому описанию, тяготы тирании победили во многих частях Востока стремление к оседлости. Жители деревни покидают свои жилища и наводняют общественные пути; жители долин устремляются в горы и, приспособленные к бегству или обладающие сильным убежищем, существуют за счет грабежей и войны, которую они ведут со своими бывшими хозяевами.

Эти беспорядки вступают в сговор с мерами правительства, направленными на то, чтобы сделать оставшиеся поселения еще менее безопасными; но в то время как опустошение и разорение появляются со всех сторон, человечество вновь вынуждено вступать в эти союзы, снова приобретать ту личную уверенность и силу, ту социальную привязанность, то умение

владеть оружием, которые в прежние времена делали маленькое племя семенем великой нации; и которые могут снова позволить освобожденному рабу начать карьеру гражданского и коммерческого мастера. Когда человеческая природа предстает в предельном состоянии коррупции, она фактически начинает реформироваться.

Таким образом, сцены человеческой жизни часто менялись. Безопасность и самонадеянность лишают процветания преимуществ; решимость и поведение компенсируют беды невзгод; и человечество, хотя ему не на что полагаться, кроме своей добродетели, готово получить любое преимущество; и хотя оно больше всего верит в свою удачу, больше всего подвержено ощущению ее обратной стороны. Мы склонны брать эти наблюдения за правило; и когда мы больше не желаем действовать во имя нашей страны, мы ссылаемся, в оправдание нашей собственной слабости или безрассудства, на предполагаемый фатум в человеческих делах.

Человеческие учреждения, если они не рассчитаны на сохранение добродетели, действительно, вероятно, будут иметь конец так же, как и начало: но до тех пор, пока они эффективны для достижения этой цели, они всегда имеют одинаковый жизненный принцип, который не может подавить ничто, кроме внешней силы; ни одна нация никогда не страдала от внутреннего разложения иначе, как из-за порока своих членов. Иногда мы готовы признать этот порок в наших соотечественниках; но кто когда-либо был готов признать это в себе? Однако можно заподозрить, что мы делаем нечто большее, чем просто признаем это, когда перестаем противодействовать его последствиям и когда ссылаемся на фатальность, которая, по крайней мере, в душе каждого человека, зависит от него самого. Люди, обладающие настоящей силой духа, честностью и способностями, находятся в выгодном положении на любой сцене; они пожинают при любых обстоятельствах главные радости своей природы; они являются счастливыми инструментами Провидения, используемыми на благо человечества; или, если мы должны изменить этот язык, они показывают, что, хотя им суждено жить, государства, которые они составляют, также обречены судьбой на выживание и процветание.

КОНЕЦ

НЕДАВНО ОПУБЛИКОВАННЫЕ ЦЕННЫЕ РАБОТЫ ЭНТОНИ ФИНЛИ, *Угол Чеснат-стрит и Четвертой улицы, Филадельфия.*

ТЕОРИЯ МОРАЛЬНЫХ ЧУВСТВ; ИЛИ ЭССЕ

К анализу принципов, по которым люди естественным образом судят о поведении и характере, сначала своих соседей, а затем и самих себя,

К которому добавляется,

Диссертация о происхождении языков. АВТОР: АДАМ СМИТ, ДОКТОР права, ПЕРВЫЙ АМЕРИКАНЕЦ Из ДВЕНАДЦАТОГО ЭДИНБУРГСКОГО ИЗДАНИЯ.

* * * * *

Выдержка из "Отчета о жизни и трудах доктора Адама Смита, составленного Дугалдом Стюартом, Эдинбургский королевский университет".

(Говоря о Теории моральных чувств доктора С., он говорит): "Несомненно, нельзя упомянуть ни одну работу, древнюю или современную, которая демонстрировала бы столь полное

представление о тех фактах в отношении нашего морального восприятия, соотнести которые с их общими законами является одной из важнейших задач этой отрасли науки; и по этой причине она вполне заслуживает тщательного изучения всеми, чей вкус побуждает их заниматься подобными исследованиями. Эти факты действительно часто выражаются языком, который включает в себя своеобразные теории автора; но они всегда представляются в самом радостном и прекрасном свете; и внимательному читателю легко, освободив их от гипотетических терминов, изложить их самому себе с той логической точностью, которая одна только в таких очень сложных исследованиях может с уверенностью привести нас к истине.

Далее уместно заметить, что с теоретическими доктринами книги повсюду переплетены, с особым вкусом и обращением, самые чистые и возвышенные максимы, касающиеся практического образа жизни; и что повсюду она изобилует интересными и поучительными описаниями характеров и манер. Значительная часть его также используется для побочных исследований, которые при любой гипотезе, которая может быть сформирована относительно оснований морали, имеют равное значение. К такого рода рассуждениям относятся рассуждения о влиянии фортуны на наши моральные чувства; и другое, не менее ценное рассуждение о влиянии обычаев и моды на ту же часть нашей конституции.

"Когда тема этого произведения побуждает автора обратиться к воображению и сердцу: разнообразие и удачность его иллюстраций, богатство и беглость его красноречия, а также мастерство, с которым он привлекает внимание и управляет страстями своих читателей, делают его среди наших английских моралистов непревзойденным".

Содержание.

ЧАСТЬ I.

О целесообразности Действий.

Раздел I. О чувстве приличия.

Глава I. Соболезнования.

Глава II. Об удовольствии взаимной симпатии.

Глава. III. О том, как мы судим о Пристойности или Неуместности Чувств других Людей по их согласию или диссонансу с нашими собственными.

Глава IV. Продолжение той же темы.

Глава V. О приятных и респектабельных добродетелях.

Раздел II. О степенях различных страстей, которые согласуются с приличиями.

Введение.

Глава I. О страстях, которые берут свое начало от тела.

Глава II. О тех Страстях, которые берут свое начало в определенном повороте или привычке Воображения.

Глава. III. Об антиобщественных страстях.

Глава IV. Об общественных страстях.

Глава V. Об эгоистических страстях.

Раздел III. О влиянии Процветания и невзгод на суждения Человечества относительно Правильности Действий; и почему легче получить их одобрение в одном государстве, чем в другом.

Глава I. Что, хотя наше сочувствие к горю обычно является более живым ощущением, чем наше сочувствие к игрушке, оно обычно гораздо меньше соответствует силе того, что естественно испытывает человек, которого это касается в первую очередь.

Глава II. О происхождении честолюбия и различии рангов.

Глава. III. О развращенности наших Моральных чувств, вызванной этой склонностью восхищаться богатыми и знатными и презирать или пренебрегать людьми бедными и низкого положения.

ЧАСТЬ II.

О достоинствах и недостатках; или об объектах вознаграждения и наказания.

Раздел I. О чувстве достоинства и недостатки.

Введение.

Глава I. Что все, что кажется надлежащим объектом благодарности, по-видимому, заслуживает награды; и что точно так же все, что кажется надлежащим объектом негодования, по-видимому, заслуживает наказания.

Глава II. О надлежащих объектах благодарности и негодования.

Глава. III. Что там, где нет одобрения поведения человека, который приносит пользу, благодарность того, кто ее получает, вызывает мало сочувствия; и что, наоборот, там, где нет неодобрения мотивов человека, который причиняет вред, нет никакого сочувствия к негодованию того, кто от этого страдает.

Глава IV. Краткое изложение предыдущих глав.

Глава V. Анализ чувства достоинства и недостатки.

РАЗДЕЛ II. О справедливости и милосердии.

Глава I. Сравнение этих двух добродетелей.

Глава II. О чувстве Справедливости, раскаянии и сознании заслуг.

Глава. III. О пользе такого устройства природы.

РАЗДЕЛ III. О влиянии Фортуны на чувства человечества в отношении достоинств или недостатков поступков.

Введение.

Глава I. О причинах такого влияния Фортуны.

Глава II. О степени этого влияния Фортуны.

Глава. III. О конечной причине такой неправильности Чувств.

ЧАСТЬ III. Об основании наших суждений относительно наших собственных чувств и поведения, а также о чувстве долга.

Глава I. О принципе самоутверждения и самоосуждения.

Глава II. О любви к Похвале и о том, что Достойно Похвалы; и о страхе Порицания и о том, что достойно Порицания.

Глава. III. О влиянии и авторитете совести.

Глава IV. О природе самообмана, а также о происхождении и использовании общих правил.

Глава V. О влиянии и авторитете общих правил Морали и о том, что они справедливо рассматриваются как законы Божества.

Глава VI. В каких случаях чувство Долга должно быть единственным принципом нашего поведения; и в каких случаях оно должно согласовываться с другими мотивами.

ЧАСТЬ IV. О влиянии полезности на чувство одобрения.

Глава I. О Красоте, которую видимость Полезности придает всем произведениям искусства, и о широком влиянии этого вида Красоты.

Глава II. О Красоте, которую видимость Полезности придает характерам и действиям людей; и о том, в какой степени восприятие этой красоты может рассматриваться как один из первоначальных принципов одобрения.

ЧАСТЬ V. О влиянии Обычаев и Моды на Чувства Морального Одобрения и Неодобрения.

Глава I. О влиянии обычаев и моды на наши представления о красоте и Уродстве.

Глава II. О влиянии обычаев и моды на моральные чувства.

ЧАСТЬ VI. О характере добродетели.

Введение. Раздел I. О Характере Индивида, поскольку это влияет на его собственное Счастье; или о Благоразумии.

Раздел II. Характера Личности в той мере, в какой это может повлиять на счастье других людей.

Введение.

Глава I. О порядке, в котором люди от природы рекомендованы для нашей заботы и внимания.

Глава II. О порядке, в котором общества по своей природе призваны приносить нам пользу.

Глава. III. О Всеобщей благожелательности.

Раздел III. Самообладания.

Заключение шестой части.

ЧАСТЬ VII.

Систем моральной философии.

Раздел I. О вопросах, которые должны быть рассмотрены в Теории моральных чувств.

Раздел II. Из различных описаний, которые были даны о природе Добродетели.

Введение.

Глава I. О тех системах, которые считают, что Добродетель заключается в пристойности.

Глава II. О тех системах, согласно которым добродетель заключается в благоразумии.

Глава. III. О тех системах, согласно которым добродетель заключается в благожелательности.

Глава IV. О распущенных Системах.

Раздел III. Из различных Систем, которые были сформированы относительно Принципа Апробации.

Введение.

Глава I. О тех системах, которые выводят принцип Одобрения из любви к себе.

Глава II. Из тех систем, которые превращают Разум в принцип Апробации.

Глава. III. О тех системах, которые делают чувство принципом Одобрения.

Раздел IV. О том, как разные авторы трактуют Практические правила морали.

Соображения, касающиеся первого формирования языков и т. Д.

"Воплощение древней географии", священной и мирской, представляющее собой краткое изложение географии Д'Анвиля с улучшениями от различных других авторов; в нем восполняются упущения Д'Анвиля и исправляются его ошибки. Сопровождается рассказом о происхождении и миграции древних народов.— Роберт Мэйо, доктор медицины, автор книги "Новая система мифологии" и др. 150 центов.

Классический атлас, элегантно раскрашенный, содержащий серию избранных карт из "Атласа Классика" Уилкинсона и "Ле Сажа".

Исторический атлас, для использования теми, кто изучает древнюю историю и географию в семинариях Соединенных Штатов —фолиант в переплете, 5 долларов.

Письма к Молодой леди на самые разные полезные темы; рассчитаны на то, чтобы облагородить сердце, сформировать манеры и просветить разум. Преподобный Джон Беннетт. Седьмое американское издание, на тонкой бумаге, с таблицами. Различные привязки, от 1,25 до 3,50 долларов США.

Научные диалоги, предназначенные для обучения и развлечения молодежи: в которых полностью объясняются первые принципы естественной и экспериментальной философии. Преподобный Дж. Джойс. Третье издание, 3 тома. Листы. 3 доллара.

Словарь избранных и популярных цитат, которые находятся в постоянном использовании; взяты из латинского, французского, испанского, итальянского и греческого языков (также включая полное собрание юридических максим), переведены на английский, с иллюстрациями, историческими и идиоматическими. Третье американское издание, исправленное, с многочисленными дополнениями. \$1.50.

Преимущество и необходимость христианского Откровения, вытекающие из состояния религии в древнем языческом мире, и т.д. Джон Лиланд, доктор философии, автор книги "Взгляд на деистических писателей", 2 тома. 8в. \$ 6.50.

Воспоминания и останки покойного преподобного Чарльза Бака, автора "Богословского словаря", "Сборников" и т.п., содержащих обильные выдержки из его дневника и интересные письма к его друзьям; перемежающиеся различными наблюдениями, объясняющими и иллюстрирующими его характер и работы. Автор: Джон Стайлс, D. D. Boards, 1,25 доллара, в переплете 1,50 доллара.

Гефсимания, или Размышления о страданиях Христа. Автор книг "Путеводитель по семейному счастью" и "Убежище". Доски 88 центов в переплете, 1,12-1/2 доллара.

* * * * *

У А. ФИНЛИ ПОСТОЯННО ЕСТЬ НА ПРОДАЖУ ЦЕННАЯ КОЛЛЕКЦИЯ богословских трудов, семейные Библии и т.д.

Среди которых,

Полное собрание сочинений доктора Айзека Уоттса, 6 томов. 4то. То же, 9 томов. 8в.
Сочинения преподобного доктора Ларднера, 5 томов. 4то. Хедерический словарь, 4то.
Лексиконы Паркхерста на греческом и иврите. Турреттени (Дж. А.) "Омниа опера", 3 тома. 4то.
Пересказ Клерка (Дж.) и филологический комментарий к Пяти книгам Моисея, 4 тома. фолио. Парафраза Нового Завета доктора Гайза, 6 томов. 8во. Проповеди Массильона, 2 тома, 8в.

Рассказ Дюбуа о религии, обычаях и проч. народа Индии, 2 тома. 8в.

Семейные Библии Скотта, кварто и октаво. Комментарии Генри, 6 томов. 4-я часть. & с. & с.

Анатомические гравюры Чарльза и Джона Беллов, а именно.

Гравюры Чарльза Белла с изображением артерий, иллюстрирующие анатомию человеческого тела и служащие введением в хирургию артерий. Изящно напечатан в королевском стиле 8vo. Двенадцать цветных табличек с обильными пояснениями к письмам, ссылками на анатомию Белла и Вистара и т. Д. — Второе улучшенное американское издание в красивом переплете. Цена \$6.

Гравюры Джона Белла с изображением костей, мышц и суставов, в двух частях—

Часть 1. Содержит гравюры на костях, 16 пластин, 4 тома. с пояснениями. В переплете \$ 6,50.

Часть 2.—Гравюры мышц и суставов, 17 листов, 4 тома. с пояснениями. В переплете 7 долларов.

Две части могут быть соединены вместе. Цена 12 долларов.

Серия гравюр Чарльза Белла, объясняющих ход нервов, содержащая девять больших и очень элегантных табличек с подробными пояснениями, 4то. Дополнительные доски \$ 6—в красивом переплете \$ 6 50.

Эти несколько томов *гравюр* , написанных господами Дж . Bell, которые так высоко ценятся в Великобритании, также настоятельно рекомендуются профессиональными джентльменами по всему Союзу. Они сами по себе образуют систему анатомии и должны рассматриваться как очень важное дополнение к каждой медицинской библиотеке.

Руководство медсестры и семейного помощника, содержащее дружеские предостережения главам семей и другим лицам, соблюдение которых крайне необходимо для сохранения здоровья и долгой жизни; с подробными указаниями медсестрам, которые ухаживают за больными, роженицами и т.д. и т.п. Роберта Уоллеса Джонсона, доктора медицины Второе американское издание, исправленное и улучшенное, 1 доллар США.

Медицинские справки и наблюдения и т. Д.. автор: доктор бенджамин Раш, 5-е издание, 2 тома. 7 долларов США.

Зоономия, автор доктор Дарвин, 4-е издание, 2 тома. 7 долларов США.

Вместе с

Вся греческая и латинская классика; и каждое описание французского и английского

ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ,

которые используются в различных семинариях этой страны.

Библиотечные компании, учителя и другие лица предоставляли услуги на очень либеральных условиях.